

Алёна Мёкель

Пикник в Волшебной стране

Моя жизнь с языками

Выходные данные

Алёна Мёкель

ПИКНИК В ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЕ

Моя жизнь с языками

Клаусу, который всегда был рядом и поддерживал меня во всём

Язык — стихийная сила

Владимир Крупин

Часть первая

1

Как известно, перевод служит посредником между культурами. Если он и вправду справляется со своей задачей — а в этом, собственно, и состоит его назначение, — он должен уловить очарование чужого и так перенести его на родной язык, чтобы текст сохранял свою притягательность, но не звучал чужеродно. И слова, и сам стиль должны соответствовать оригиналу, не лишая его первозданности. Автор должен узнавать себя в переводе так, словно сделал его сам, — вместе со своими намерениями, чувствами и тем миром, который его окружает и о котором он пишет. Если такая передача удаётся, её без преувеличения можно назвать искусством. И тогда я невольно спрашиваю себя: удавалось ли и мне в моих многочисленных переводах хоть иногда приблизиться к этому? Совершенства не бывает, но свидетельства авторов и специалистов всё же подтверждают: порой мне действительно удавалось довольно близко подойти к оригиналу.

Когда я получила свой первый заказ — перевод небольшого, простого, но забавно-фантастического рассказа, — мне было около двадцати пяти. Ничто тогда ещё не предвещало, что я стану литературной переводчицей. Я изучала славистику и романистику в Йенском университете имени Фридриха Шиллера, написала дипломную работу —

тяга к русской литературе, как видно, проявилась у меня уже тогда — о знаменитом русском писателе Антоне Чехове, после государственного экзамена 1963 года стала преподавать, а затем по просьбе профессора вернулась в университет. Казалось, меня ожидает научная карьера.

В переводах мне очень помогали и врождённые, и воспитанные качества, которые обычно объединяют словом «талант». Но не меньше значили и особенности моей жизни — совсем не лёгкой. Родившись в Москве в 1941 году, в семье эмигрантов, я росла двуязычной посреди жестокой войны. С многочисленными детьми я говорила по-русски, и родителей это вполне устраивало — отец был родом из Хильдесхайма, мать из Ганновера, — потому что в системе, нередко обращавшейся с нами сурово, им не хотелось лишней раз привлекать внимание немецкой речью. Когда в 1947 году семье позволили вернуться в Берлин, учителя русского хвалили меня за безукоризненное произношение, а немецкие дети дразнили: «Russki, Russki». Меня это больно задевало, и потому я довольно быстро приучила себя говорить по-берлински.

Я уже в детстве говорила по-русски, но, как ни странно, читать и писать научилась только в Германии. Поскольку моего знания немецкого языка было недостаточно для обучения в немецкой школе после нашего возвращения в 1947 году, сначала я пошла в русскую школу, а затем в немецко-русскую школу в Берлине-Панкове. После третьего класса меня должны были перевести в немецкую школу. Однако из-за моего возраста — я пошла в школу не в шесть, как это обычно бывает в Германии, а в семь лет — меня сразу отправили в пятый класс, пропустив четвёртый. Это стало для меня огромным испытанием, поскольку все предметы, включая естественные науки, теперь преподавались исключительно на немецком языке!

Помню свой первый диктант по немецкому языку на тему «День матери». По русской привычке я написала все существительные со строчной буквы, и учитель каждый раз

жирно отмечал это красным как ошибку. В итоге в тетради красного оказалось больше, чем синего, и всё же внизу красовалась отметка «5» — по немецкой системе, разумеется, неудовлетворительная. Сначала я лишь удивилась и уже хотела обрадоваться, но тут поняла: это вовсе не лучшая оценка, к которой я привыкла в прежних школах!

Урок с существительными запомнился мне надолго, и с тех пор я старалась по-настоящему прочно овладеть немецким. Заодно я отучилась «берлинить», и даже лёгкий русский акцент с раскатистым «ррр» постепенно исчез.

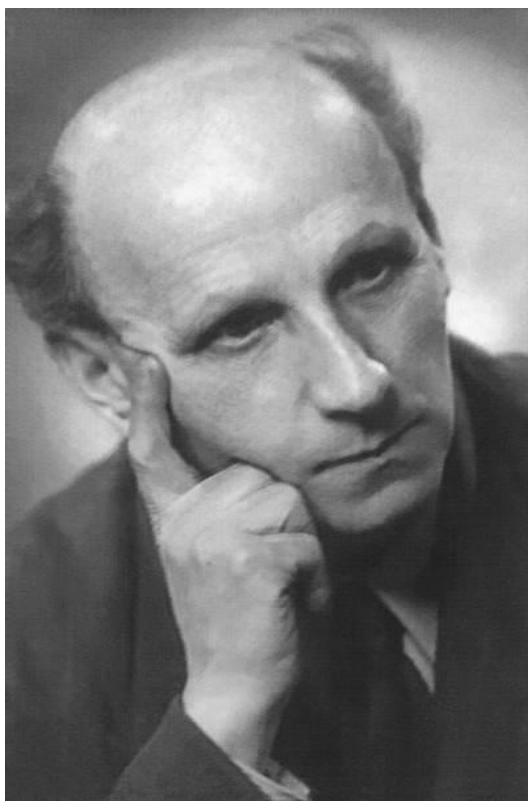
Но вернусь к родителям. Отец был профессором музыки, переводил и писал стихи. Мама, студентка музыкального факультета, была чуть старше двадцати, когда вместе с ним уехала из Германии. Гертруде рано пришлось повзрослеть: в тяжёлых обстоятельствах она родила четверых детей; один ребёнок, девочка, умер вскоре после рождения. При всей этой физической и душевной нагрузке именно она во многом помогала семье держаться на плаву в трудные годы изгнания: вязала и продавала свои работы на рынке, потому что скудного жалованья, которое отец получал за временную преподавательскую работу, едва хватало на самое необходимое. Вернувшись наконец на родину, мама, по-видимому, прекрасно говорившая по-русски, работала переводчицей, пока весной 1948 года не ушла от нас навсегда. Мне было всего семь, когда однажды утром я нашла её перед газовой плитой на кухне. Я до сих пор помню тот ужас, от которого я закричала так, что, казалось, подняла на ноги весь дом, и хлопья пепла в её чёрных волосах — белые, совсем не похожие на светящиеся звёзды.

Газ — Реха, моя бабушка по отцовской линии, с которой мне так и не довелось познакомиться, была депортирована около 1942 года как еврейка в концлагерь Собибор под Люблином, где погибла в газовой камере. Мой отец никогда не рассказывал нам, детям, о своей семье, ни о нацистской эпохе, ни о проблемах и репрессиях, которые ему пришлось

пережить за тринадцать лет эмиграции при Сталине, — о последнем ему, вероятно, нельзя было говорить. Даже ссылка в Сибирь, где мой брат Вольфганг родился в Томске зимой 1938 года при минус сорока, не была темой разговоров.

Герман и Реха Бах с сыновьями Эрвином (стоит) и Хансом, Хильдесхайм, 1911 год

Эрвин Иоганнес Бах, Берлин, 1953 год

Бах за пишущей машинкой, Берлин, начало 1950-х годов

За фортепиано, начало 1950-х годов

Произведение Э. И. Баха «Совершенная фортепианная техника», впервые опубликованное в 1929 году, стало значимым трудом, вызвавшим сильные споры в фортепианном мире благодаря представленной в нём новой технике.

Мама Гертруда с Алёной в 1943 году

Мама Гертруда с детьми Вольфгангом, Хансом и Алёной в 1946 году в Ташкенте

Моя мать, Гертруда, была любящей, но всегда казавшейся серьёзной женщиной, которая, по-видимому, так и не оправилась от трудностей эмиграции и впала в депрессию. Однако от неё я унаследовала мягкий русский акцент и способность вчувствоваться в душу людей этого доброжелательного склада. От отца мне досталась скорее настойчивость в поиске точных формулировок и удачных оборотов. Он умел весомо расставлять слова, любил точность и изящный стиль, но понимал и юмористическое начало в литературе.

После смерти Гертруды нас с братьями отправили в интернат в Панкове, и домой мы приезжали только на выходные. Отцу приходилось много работать: днём он был директором Международной музыкальной библиотеки, а сочинение и поэтические переложения оставлял на поздние вечера и ночи. Спустя некоторое время он женился во второй

раз — на женщине на двадцать четыре года моложе себя, в которую был очень влюблён. Ей ещё не было тридцати, собственных детей у неё не было, и меня с двумя старшими братьями — нам тогда было от девяти до шестнадцати лет — она, можно сказать, приняла вместе с этим браком как «приданое» моего отца. Конечно, она относилась к нам с симпатией и довольно умело устроила семейный быт с помощью экономки, которая с первого дня была рядом с ней и жила у нас. С нашей новой матерью мы праздновали «настоящее» Рождество, она следила за тем, как мы выглядим, и первые годы всё шло довольно гармонично. Но чем старше мы становились, тем труднее делалась совместная жизнь, и мы, дети, всё чаще мечтали уехать из дома. Мой старший брат Ханс начал изучать историю в Москве; средний, Вольфганг, едва достигнув совершеннолетия и получив аттестат зрелости, перебрался в Йену изучать геологию. Я тоже после школы хотела уехать из Берлина — мне хотелось заниматься языками! Больше всего меня тянул Росток: нравилось Балтийское море, север, его неторопливые люди и их приятный широкий говор. В старших классах я часто работала вожатой в детских летних лагерях на Рюгене — наверное, отсюда и моя любовь к этому краю. Но в конце концов именно Вольфганг уговорил меня ехать в Йену, потому что, по его словам, он чувствовал себя там «ужасно одиноким». Как я быстро убедилась, это было совершенно не так: обаятельный молодой человек, он неизменно был окружён несколькими привлекательными студентками. Как бы то ни было, Йена оказалась для меня настоящим счастьем, потому что именно там я встретила своего будущего мужа.

Но прежде чем это могло произойти, летом 1961 года судьба нанесла мне ещё один жестокий удар. Мой отец перенёс инсульт и вскоре после этого умер после попытки самоубийства. Симфония, которую он сочинил, несмотря на все его усилия, так и не была исполнена, а с парализованной рукой он уже не мог играть на любимом фортепиано.

И снова именно я нашла его в ванне — с перерезанными венами на запястьях; этот образ навсегда врезался мне в память. Я уехала в Берлин на несколько дней во время семестровых каникул и осталась дома одна с ним; отец воспользовался тем временем, пока я ходила за молоком к завтраку. Прощальное письмо он адресовал жене, которая в то время путешествовала с нашим соседом, уважаемым главным врачом. Я не могла с ней связаться, как и со своими братьями, один из которых был в Москве со своей невестой, другой — в экспедиции в далёкую Монголию... Я отвлеклась. Поскольку мой отец был не только музыкантом, но и искусным переводчиком и поэтом, это отступление, пожалуй, уместно. Кстати, он умер во время строительства Берлинской стены, поэтому я тогда почти не заметила этого знаменательного события.

Решение заняться переводом несколько лет спустя было также обусловлено влиянием моего мужа, который переехал в Берлин в 1963 году и теперь работал в известном издательстве. Он вернул меня в город, где я прожила много лет и куда из-за тяжёлых семейных событий я не очень-то хотела возвращаться. Я также начала работать в издательстве и готовилась к рождению нашего ребёнка. В то время мы понятия не имели, что это будет «особенный» ребёнок, ребёнок с инвалидностью — всё казалось совершенно нормальным...

Мы уже несколько раз писали о Дане и будем продолжать это делать, пока сможем его поддерживать. Помимо глухоты и неспособности говорить, именно его умственное нарушение делало наше общение с ним таким трудным, особенно в первые десять лет. Его рождение коренным образом изменило нашу жизнь. Только тот, кто воспитывал такого ребёнка или хотя бы пытался это сделать, может по-настоящему понять нашу ситуацию.

В те годы в ГДР для таких детей, как Дан, не было ни мест в яслях, ни какой-либо иной формы присмотра. Он жил дома, и

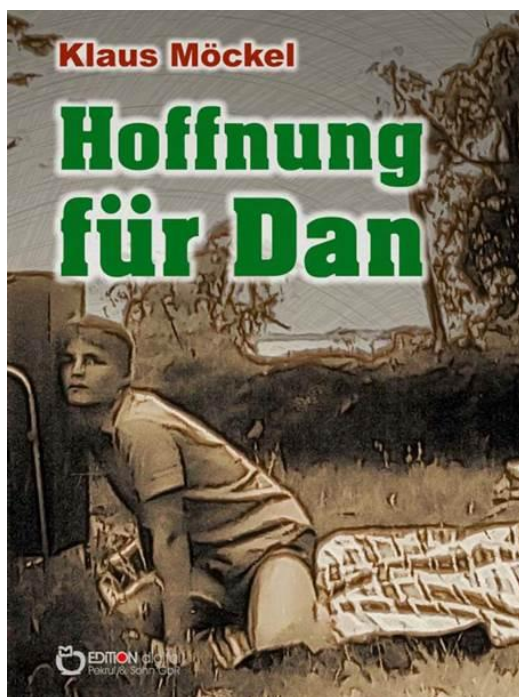
мне пришлось бросить работу в издательстве, чтобы ухаживать за ним. Мой ребёнок требовал от меня всех душевных и физических сил, бунтуя против мира, с которым не мог общаться.

Чтобы найти хоть какое-то равновесие, мне отчаянно нужна была работа на дому, такая, которая хотя бы немного доставляла бы удовольствие. Дополнительный доход также был бы очень кстати для нашего довольно скудного семейного бюджета, так как мой муж брал один неоплачиваемый выходной в неделю в издательстве, чтобы помочь мне.

С литературой я была на «ты» и в языковом отношении тоже считала, что справлюсь. К тому же рядом со мной был человек, с которым можно было обсуждать трудные места и вместе находить решения. Итак, я начала искать заказы и с удивлением обнаружила, что меня там вовсе не ждали. Особенно в том издательстве, где я прежде работала в штате, мне ставили в вину, что я вдруг решила перейти на вольные хлеба. Стоило немалых усилий объяснить ситуацию с нашим сыном, но постепенно мне всё же удалось войти в эту новую для меня профессию. В ГДР авторы из страны «старшего брата» пользовались большим уважением, и для переводчиков с русского работы было сколько угодно. То, что поначалу мне приходилось иметь дело главным образом с особой ветвью литературы — SF, которую у нас, в ГДР, называли научной фантастикой, — в сущности неудивительно. Люди жаждали развлечения, а здесь были и приключения, и простор, и веселье. Подобно детективу, этот жанр позволял ещё и скрытую критику — а смывлёный гражданин ГДР умел читать между строк.

2

Поскольку первые рассказы, по-видимому, удались мне, вскоре мне стали предлагать и более длинные тексты. Но из-за Дана, который, как выражались неврологи, был крайне «неугомонным», с утра до вечера издавал пронзительные звуки и в первые пять лет почти ни одной ночи не спал спокойно, я предпочитала короткие тексты — с ними можно было справиться быстрее. Об этом не раз говорится в книге «Надежда для Дана», которую мой муж написал в 1983 году и которую мы, страницу за страницей, продумывали вместе. В каждой строке там — мой опыт с нашим ребёнком, мои чувства и моя боль. Позволю себе привести два отрывка:

У меня на столе лежит рассказ из Дагестана, ожидающий перевода. В нём рассказывается о хромом и одноглазом, которые вместе идут по горам. Одноглазый пытается украсть

дыни, а хромой, тщетно пытающийся его отговорить, получает за это побои. Ему достаётся ещё и вторая порция побоев — та самая, что предназначалась его спутнику...

Я смеялась, когда читала эту историю; она и теперь всякий раз меня забавляет. Наверное, она так мне близка потому, что я и сама нередко ощущаю себя тем самым хромым, которого судьба бьёт без вины. Я хочу сесть за работу — лучше всего прямо сейчас, — но в эту минуту это невозможно. Передышка после того, как я совсем выбилась из сил, закончилась: я снова по уши в повседневных заботах. Утром — уход за Даном, потом покупки и, вдобавок, сегодня ещё поход с ним к врачу. Несмотря на помощь Клауса, по дому скопилось немало дел, а срок сдачи перевода уже сорван.

Завтракаем мы порознь. Сначала ест Дан: своей вечной непоседливостью он лишает нас покоя и на каждый кусок тратит бесконечно много времени. Потом — когда он снова уходит к себе — мы наскоро перекусываем; я ем меньше всех, ведь мне не нужно идти на работу. Настоящая пытка начинается, когда Клаус уходит, и я завидую ему уже за то, что он может просто выйти из дома. Это то время, когда я только пробую себя в переводе и мечтаю осилить хотя бы три-четыре страницы в неделю. Но где взять сосредоточенность? Я сажусь за стол в гостиной; Дан в соседней комнате занят какой-то игрушкой, которую, впрочем, тут же швыряет, и немедленно заводит свой «певческий номер». Хотя бы полстраницы, думаю я; утром у меня ещё самая свежая голова. Мне надо выйти на след пропавшего космического корабля — издательство доверило мне фантастический рассказ. Итак: «Петров многозначительно посмотрел на бортинженера и переключил рацию на приём...» «И-и... и-и...» Нет, это не рация, это мой сын. Неужели он не может хоть на минуту умолкнуть? Я вскакиваю, бегу туда, распахиваю дверь. Он не слышит, как я подхожу: сидит ко мне спиной, смотрит на солнечный кружок, пляшущий на стене, и тянет свои монотонные звуки. Я обезоружена, но легче мне от этого не становится. Чтобы хоть что-то сделать, я касаюсь его

и показываю на рот: замолчи. Он смотрит на меня непонимающе — хотя временами мне кажется, что он всё отлично понимает, просто нарочно испытывает меня, и тогда мне хочется наброситься на него с кулаками. На миг он смолкает, я возвращаюсь к столу, снова беру книгу: «Двое мужчин, подавшись вперёд в креслах, напряжённо вслушивались. Их сигнал ушёл в бесконечный космос — последует ли ответ?» Но ответа нет — по крайней мере пока. Мой сын снова визжит. Как тут, чёрт возьми, можно ясно мыслить? Мне бы только десять минут тишины, чтобы войти в работу.

Натёртое яблоко — вот что! Ему ведь всё равно нужно побольше витаминов. Я бегу на кухню, натираю яблоко и подаю его на маленькой пластиковой тарелке. Дан в восторге, он благодарно улыбается мне, но хочет, чтобы я положила ложку ему в рот. Какая от этого польза? Он может съесть фруктовое пюре сам; он вполне способен на это. Я оставляю Дана с тарелкой и возвращаюсь к Петрову, который после долгого, бесплодного ожидания ответа меняет курс на ужасную чёрную дыру, сжатую звезду, которая засасывает все тела с огромной гравитационной силой. «Они летели со скоростью света сквозь неизмеримую бескрайность и одиночество космоса». Да, теперь я понимаю; я тоже постепенно начинаю дрейфовать. Правда, не со скоростью света — и лишь до тех пор, пока в соседней комнате ещё есть тёртое яблоко. «И-и... И-и... И-и...». Я закрываю уши, мечтаю оказаться подальше от этой квартиры, в одиночестве неизмеримого космоса. Но я здесь с Даном; никто не предоставит мне космический корабль, а если бы и предоставили, ребёнка всё равно отправили бы со мной — под материнский присмотр и уход. И мне пришлось бы положить его вместе с кроватью в спальный отсек. Я в плену, скована нормами человеческого сосуществования — этим вынужденным сидением бок о бок.

Я хватаю сумки, беру Дана — и мы отправляемся на свежий воздух. Ему нужно много воздуха, чтобы лучше спать. Когда

он пристёгнут в прогулочной коляске, я хотя бы держу его под контролем. Он всё ещё визжит, но уже не так пронзительно. Во всяком случае, пока Дан в коляске, я могу брать его с собой за покупками. Правда, я не могу долго оставаться в одном магазине; обычно вскоре находится какая-нибудь пожилая дама, которая обращает моё внимание на крики моего мальчика. Но если распределять покупки по разным магазинам, как-то удаётся справиться. Время у меня ведь есть — день всё равно надо как-то дотянуть до вечера.

Потом мы на детской площадке. Дан сидит на корточках в песочнице, но не играет; он просто разбрасывает всё вокруг. Свою лопатку, формочки, ведёрко и, главное, песок. Он визжит от восторга; песок, подхваченный лёгким порывом ветра, летит к скамейкам, где сидят другие мамы и мирно болтают. Песок летит им в глаза, забивается за ворот, оседает в волосах. Другие дети кричат, мамы жалуются, я пытаюсь вразумить Дана, но всё бесполезно. Мы прогоняем всех, кто осмеливается подойти к нам, и в конце концов нам приходится самим уходить. Ещё одна детская площадка, всё то же волнение. Наконец, приближается полдень, и мы возвращаемся домой. Если бы только он сегодня поспал — и, действительно, он оказывает мне услугу. Полчаса, а потом его «И-и... И-и...» снова эхом разносится по стенам.

Так выглядела моя «рабочая ситуация» на протяжении многих лет. Да и жили мы очень тесно. Сначала у нас было всего полторы комнаты и маленькая промежуточная лестница, по которой на ночь приходилось поднимать наверх Данину кровать. Четвёртый этаж, старый дом без лифта — так называемая квартира, которую трудно было сдать: ни ванной, ни туалета в квартире, только общий с соседями туалет за пределами квартиры, угольное отопление, на кухне — раковина с холодной водой и обеденный стол, который с помощью двух выдвигаемых тазов можно было превратить в умывальник. И в придачу — чудесный вид на дымящую трубу.

Позже нам дали квартиру получше — всё ещё тесную, но хотя бы с ванной и туалетом! Как и прежняя, это был старый дом на оживлённой магистрали, на углу перекрёстка, тоже на четвёртом этаже, так что подниматься туда пешком было ещё тем испытанием, особенно с коляской. Однажды я ненадолго оставила её в подъезде, и какой-то «добрый» человек тут же её присвоил. Несколько лет спустя, благодаря особому разрешению из-за инвалидности Дана, нам позволили частично заменить угольные печи газовыми обогревателями, и наконец нам провели столь важный для нас телефон.

Поскольку муж тоже работал дома по вечерам и в выходные, в гостиной стоял письменный стол, а в спальне — маленький рабочий столик с пишущей машинкой. Всё это вообще было возможно только потому, что, как я уже упоминала, раз в неделю я могла «взять выходной от Дана» и немного «передохнуть» в библиотеке. Это действительно было необходимо, потому что переводить «научную фантастику» на немецкий — дело со своими подводными камнями. У этого жанра особый словарь, и он требует немалой изобретательности. И здесь тоже верна старая истина: удачное обычно приписывают автору, а всё менее удачное — переводчику.

Одним из первых романов, за который я наконец взялась, был «Леопард с вершины Килиманджаро» Ольги Ларионовой. Он был опубликован на немецком языке в 1974 году издательством Neues Leben, но в Советском Союзе вышел несколькими годами ранее. В то время советская литература в целом, а фантастика в особенности, переживала подъём. Как мы помним, Сталин умер в 1953 году, а Хрущёв в своих знаменитых речах разоблачал зверства, даже преступления, со времён «генералиссимо», которые глубоко потрясли эту огромную страну. В то же время, однако, были и первые успехи в освоении космоса. Гагарин стал первым человеком, совершившим орбитальный полёт вокруг Земли в апреле 1961 года, а Советский Союз был в числе двух сверхдержав, запускавших ракеты в космос.

Русская фантастика, в целом мечтавшая о возвышенном и гармоничном будущем, не изменилась до неузнаваемости, но стала более скептической и конфликтной. На первый план вышли новые авторы, среди них братья Аркадий и Борис Стругацкие, Геннадий Гор, Илья Варшавский и, конечно, Ольга Ларионова. «Леопард с вершины Килиманджаро» — роман, полный психологии и философии; в нём захватывающие приключения и переживание сильной любви уравнивают друг друга. И когда речь идёт о трудностях перевода такой литературы, дело не только в технически-фантастической лексике, но и в главных идеях книги, которые нужно уловить во всех их нюансах и оттенках.

Уже сама завязка романа обещает особое напряжение. В мире будущего космический корабль отправляют исследовать, можно ли заселять другие планеты. Чтобы действовать целенаправленно, управляющий кораблём искусственный интеллект снабжают всеми доступными знаниями о людях. Но корабль, «соблазненный» этим знанием, отправляется не в пространство, а в путешествие во времени — и возвращается с новыми сведениями о людях: с данными о годах их смерти.

Главному герою, который после долгого отсутствия возвращается к жене, приходится жить с этим знанием. Своего года смерти он не знает, зато ей известен её последний год — и он как раз начался! Как им обоим справиться с такой ситуацией? Рамон понимает, что многое теперь отделяет его от Саны, но всё же заставляет себя остаться рядом. И всё сильнее его притягивает другая, более молодая женщина — более свободная в чувствах, мыслях и поступках. Из этого главного конфликта вырастают многие частные противоречия, раскрывающиеся в самых разных характерах и моделях поведения. Леопард в горах, стремящийся не к смерти, а к спасению, становится символом вечной тоски по свободной жизни.

Вот и всё об Ольге Ларионовой. Родившись в Ленинграде в 1935 году, писательница, пережившая блокаду города в пятилетнем возрасте, позже изучала физику и работала инженером-металлургом, прежде чем стать писательницей. Она создала множество успешных рассказов и романов, включая девятитомный романный цикл «Знаки зодиака», выходявший с 1976 по 1990 год. За свои работы она получила несколько наград.

Братья Стругацкие, с которыми я познакомилась примерно в то же время, не нуждаются в представлении. Два брата, Аркадий — англист и японист, Борис — астроном — сейчас всемирно известные писатели, их произведения переведены на множество языков. В своём жанре они практически единственные авторы советской эпохи, чьи произведения до сих пор публикуются в Германии. Тогда они ещё не были так знамениты, и мне посчастливилось получить для перевода одну из их ранних книг — роман «Далёкая Радуга». Так в их романе названа планета, где люди приступили к важному проекту: исследованию нуль-транспортировки. С этой целью они превратили её в обширное экспериментальное поле. Слепо преследуя свои цели, учёные упорно продвигают своё дело и даже добиваются отправки некоторого количества материи в космос. Пока не приходит смертоносная «волна», заставляющая их делать выбор — в пользу своих исследований или в пользу людей.

Один из лучших романов этого авторского дуэта отличается мощным, неуклонно нарастающим динамизмом. Хотя все учёные преследуют одну цель и действуют как единое целое, они одновременно соперничают друг с другом. Каждый стремится к собственной выгоде для своего отдела и своего эксперимента. Прежде всего учёные переманивают друг у друга, а то и просто крадут вечно дефицитную энергию и производящие её «ульмотроны». В этом нетрудно узнать дефицитную повседневность реального социализма. Но авторов волнует нечто большее: вопрос о подлинном существовании, которое со всеми его эмоциями, любовью и

печалью, его многообразием, не должно быть принесено в жертву грандиозным, слепым идеям.

«Далёкая Радуга» несколько раз переиздавалась в ГДР, и крупные издательства Западной Германии также брались за мой перевод. Аналогичная ситуация сложилась с «Полдень, XXII век», «Малыш» (немецкое издание: „Die dritte Zivilisation“, позднее также „Der Knirps“), «Пикник на обочине» и другими произведениями. Другие переводчики также переводили книги братьев Стругацких на немецкий язык.

Из упомянутых произведений «Пикник на обочине» — самое известное, поэтому я хочу остановиться на нём подробнее. История начинается с визита инопланетян. Однако речь идёт не о прибытии, пребывании или встрече с явно превосходящим разумом, как это часто бывает, а скорее о том, что оставили после себя «Посетители»: разрушения и загадочные предметы. Этот «визит» состоялся тринадцать лет назад, и есть свидетельства о горящих районах города Хармонт, о распространяющихся болезнях, о страшных сотрясениях и о гибели множества людей. Однако никто не видел никаких существ или космических кораблей и не может их описать. Теперь там, где инопланетяне ненадолго задерживались или где что-то просто упало с неба, находятся мёртвые, чётко очерченные и тщательно охраняемые зоны. Любой, кто туда входит, рискует жизнью. Там его неожиданно подстерегают такие опасности, как «жгучий пух», «комариная плешь», «ведьмин студень», «смерть-лампа» и «мясорубка», в которой человека разрывает на части. Но есть также «пустышки» и «полные пустышки», чудесные «батарейки», «спички», «браслеты» и «Золотой шар», исполняющий желания. Это объясняет, почему «охотники за сокровищами», такие как Рэдрик Шухарт, в сущности порядочный, но не слишком охочий до работы парень, рискуют жизнью и здоровьем, чтобы вытащить такие штуки из Зоны и сбывать их заинтересованным покупателям за несколько «синих». В отличие от охотников за сокровищами, богатеют только

перепродавцы, но, по крайней мере, от этого выигрывает и наука, поскольку загадочные предметы служат объектами исследований.

Это книга сплошного напряжения; вместе с тем она показывает вполне реальную картину: шумиху вокруг «запретных зон», жадность к сокровищам, безразличие покупателей к жертвам и нравственное падение многих «охотников за сокровищами». Рэдрик, который делает всё, чтобы обеспечить хорошую жизнь своей жене и маленькой, изуродованной дочери — следствие его неоднократных вылазок в заражённую зону, — единственный, кто добирается до Золотого шара. Во время своих вылазок он видел, как рядом с ним многие погибали страшной смертью; в конце концов, ему «пришлось» отправить доверенного ему подростка на бойню, то есть в «мясорубку», чтобы выжить. Теперь, когда он достиг своей цели и может загадать желание, он не только совершенно измотан, но и осознаёт пустоту своего прежнего существования. На последней странице книги авторы дают ему выкрикнуть всю свою муку:

Рэдрик был весь в поту, чуть не задыхался от жары и одновременно его охватывал озноб. Он дрожал всем телом, словно пьяный, — мучнистая пыль отвратительно хрустела у него между зубами. Он совершенно не пытался ни о чём думать; он повторял снова и снова, словно молитву, в полном отчаянии: «Я ведь животное, ты же видишь, Шар, что я животное. У меня нет слов, меня словам не учили, я и думать не умею, эти гады не дали мне научиться. Но если ты и правда такой... такой всемогущий, всесильный, всепонимающий, тогда попробуй понять меня! Загляни мне в душу — я знаю, там есть всё, что тебе нужно. Должно быть. Душу-то я никому не продал! Она моя, человеческая! Прочитай во мне, чего я хочу, потому что я не могу хотеть дурного! Чёрт меня побери, но ничего другого я придумать не могу, кроме этих слов: Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженный!»

Аркадий и Борис Стругацкие (1925–1990 и 1933–2012 соответственно) также написали сценарий к фильму «Машина желаний» по мотивам «Пикника», который я также перевела на немецкий язык. Известный режиссёр Андрей Тарковский первоначально использовал его в качестве основы для фильма, но затем значительно от него отклонился. Тем не менее, его работа под названием «Сталкер» также получила высокую оценку и способствовала популярности «Пикника».

Оба автора в детстве пережили Ленинградскую блокаду. Их отец погиб, пытаясь бежать через Ладожское озеро со своим старшим сыном, а мать осталась в городе с Борисом и выжила. Аркадия тоже удалось спасти.

Братья получили множество наград. В их честь назвали астероид, а их книги разошлись тиражом более пятидесяти миллионов экземпляров по всему миру на многих языках. Возможно, моё описание «Пикника» даёт почувствовать, насколько трудно было его переводить: в немецком переводе даже слово «сталкер» доставило мне немало хлопот. В романе оно обозначает людей вроде Рэдрика, которые пробираются в строго охраняемые «зоны смерти», чтобы искать, выносить и продавать оставленные «Посетителями» предметы. При этом для меня слово *Stalker* невольно перекликалось с русскими словами «столкнуть» / «сталкивать» — «сбросить, столкнуть вниз», — и подсказывало один круг ассоциаций, тогда как немецкому читателю слово *Stalker* сегодня говорит совсем о другом: о человеке, который кого-то подстерегает, преследует, запугивает, навязчиво донимает. Поэтому понадобилось немало раздумий, прежде чем я остановилась на слове *Schatzgräber* — «кладоискатель», «охотник за сокровищами».

Алёна Мёкель, 1982

3

Книги братьев Стругацких стали одним из первых ярких событий в моей новой работе, однако в семидесятые и восьмидесятые годы я переводила и произведения других авторов-фантастов, например Ильи Варшавского (1908–1974) и Геннадия Гора (1907–1981), у которого в рассказе «Синее окно Феокрита» человек попадает во временную петлю. Он вынужден без конца перепрыгивать с одного камня на другой и обратно. Этот и другие рассказы не раз публиковались в различных сборниках.

Конечно, мне тогда предлагали и книги, не имевшие никакого отношения к фантастике, например, разведывательный роман «Дом без ключа» Алексея Азарова и Владислава Кудрявцева. Он рассказывал о группе сопротивления «Красный оркестр» в эпоху нацизма, о борьбе с немецкой секретной службой и был невероятно захватывающим. Помимо таких текстов, относившихся к так называемой U-Literatur, то есть развлекательной литературе, которые продавались очень хорошо, но не удостаивались статуса «высокой» литературы, издатели в конце концов обратились ко мне и с произведениями так называемой E-Literatur — «серьёзной», художественно более притязательной литературы. Я подготовила к изданию сборник стихов Евтушенко и переводила произведения новых авторов, таких как Юрий Антропов и Борис Можяев. Но об этом позже. Сначала я хотела бы рассказать о Кире Булычёве и его детских книгах.

Булычёв (родился в Москве в 1934 году и там же умер в 2003-м), с которым мне посчастливилось лично познакомиться уже после падения Берлинской стены и который, как, кстати, и Евгений Евтушенко, оставлял дарственные надписи в экземплярах моих переводов, для меня всецело принадлежит миру фантастики. Он писал и

произведения для взрослых, например роман «Посёлок» (немецкое издание: „Überlebende“), полный приключений и драматизма, но прежде всего создал замечательные детские книги. Его рассказы о Гусяре и Юльке, его серия об Алисе, которую я в основном переводила в восьмидесятые годы и которая, безусловно, доставила бы радость и сегодняшним детям, искрятся остроумными находками. При этом Алиса, девочка из XXI века, кроме имени, имеет мало общего со знаменитой «Алисой в Стране чудес», автора которой, Льюиса Кэрролла, он, к слову, очень ценил. Это просто умная, порой не по годам рассудительная девочка, которая умеет постоять за себя в любой ситуации. Благодаря Булычёву она летает на космических кораблях, общается с марсианами, сражается с опасными космическими пиратами, разговаривает с болтливыми птицами и, если понадобится, даже с призраками. Разумеется, всему находится «научное» объяснение. Её отцу, во всяком случае, стоит немалых трудов снова привести в порядок всё, что она натворила, но и это смыслёное создание нередко находит решение взрослых проблем. Так, например, однажды на борту её космического корабля несколько обычно мирных кустов с далёкой планеты, которые собирались доставить на Землю, вдруг взбунтовались и набросились на людей. Отец Алисы вспоминает:

Я только закончил работу с камерой, когда услышал громкий крик. Это был голос Алисы, и я побежал изо всех сил, оставив камеру в каюте экипажа, вниз в грузовой отсек. «Папа, — крикнула Алиса, — смотри!» «Помогите! — крикнул Зелёный. — Они нападают!» Ещё несколько шагов — и я оказался у двери грузового отсека, где столкнулся с Алисой и механиком. Точнее, я столкнулся с Зелёным, который держал Алису на руках.

Затем в дверном проёме появились кусты. Это было поистине ужасающее зрелище. Растения вылезли из наполненного песком ящика и тяжело, на своих коротких, недоразвитых корнях, ковыляли к нам. Они двигались полукругом, их ветви колыхались, бутоны раскрывались, и

среди листьев розовые цветы тускло мерцали, словно злые блестящие глаза.

— К оружию! — крикнул Зелёный, передавая мне Алису. — Захлопни дверь! — сказал я. Но было уже слишком поздно. Пока мы пытались протиснуться мимо друг друга, первый куст достиг двери, и нам пришлось отступить в коридор. Один куст за другим следовал за своим лидером.

Зелёный побежал на мостик за оружием и нажал все кнопки сигнализации, но я схватил швабру, прислоненную к стене, чтобы защитить Алису. Она заворожённо следила за нападением, как кролик, глядящий на змею. «Да беги же наконец! — крикнул я. — Я больше не смогу их сдерживать!» Кусты тянулись к швабре своими крепкими, гибкими ветвями, пытаясь вырвать её у меня. Я отступил. «Останови их, папа!» — закричала Алиса и убежала. Слава богу, подумал я, что хотя бы Алиса в безопасности. Моё же положение оставалось шатким. Кусты пытались загнать меня в угол, и швабра уже ничем не помогала.

— Зачем Зелёному огнемёт? — вдруг услышал я голос Полоскова в микрофоне. — Что-то случилось? — На нас напали кусты, — ответил я, — но огнемёт ему всё равно не давай. Я хочу попытаться запереть их обратно в грузовом отсеке. Как только они окажутся за соединительной дверью, ты получишь сигнал, и тогда сможешь закрыть сегмент. — А ты разве не в опасности? — спросил Полосков. — Нет, пока я держу оборону.

В тот же миг ближайший куст вырвал швабру из моих рук. Она отлетела в дальний угол коридора, и кусты, видимо, осмелев от моего безоружного состояния, бросились на меня плотным строем. Внезапно я услышал быстрые шаги позади себя. «Куда ты идёшь, Алиса?! — закричал я. — Назад! Они сильны, как львы!» Но Алиса выскользнула из-под моей руки и бросилась к кустам. В руках у неё был большой блестящий предмет.

Я хотел последовать за ней, но потерял равновесие и упал. Я всё ещё видел свою дочь, окружённую грозными ветвями непокорных кустов. «Полосков, — закричал я, — помоги!» В этот момент песня кустов затихла — её сменил тихий ропот и стон. Я вскочил на ноги — передо мной развернулась самая мирная картина: Алиса стояла среди кустов, поливая их из лейки. Растения тянули ветви, стараясь не упустить ни единой капли, и довольно вздохнули...

После того как мы вернули кусты в грузовой отсек, убрали сломанную швабру и вымыли пол, я спросил Алису: «Как ты только до этого додумалась?» — «Всё просто, папа. Кусты — это растения, поэтому их нужно поливать. Как морковь. Но мы их выкопали, посадили в ящик с песком и забыли полить».

С того дня кусты мирно жили в своём ящике. Только один из них, самый маленький и самый живой, часто вылезал из контейнера с песком и поджидал нас в коридоре. Он шелестел короткими веточками, напевал себе под нос и просил воды. Я попросил Алису не перекармливать его — вода уже капала со всех его корней, — но она пожалела его и время от времени приносила ему дополнительную чашку воды до конца поездки. Это было бы вполне терпимо, если бы она однажды не предложила ему компот. С тех пор маленький кустик никак не уймётся. Он ковыляет по коридорам, оставляя за собой влажные следы, и назойливо тычется листьями прохожим в ноги. У него нет ни капли ума, зато компот он просто обожает.

Автор, настоящее имя которого Игорь Можейко (одно из посвящений он подписал мне просто: «Игорь»), востоковед по профессии, пускает в ход всё своё мастерство. «Для детей нужно писать так же, как и для взрослых, только лучше», — сказал однажды Горький. Создатель Алисы именно так и поступал, и я, как переводчица, тоже стремилась к этому.

С благодарностью дорогой Алёне Мёкель, Игорь

Дорогой Алёне Мёкель, в память о нашей встрече, 17 мая 1996 года

4

От беззаботных историй об Алисе и Юльке я теперь вполне естественно могу перейти к своим юмористическим антологиям. Обычно я бралась за эти проекты самостоятельно, отправляла их издателям, а когда получала согласие, переводила рассказы.

Итак, в 1976 году берлинское издательство Eulenspiegel опубликовало мою первую попытку работы в этом направлении: сборник «Невеста из троллейбуса». Многие тексты я нашла в «Литературной газете», а окончательный отбор сделала вместе с заведующим отделом сатиры и юмора Виктором Веселовским. Это короткие рассказы, которые и сегодня вызывают улыбку. Например, в рассказе Герберта Кемоклидзе «Мелочи жизни» умирающий Пётр Пантелеевич признаётся своему другу Ване, как скверно он обходился с ним при жизни. Тридцать лет назад, из зависти, он серьёзно ранил Ваню брусчаткой, затем лишил его заслуженного санаторного отдыха, украл у него красавицу Оленку, отобрал новую квартиру прямо у него из-под носа, даже оклеветал его и вынудил уволиться с работы. «Но зачем ты всё это сделал? — наконец спрашивает друг с побледневшим лицом. — Из зависти и мстительности», — признаётся Пантелеевич. И добавляет, что, хотя в мелочах жизни он, возможно, и был мерзким негодяем, в благородных, великих делах он предстаёт перед ним совершенно чистым, «чистым, как кристалл». Затем он умирает, а его доселе ничего не подозревавший друг опустошен. «И никто так и не узнал, — заключает он, — что Пантелеевич считал великими и благородными делами».

Подобные тексты можно найти и в книге Леонида Ленча «Взяточник в аду», которую я опубликовала несколькими годами позже в том же издательстве. Ленч, родившийся в 1905 году, давно прославился своими сатирическими

текстами, и этой книгой, как писал известный юморист Лотар Куше в «Die Weltbühne» в 1980 году, мне удалось установить «отрадную преемственность». Ведь ещё в 1961 году мой отец, Эрвин Иоганнес Бах, после переводов лирики Есенина и Щипачёва перевёл «Юморески» этого классического сатирика и издал их в издательстве Eulenspiegel Verlag. (Кстати, мой отец тоже сам писал сказки. В 1951 году он опубликовал в Берлине в издательстве Alfred Holz Verlag сказку «Заяц-пастух» в стихах; в 2014 году издательство «Edition digital» выпустило и цифровую версию.)

Думаю, мой сборник «Ванна, полная икры», впервые опубликованный в 1983 году также издательством Eulenspiegel, можно назвать особенной книгой. В этом томе мне удалось разыскать юмористические рассказы из всех советских республик того времени и перевести их на немецкий язык. Цитирую из своего послесловия:

Идея собрать юмористические рассказы из Советского Союза в многонациональную антологию была изначально привлекательной. Какая огромная страна, какие территориальные и климатические контрасты в одиннадцати часовых поясах, и каким разнообразием обычаев и особенностей обладают её жители. Деревня под Вологдой не сравнима с дагестанским аулом, кувшин грузинского вина — с чашкой кваса из Москвы. Дальневосточный холод и пустынная жара юга, кавказский горный воздух и ветер на сибирских равнинах — какие разные повадки и черты характера они рождают! Народный юмор присутствует в коротких, острых текстах Абу-Бакара, автора, хорошо известного в родном Дагестане и за его пределами. Его персонажи глубже укоренены в традициях, чем где-либо ещё; их находчивость, кажется, напрямую проистекает из родного горного мира. Или бабушки Абрамова и Белова, чья добродушная храбрость, кажется, берёт своё начало, так сказать, в густых лесах севера. Напротив, наяда московского Леонида Ленча (хотя и рождённая морем) воплощает любовь к городу... Целью было создание легко читаемого и приятного

для чтения тома, который вызывал бы улыбки, смех и размышления. Сочетание коротких и длинных текстов, рассказов, построенных на острой концовке, и тех, чей юмор заключается в деталях или в постепенно раскрывающейся центральной идее, оказалось разумным подходом, поскольку оно предоставило возможность включить в сборник представителей более мелких национальностей. Это такие народы, как тувинцы или марийцы, чья письменность и литература имеют сравнительно недолгую историю и которые ещё не дали своего яркого писателя-юмориста.

При составлении примерно 250 страниц материалов, ранее не публиковавшихся в ГДР, я обращалась к книгам более известных авторов, но прежде всего к журналам. Однако, чтобы получить литературу из более отдалённых регионов, мне также приходилось вести оживлённый обмен письмами. Иногда мне это удавалось, иногда нет. Например, редакция одного дальневосточного журнала ответила на мой запрос кратко и вежливо, извинившись, но сказав, что ничего нам прислать не может. И, буквально: «У нас нет чувства юмора».

В сборнике «Ванна, полная икры» среди многих других представлен и дагестанский писатель Ахмедхан Абу-Бакар. Одна из записанных им историй из горных районов посвящена Хемингуэю, который, по словам Абу-Бакара, в те годы был известен даже в самых отдалённых уголках Дагестана. В этом эпизоде почтенный старик Осман приезжает из далёкого аула в гости к Мураду, у которого на стене висит портрет Хемингуэя. Он спрашивает, кто это, и Мурад, желая пошутить, утверждает, что это его дед, спрашивая, не узнает ли он его. «Ах да, — говорит гость, — теперь я вспомнил: твоего деда, конечно!» Спустя некоторое время, после того как они с удовольствием приложились к вину, он неожиданно добавляет: «Ещё бы мне не помнить! Всякий раз, когда я встречал его, я всегда говорил: „Шичша, — говорил я ему, — ты вылитый Хемингуэй“».

Я помню забавный эпизод с Ахмедханом Абу-Бакаром, родившимся в 1931 году в даргинском ауле, автором многочисленных романов и рассказов, чей сатирический роман «Снежные люди» я позже перевела для издательства Eulenspiegel Verlag. Ближе к концу существования ГДР мы с мужем проводили несколько дней в Польше, когда в нашем отеле остановилась туристическая группа из Дагестана. В основном это были женщины, учительницы, которые не рассчитали климат и в большинстве своём были одеты слишком легко. Я подарила одной из них свою вязаную кофту, другой — тёплый платок, и с тех пор мы стали для них почти своими. Они пригласили нас в свои номера и угостили тем немногим, что привезли с собой. Так получилось, что одна из них, учительница французского языка, нашла в моём муже прекрасного собеседника, с которым могла общаться на иностранном языке. Женщины были в полном восторге, узнав, что я не только знаю Абу-Бакара, их народного писателя, по имени, но даже перевела его произведения на немецкий! Они просто не могли поверить в такое совпадение! Они с энтузиазмом пригласили нас навестить их в Дагестане, но, конечно же, этого так и не произошло.

Но я всё ещё говорю о «Ванне, полной икры». Другие «уморительные истории», как писал тогда Гюнтер Беллман в ВЗА, назвав этот сборник «Атласом тридцати одной весёлой истории», включают «Поезд» казахстанского автора Эдуарда Медведкина и «Дыню» Олега Ягодинского, уроженца Мурманска на крайнем севере России.

Вот короткая рецензия на «Поезд» Медведкина.

Gleich kommt der Zug Zeitgenössische Satiren aus der UdSSR im Eulenspiegel Verlag

Der Rentner Ippolitow bereitet gerade gelesen sein Frühstück, als ihm das Telefon abrupt aus der gewohnten Lebensbahn wirft. Ein – wie es heißt – „ungeheuerlicher Diskurs“ wälzt ihn furchendüch an „endlich das Tor aufzumachen“. Dann der Zug würde gleich da sein.

Beteuerungen, man habe sich doch wohl in der Nummer geirrt, bewirken gar nichts gegen die über Ippolitow zusammenschlagende Ekakation des Verwunderlichen, Unverständlichen, Absurden. Andere wildfremde Anrufer wissen bereits, daß der Zug bei ihm ist. Sie überraschen ihn (völlig entsetzt hat er seine Adresse preisgegeben) mit Sekt und Süßwein, damit für sie ein Waggon zum Leerguttransport abfährt. Im übrigen eile es nicht mit der Weiterleitung des Zuges, lassen wieder andere unbekannte Gesprächspartner durchblicken, sofern an der Lokomotive die Feuerstange und ein Rauchrohr ausgewechselt würden. Weil der biedere Rentner auch seiteneits auf Touren kommt sind sich als cleverer Beschaffer in die aberwitzigen Tauschgeschäfte einschaltet, treffen Stange und Rohr

prompt ein – woffir die Boten seine Import-Polstergarnitur aus der Wohnung mitnehmen. Sein Geschirr verbökert er schon auf eigenes Risiko gegen Schraubenmattern. Das Wohnzimmer wird zum Marktstallger, die abends eintreffende Verwandschaft zu lebenden Fragezeichen. Ippolitow erklärt erschöpfungserschöpft: „Der Zug war hier.“ Bei ihm, der den ganzen Tag die Behausung nicht verteidigt und dessen Telefon nur zufällig verrückt spielte...

Da ist dem Eulenspiegel Verlag immer mal wieder ein heitiger Haupttreffer gelungen! Herausgeberin und Übersetzerin Aljona Höflickel serviert „Eine Wanne voll Kaviar“ (259 S., 9,80 Mark), welcher sich als genau die im Buchtitel versprochene exquisite Kost erweist. 31 Humor- und Satire-Autoren zahlreicher sowjetischer Natio-

nalitäten kommen in der Anthologie zu Wort und verkörpern ebenso viele Temperamente, Stile, Betrachtungsweisen.

Wie wahr! Es reicht von Kaschubian (die zwerchfellzerrende Ippolitow-Geschichte schrieb Eduard Medwedkin) bis Litauen, von der Ukraine bis Fernost. Die bekannte kulturpolitische Moskauer Wochenschrift „Literaturnaja gasetta“ nennt ihre Humoresse in Anlehnung an den Titel des klassischen 19/Petrow-Romans „Klab der zwölf Stühle“.

Das neue Buch verdient den Beinamen „Atlas der 31 Späße“.

Günther Belmann

B2A / 9.12.83

А рассказ Ягодинского я здесь коротко опишу сама. Его герой вырастил дыню, которая обладает свойством отрастать заново, как только от неё отрезать кусочек. Он хочет зарегистрировать её в патентном ведомстве. Эксперты сначала полны энтузиазма, с удовольствием поедают фрукт и приходят к выводу, что с помощью такого овоща можно с лихвой перевыполнять годовые планы. Но вскоре всё это кажется им «слишком мистическим». Остальное довершили сомнения, пришедшие «сверху», и изобретателя отправляют с просьбой придумать что-нибудь «более убедительное», что-нибудь «более практичное в использовании». После некоторых экспериментов изобретатель возвращается в патентное ведомство и представляет дыню — с ручкой! Теперь чиновники довольны: «Всё без выкрутасов и фокусов, а главное — без чудес. Люди понимают, и поэтому это не вызывает беспокойства... Мы дадим вам премию, правда, всего десять рублей, поощрительную премию; большего с таким не бывает». А саму дыню они тут же съели в конторе.

Кстати, много лет спустя, как я узнала из газетной заметки, японцы действительно вывели практичные и удобные дыни, которые благодаря своей квадратной форме идеально подходят для перевозки.

Berliner Kurier, 15 июня 2001 года:

Квадратные дыни

Квадратно, практично, удобно: японские фермеры упаковывают кубические дыни в городе Дзенцудзи. Этот экзотический фрукт созревает в стеклянных кубических формах и стоит немалые 170 марок за штуку.

История с дыней также связана с одним особенным для меня событием. Незадолго до падения Берлинской стены в 1989 году у меня, вместе с коллегами из ГДР, была возможность принять участие в общегерманском семинаре для переводчиков с русского языка в Штралене. У меня остались о нём тёплые воспоминания: мы познакомились с интересными коллегами (Эвелин Пассет, Регина Кемпер-Брехт, Анна Мария Платцгуммер) и нашли дружелюбных и отзывчивых хозяев в лице Клауса Биркенхауэра и Урсулы Бракманн. Мы усердно работали — часто до полуночи — над литературными текстами, которые сравнивали в оживлённых дискуссиях. Конечно, время от времени случались и короткие перерывы — организаторы, Европейский колледж переводчиков, приглашали нас на рынок в соседнем Венло, расположенном прямо за голландской границей. Для «западников» это не было проблемой, но для нас, «восточных», это было, по сути, незаконно, поскольку у нас было паспортов, только визы. Мы опасались осложнений на границе и уже собирались отменить поездку, когда местные

жители предложили просто оставить свои паспорта дома, чтобы мы вместе вернулись, если бы нас проверили. Мы сочли это очень солидарным поступком.

Всё прошло гладко, и мы прогулялись по рынку. Выбор фруктов был просто ошеломляющим. Я не узнавала многое из того, что видела; я смотрела и восхищалась, пока вдруг мой взгляд не привлёк какой-то сорт дыни: должно быть, я где-то её уже видела, может быть, даже ела. В ГДР таких не было. Где же это было? Продавец дал мне попробовать кусочек, и тут в голове мелькнуло воспоминание — о раннем детстве и о Ташкенте, последней остановке нашей семьи во время эмиграции. Это была медовая дыня! *Déjà-vu!*

Или нет: пока я это пишу, мне приходит в голову новое, куда более точное название для такого узнавания. Эпизод в Венло связан со «вкусовой» памятью, поэтому я назвала бы это переживание не *déjà-vu*, а *déjà-goûté* — «уже однажды попробованное».

Но довольно об этой книге, в которую я вложила столько сил и перевод которой потребовал немало воображения. С ней и ещё одной книгой, «Пешком в Ялту» украинского писателя Остапа Вишни, я тогда много раз проводила замечательные чтения в переполненных библиотеках и клубах. Как и с «Алисой» и «Юлькой» в школьных классах. Всё это прекратилось лишь с переменами 1989/90 года.

Eine Wanne voll Kaviar

Wer würde sie nicht wünschen, gut gewürzt, schmackhaft, lauter kleine Leckerbissen, serviert von Aljona Möckel. Die weithin bekannte Übersetzerin las im Kulturraum der Oberschule in Dahlwitz-Hoppegarten anlässlich der Woche des sowjetischen Buches vor mehr als 70 aufmerksamen Zuhörern.

Es ist schon ein Gewinn, auf den alltäglichen Blick in die Fernsehröhre zu verzichten und besser bei einem Glas Wein literarischen Kaviar zu genießen. Wir lauschten der lebendigen Stimme Aljona Möckels, die sich gewiß Beschränkung auferlegt hatte, um aus der Fülle einer langjährigen Übersetzerstätigkeit Kostproben für einen einzigen Abend zu entnehmen.

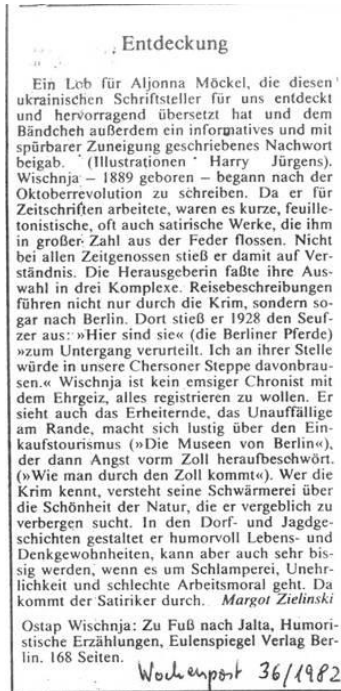
Frisch und fröhlich führte sie uns anhand der Kurzgeschichten kreuz und quer durch die Sowjetunion. Nach jeder Geschichte zog die Übersetzerin als Fortuna ein Los, und der Gewinner konnte ein Buch, eine Schall-

platte oder einen kunstgewerblichen Gegenstand mit nach Hause nehmen. Viel zu schnell verlief die Zeit. Im anschließenden Gespräch gab es viele Fragen und Antworten, woraus wir auch noch viel über ihre Tätigkeit erfuhren.

Franz Sycora
Birkenstein

27 ноября 1985 года

Писатель Остап Вишня родился в 1889 году в Полтавской области и умер в Киеве в 1956 году. Впервые я познакомилась с ним во время работы над книгой «Ванна», в которую включила один из его текстов. Вишня провёл десять лет в трудовом лагере при Сталине, но никогда не терял чувства юмора. Читатели любили его; он был известен по всей стране. Мне особенно понравились его автобиографические заметки, путевые заметки и рассказы об охоте, из которых я затем составила подборку. Чтобы воссоздать, например, сцены охоты, мне пришлось приобрести специальные знания в этой области, чтобы технические термины были точными. Когда том был опубликован, вдова автора написала мне, что это самая красивая книга её мужа, которую ей доводилось держать в руках. Эта оценка меня очень порадовала, поскольку она относилась не только к физическому оформлению, но и к подбору текстов.

Но вернёмся к специальным терминам. Это действительно необходимо, потому что нужно было быть невероятно осторожным, чтобы не допустить ошибок. Если ошибка всё же случалась, кто-нибудь обязательно указывал на неё — тот самый пресловутый «волосок в супе», который кто-нибудь обязательно найдёт! На моей книжной полке стояло множество с трудом собранных специальных словарей из самых разных областей, включая медицину и военную медицину, музыку, искусство, право и естественные науки, вплоть до воровского жаргона, сельского хозяйства и ракетостроения; последний был особенно полезен для перевода фантастических текстов.

Однако я допустила одну оплошность, хотя она и была довольно забавной — всё равно это оставалось ошибкой. Она касалась рассказа Вишни. На чтениях под Берлином я представила рассказ «Овцеводство» из его книги «Пешком в Ялту». Мероприятие прошло очень успешно. Около семидесяти восторженных слушателей, которые явно и

отчетливо наслаждались чтением. В ходе последующей дискуссии пожилой, крепко сложенный мужчина встал и, широко улыбаясь, заявил:

«Вот что я должен вам сказать, госпожа Мёкель. В этом рассказе речь идёт о баране, который до полного изнеможения покрывает не только овец из своего стада, но и соседских, так что усердно заботится о приплоде. Но если по-немецки назвать его Hammel, то такого приплода он обеспечить никак не сможет. Для этого нужен настоящий племенной баран — Schafbock».

Короткая пауза, недоумение — и смех в зале. Я тоже замерла — и тут меня осенило. Я перевела русское слово «баран», которое может обозначать и барана вообще, и производителя, более привычным немецким Hammel — то есть «валух», кастрированный баран. Я, человек городской, не обратила внимания на эту небольшую, но существенную разницу.

Я тоже рассмеялась, признала свою ошибку, поблагодарила его за замечание и пообещала исправить её в возможном переиздании.

5

В начале 1970-х годов ленинградский писатель Александр Чаковский (1913–1994) опубликовал роман объёмом более тысячи страниц в четырёх частях, «Блокада». В нём он повествовал о вторжении гитлеровских армий в Советский Союз и нападении на его родной город, которое он подробно описал во всей его жестокости и смертоносной беспощадности — через судьбы его жителей. Книгу нужно было быстро перевести на немецкий язык, поэтому издательство Volk und Welt одновременно привлекло нескольких переводчиков. Я была одной из них.

Насколько я помню, это была моя первая работа, относившаяся к так называемой «серьёзной литературе», и она заинтересовала меня ещё и потому, что в 1941 году мои родители и я сама оказались среди блокадников. Я была тогда ещё младенцем, но, как уже рассказано в книжке «Чудо Ленинграда» (цифровое издание, 2017), почти наверняка погибла бы, если бы отец не выменял свои золотые зубы на кислород для меня. Мы были одними из последних, кому удалось вырваться из этого ада голода и огня по льду Ладожского озера.

Роман «Блокада» был опубликован в 1974 году, и с тех пор, помимо фантастики, я переводила и «серьёзную» современную прозу. Например, годом позже — «Неделя перед новолунием» алтайского писателя Юрия Антропова (род. 1937). В его романе молодой геолог восстаёт против начальственного высокомерия и служебного мухлежа. Речь идёт о ручном бурении, которое фактически запрещено, о каменистых грунтах и, в противоположность этому, о болотах, которые нужно осушить, о нашествиях комаров, клещей и чрезмерном употреблении алкоголя. Прежде всего, это попытка молодых людей противостоять трясине нечестности и обмана ради выполнения планов, требуемых «сверху».

Чтобы перевести эту книгу как следует, требовались специальные знания; к счастью, у меня были словари и возможность сверяться с энциклопедиями в Государственной библиотеке. А вот посоветоваться с братом Вольфгангом, дипломированным геологом, я, увы, не могла. К тому времени он уже жил в США: в 1968 году, во время «Пражской весны», после дерзкого побега через югославно-австрийскую границу, он ушёл на Запад.

Постепенно издательства всё чаще приносили мне тексты, сулившие особые трудности. Так, для издательства «Volk und Welt» я перевела для серии «Spektrum» повесть Бориса Можая «Из жизни Фёдора Кузькина» [авторское название: «Живой»]. Для издательства «Aufbau» — «Живую воду» Владимира Крупина и «Крылатую Серафиму» Владимира Личутина. Эта так называемая «деревенская проза» обладала своим особым обаянием, но требовала и особой настройки слуха. Здесь мне снова очень помог бесценный словарь: издание 1879 года (!), ещё из библиотеки моего отца, напечатанное дореформенной русской орфографией и содержащее множество ныне вышедших из употребления слов и оборотов, которые в деревенской речи порой всё ещё встречаются. В случае пожара в квартире — так я себе и сказала — я прежде всего схватила бы именно его. К счастью, до этого не дошло.

Например, Можая, родившийся в 1923 году, чья книга также была опубликована издательством Suhrkamp в моём переводе (позже автор посетил нас в Берлине), рассказывает о том, как работник небольшого колхоза справлялся с агрополитикой в период после смерти Сталина.

Его герой Кузькин пускает в ход и упорство, и весь свой природный крестьянский ум; он даже рискует выйти из колхоза, чтобы выторговать себе хоть немного свободы. Именно этот мужицкий здравый смысл, эта крестьянская хитрость и требуют от переводчика тонкого слуха, точности слова и умения уловить даже самые лёгкие полутона. Так,

например, когда крестьянин рисует самодовольному, но снятому за некомпетентность бывшему председателю притчу о курице, которая вздумала командовать утками, а потом растерянно топчется на месте, когда те внезапно уплывают.

Нечто похожее и у героя Владимира Крупина, старика Кирпикова. Он пьяница ещё тот, но голова у него полна историй. Когда он рассказывает внучке Маше, как ходил за «водой жизни», из памяти у него так и сыплются готовые к печати частушки. Эти обычно короткие четверостишия, глубоко укоренённые в русской народной традиции и встречающиеся, например, и в «Серафиме» Личутина, требуют от переводчика внимательности, фантазии и порой долгих раздумий, чтобы передать их как можно точнее.

Дедушка Кирпиков — сторож на деревенском лесоскладе, но особенно ценят его как конюха, потому что там есть мерин, которого можно использовать осенью и весной для необходимых работ на собственном участке земли. За «прокат» лошади ему обычно платят авансом крепким спиртным — неудивительно, что он целыми днями напивается и постоянно ссорится со своей женой Варварой.

Но случилось то, что должно было случиться: однажды Кирпиков переносит сердечный приступ, который сбивает его с ног — «первый звонок», как он сам себе признается. В нём происходит перемена, которой никто не ожидал. К ужасу своих собутыльников, он больше не прикасается ни к капле водки, а вместо этого, в буквальном смысле, роется в своём подвале в поисках «живой воды». Что станет с деревней без него и его мерина...?

Роман Крупина ставит вопрос о смысле жизни; это отчасти сказка, отчасти абсурдистский театр, но в своей основе, как всегда в подобных историях, он представляет собой полнокровную реальность. Он и его Варвара — убедительные персонажи, в основе своей полные любви друг к другу и глубоко связанные. Даже второстепенные персонажи —

чопорный пенсионер Делжаров, Вася Зюффель, бабы — оставляют неизгладимое впечатление.

Перевод книги доставил удовольствие. Однако работа оказалась непростой. Хотя к тому времени меня уже признавали в профессии, издательство «Aufbau-Verlag» сначала запросило пробный перевод. Мы были удивлены, но я предоставила запрошенные двадцать страниц. Только позже редактор объяснил мне ситуацию: два предыдущих пробных перевода не убедили издателя, но они хотели попробовать в третий раз, в последний раз. Если бы и я потерпела неудачу, это название, вероятно, признали бы непереводаемым и, следовательно, не опубликовали.

С Крупина началось моё вхождение в круг переводчиков издательства «Aufbau», и вскоре за ним последовал упомянутый выше роман Владимира Личутина. Автор родом с крайнего севера, и действие разворачивается в суровом климате, в деревнях вдоль Белого моря. Рассказчик, выходец из города, навещает старуху Серафиму, известную как «крылатая», потому что, подобно милосердному ангелу Серафиму из Ветхого Завета, она всегда творила только добро. Теперь, пожилая, почти слепая, маленькая и хрупкая, женщина, приехавшая в этот регион в шестнадцать лет и сорок лет учительствовавшая и помогавшая многим школьникам выйти в жизнь, пережила десятилетия лишений. Со своим мужем, который когда-то спас её от утопления, когда она была ещё совсем юной, и которому она родила шестерых детей, она теперь живёт в постоянном напряжении любви и ненависти, потому что он — её полная противоположность: сильный, властный, грубый и злой в обращении с ней. И всё же, хотя в этих отношениях кажется, будто вечная жизнь достаётся именно ему, в конце концов переживает его она.

Роман начинается с цитаты Аввакума, старообрядца XVII века: «Кто может судить между тобой и мной?» Я предполагаю, что читатель встанет на сторону Серафимы в

ответе на этот вопрос. Вечно ворчливый, недружелюбный, даже коварный Хриссанф, который много пьёт, но не становится более приятным, предстаёт довольно неприятным персонажем. По сравнению, например, с Кирпиковым у Крупина, ему не хватает определённой пронизательности и доброты. Поэтическое начало придаёт роману глубину, а образ Серафимы заставляет его сиять: она всё ещё заступает за своего мужа, когда на него нападают. Сам роман завораживает впечатляющими описаниями природы и великолепным языковым остроумием. Через него звучит часто упоминаемая «русская душа», которую трудно определить. Когда «река поёт под солнцем», когда ребёнок «ныряет в неё, как гибкая рыба, словно в дом», сцена воссоздана очень ярко. Личутин (родился в 1940 году, сын учителя из Мезена, Архангельская область) описывает рыбу: у неё «живые змеиные глаза», а закат как «цвет брусники». Когда Серафима ослепла, это было «как свеча, тонущая в собственном воске, потому что пламени не хватает воздуха».

Всё это, конечно, нужно было переводить не только точно по смыслу, но и литературно. После завершения работы и публикации книги похвалы и признательных отзывов удостоились и автор, и перевод. Что касается меня, то за этим последовали и другие интересные работы для Aufbau-Verlag и Kinderbuchverlag.

Diese unausgesprochenen Worte

Wladimir Litschutin: „Die geflügelte Serafima“

Als Forstwirtschaftler und Schlosser arbeitete der 1940 bei Archangelsk geborene Wladimir Litschutin. Über Rundfunkszenarien kam der Lehrersohn zur Prosa – wurde zum Erzähler von Geschichten, die zumeist an der Küste des Weißen Meeres spielen.

Rauh ist das Klima dort; herb ist die Landschaft an den Mündungen von Onega und Dwina. Und herb sind auch die von Wladimir Litschutin berichteten Liebesgeschichten und Daseinsgeschnisse des Bandes „Die geflügelte Serafima“ (Aufbau-Verlag Berlin, 131 Seiten, ENT-Pappband 4,50 Mark). Vierzig Jahre ist es her, da jene Serafima in diese vom Möwenschrei durchtönte Gegend verschlagen wurde. Blüzung war sie damals. Als Lehrerin half sie vielen weiter. Als Mutter zog sie sechs Kinder auf, oft unter großen Schwierigkeiten, die allzuoft von ihrem

eigenwilligen Mann Chriasant ausgingen. Als alte, schwer herzkrankte Frau mühte sie sich nun, mit den Absonderlichkeiten dieser „poltrigen schnapsumwölkten Seele“ fertig zu werden.

Ein Menschenschicksal. Es wird hier distanziert und beteiligt zugleich erzählt von dem „Waldschrat“ Timofej Iljitsch. Der will während der letzten warmen Augusttage aus einer verfehlten Ehe zu Serafimas Tochter Natassja flüchten. Ein „brüchiges Spiel der Gefühle“ vor Anbruch des Herbstes – in doppeltem Sinne. „Wie viele Worte sind in mir und beengen mich. Diese unausgesprochenen Worte...“

Der von Aljonna Mäckel aus dem Russischen übertragenen Erzählung geht ein existentiell akzentuiertes Motto voraus. Und weitgespannte Gedankenreihen über Kummer und Freude, Zorn und Güte, Verzweiflung oder hoffende Sehnsucht bestimmen denn auch den Ton dieser immer wieder der Meditation hingebenen Prosa. Philosophisches, das gleichwohl im Blickhaften, etwas in der Schilderung eines Waldfangs, im Bericht über einen Hausbau, im Aufzeigen der Schwierigkeiten engen Zusammenlebens, die bestimmenden Höhepunkte hat.

Thomas Thades

5.22

National-Zeitung 20.5.86

Но сначала я хотела бы упомянуть более длинный рассказ — по-русски, скорее, повесть — Василия Белова, автора, родившегося в 1932 году в Вологодской области. Эту повесть я переводила для издательства «Volk und Welt» в середине 1970-х годов. Она выделяется своим юмористическим остроумием и тоже относится к «деревенской прозе». Опубликована она была в 1975 году в красиво оформленном выпуске серии «Novitätenkassette».

Трое крестьян едут на пароходе в город: одного из них должны отметить на съезде. В их багаже — небольшой бочонок маринованных грибов и, в придачу, «тётушка», от которой они пытаются избавиться. Они ввязываются в попойку, теряют адрес своего жилья из-за невольного обмена шапками, вместо адвоката, который должен был им помочь, оказываются у дантиста, разлучаются и вынуждены ночевать

на задних дворах в разных сараях. Не понимая, что происходит, в конце концов чувствуют не того человека. Они ничего не добиваются из того, чего хотели, и только нежеланная «тётушка» завершает свой запланированный визит приятным образом.

Как вы, наверное, заметили, эта история полна суматохи и безудержного юмора, чего не предполагает поэтическое название «Целуются зори». Трудность перевода заключалась в том, чтобы точно передать крестьянский сленг, диалектные интонации и крайне разговорную лексику. Например, число 77 называется «двумя маленькими топорами», а адвоката, к которому они собираются обратиться, они называют «заступником». Часто было сложно придерживаться неписаного правила переводчика: «Как можно точнее и настолько свободно, насколько необходимо». В целом, это была настоящая литературная забава, которая, при всех профессиональных раздумьях и мучительных поисках, доставила мне огромное удовольствие.

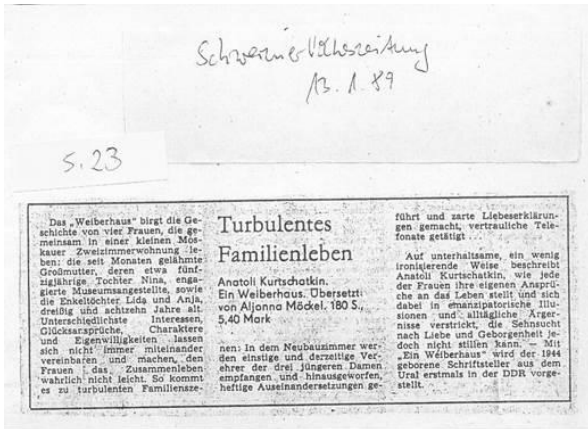
Меня также порадовало, что эта живая, освежающе смешная история была опубликована ещё раз в 1982 году — в обширном сборнике избранной прозы «Frühlingsnacht», отредактированном Маргит Брауэр в издательстве «Aufbau-Verlag».

Василий Белов написал множество романов и рассказов, как серьёзных, так и весёлых, что в 1987 году дало мне возможность опубликовать ещё один том его весёлых рассказов в издательстве Eulenspiegel Verlag («Обычный человек»). Елена Панциг и Гюнтер Лёффлер также внесли свой вклад в качестве переводчиков. Мне особенно запомнился остроумный рассказ «Письмо в Архангельск», не в последнюю очередь благодаря освежающим диалектным вставкам. Всего на семи страницах автор ярко оживляет главную героиню, старуху Григорьевну, которая «диктует» случайному прохожему своё переполненное сведениями письмо к родственнице по свойству, оставляя улыбку и

читателю, и мне, её переводчику на немецкий язык. Белов умер в Вологде в 2012 году.

Совершенно иную бурную атмосферу создают «Бабий дом» Анатолия Курчаткина (родился в 1944 году в Свердловске, Урал) и «Погоня» Владимира Маканина, которые я перевела в 1987 и 1988 годах соответственно. Это уже не «деревенская проза», а «городская проза», и авторы описывают трудности повседневной жизни в реалистичной, а иногда и гротескной манере. Обе книги отличаются напряжением и приключениями.

«Бабий дом» посвящен проблеме нехватки жилья и вытекающим из этого трудностям. Бабушка, её дочь и две внучки — одной тридцать, другой восемнадцать — ютятся в двухкомнатной московской квартире. Три женщины помоложе работают, бабушка, парализованная, нуждается в постоянном уходе, и всё происходит в этом тесном пространстве: еда, сон, приём посетителей, опорожнение бабушкиного судна и так далее. Естественно, возникают трения, особенно между матерью и младшей дочерью, у которых совершенно разные взгляды на жизнь, в то время как тридцатилетняя пытается выступить посредником. Проблемы этих четырёх человек, у которых также есть разные знакомые мужчины, довольно сложны. Когда в финале внезапно грохает старое ружьё — единственный, кроме медвежьей головы, предмет, выбивающийся из обстановки, — переводчица понимает, что проделала совсем не лёгкую работу.

Не такой весомой, но тоже любопытной была книга Владимира Маканина «Погоня», написанная в традициях «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. Начинается всё как детективная история: несхожая парочка — ловкая воровка и измотанный писатель охотятся за ценной иконой. Но затем история расплывается и заканчивается ощущением потерянности истерзанных душ, которые в конечном итоге сами виноваты в своей судьбе. Книгу стоит прочитать ради изображения тёмной изнанки общества, мелких и крупных сомнительных сделок, моральной беспринципности «героев» и авантюрного характера событий. Одна рецензентка написала, что, высмеяв все возможные клише, автор позволяет «тоскующим глазам» пробиться сквозь маски персонажей.

Я также перевела на немецкий язык несколько других рассказов из сборника Маканина (1937–2017) «Голоса» (1989), из которых рассказ «Гражданин убегающий» (немецкое издание: „Bürger Flüchtig“) был моим любимым. Перевод названия оказался для меня непростой задачей, так как нужно было учесть две вещи: во-первых, что главный герой — поверхностный человек во всех отношениях, и во-вторых, что он постоянно убегает от самого себя и от всевозможных обязательств.

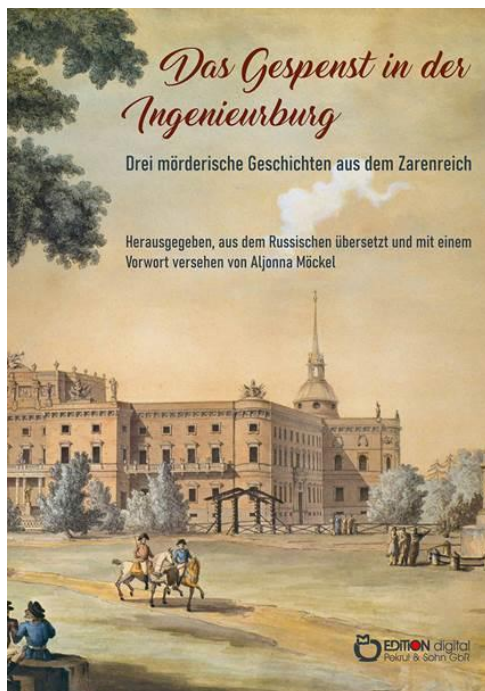
6

Между делом я также перевела несколько классических рассказов и несколько современных детективных романов. Например, для издательства «Das Neue Berlin» я перевела роман «Лекарство от страха» Аркадия и Георгия Вайнеров, известного писательского дуэта, написавшего также множество сценариев. Мне также посчастливилось лично познакомиться с ними во время их короткого визита в Берлин.

В то время, после нескольких временных вариантов, нам наконец удалось устроить нашего почти десятилетнего сына в постоянное специализированное дневное учреждение, и у меня появилось хоть немного свободного времени. Но легче от этого стало лишь отчасти — Дан часто болел. Так, во время одной из первых поездок на отдых с его группой, от которой мы с мужем так надеялись получить неделю «свободы», его неожиданно пришлось положить в больницу на сложную операцию на брюшной полости. Перепуганная, я сломя голову помчалась в Вольгаст, где с немалым трудом нашла себе жильё на несколько дней и смогла быть рядом с Даном. Разумеется, из долгожданной передышки ничего не вышло, и работу над переводом мне тоже пришлось на это время отложить.

Упомянутые выше классические рассказы Николая Лескова (1831–1895), Леонида Андреева (1871–1919) и Алексея Толстого (1883–1945; не путать с его знаменитым тёзкой Львом Толстым) относятся к рубежу XIX и XX веков и также несут в себе криминальную интригу. Когда-то, в 1970–80-е годы, они выходили в разных антологиях издательства Das Neue Berlin; в 2021 году мне удалось собрать их под одной обложкой — под названием «Привидение в Инженерном замке», с предисловием — и вновь издать в печатном виде и

как электронную книгу в издательстве «Edition digital» (Pekrul & Sohn).

Рассказ Андреева «Мысль» в общих чертах повествует о том, как врач тщательно планирует убийство своего друга. Чтобы совершить преступление безнаказанно, он притворяется психически больным перед знакомыми. Вот короткий отрывок:

После второго припадка меня начали бояться. Во многих домах передо мною поспешно захлопывались двери; при случайной встрече знакомые ежились, подло улыбались и многозначительно спрашивали:

— Ну как, голубчик, здоровье?

Положение было как раз такое, при котором я мог совершить любое беззаконие и не потерять уважения окружающих. Я смотрел на людей и думал: если я захочу, я могу убить этого и этого, и ничего мне за то не будет. И то, что я испытывал при этой мысли, было ново, приятно и немного

страшно. Человек перестал быть чем-то строго защищаемым, до чего боязно прикоснуться; словно шелуха какая-то спала с него, он был словно голый, и убить его казалось легко и соблазнительно.

Страх такой плотной стеной ограждал меня от пытливых взоров, что сама собою упразднилась необходимость в третьем подготовительном припадке. Только в этом отношении отступал я от начертанного плана, но в том-то и сила таланта, что он не сковывает себя рамками и в сообразности с изменившимися обстоятельствами меняет и весь ход битвы. Но нужно было еще получить официальное отпущение грехов бывших и разрешение на грехи будущие — научно-медицинское удостоверение моей болезни.

И здесь я дождался такого стечения обстоятельств, при котором мое обращение к психиатру могло казаться случайностью или даже чем-то вынужденным. Это была, быть может, и излишняя тонкость в отделке моей роли. Послали меня к психиатру Татьяна Николаевна и ее муж.

— Пожалуйста, сходите к доктору, дорогой Антон Игнатьевич, — говорила Татьяна Николаевна.

Она никогда раньше не называла меня «дорогим», и нужно мне было прослыть сумасшедшим, чтобы получить эту ничтожную ласку.

— Хорошо, дорогая Татьяна Николаевна, я схожу, — покорно ответил я.

Мы втроем — Алексей был тут же — сидели в кабинете, где впоследствии произошло убийство.

— Да, Антон, обязательно сходи, — авторитетно подтвердил Алексей. — А то наделаешь чего-нибудь такого.

— Но что же я могу «наделать»? — робко оправдывался я перед своим строгим другом.

— Мало ли чего. Голову кому-нибудь прошибешь.

Я поворачивал в руках тяжелое чугунное пресс-папье, смотрел то на него, то на Алексея и спрашивал:

— Голову? Ты говоришь — голову?

— Ну да, голову. Хватишь вот такой штукой, как эта, и готово.

Это становилось интересно. Именно голову и именно этой штукой намеревался я просадить, а теперь эта самая голова рассуждала, как это выйдет. Рассуждала и беззаботно улыбалась. А есть люди, которые верят в предчувствие, в то, что смерть заранее посылает каких-то своих незримых вестников, — какая чепуха!

— Ну, едва ли можно сделать что-нибудь этой вещью, — сказал я. — Она слишком легка.

— Что ты говоришь: легка! — возмутился Алексей, выдернул у меня из рук пресс-папье и, взяв за тонкую ручку, несколько раз взмахнул. — Попробуй!

— Да я же знаю...

— Нет, ты возьми вот так и увидишь.

Нехотя, улыбаясь, я взял тяжелую вещь, но тут вмешалась Татьяна Николаевна. Бледная, с трясущимися губами, она сказала, скорее закричала:

— Алексей, оставь! Алексей, оставь!

— Что ты, Таня? Что с тобой? — изумился он.

— Оставь! Ты знаешь, как я не люблю такие шутки.

Мы рассмеялись, и пресс-папье было поставлено на стол.

7

В совсем иной литературный мир я вошла благодаря поэтическим подстрочникам. Для поэта-переводчика, который вовсе не знает иностранного языка или владеет им недостаточно, решающее значение имеет точный исходный текст, соответствующий оригиналу во всех подробностях. Такие так называемые подстрочники я делала для разных поэтов-переводчиков, а в своём муже, переводившем, среди прочих, Рембо, Неруду и Квазимодо и к тому же писавшем стихи, нашла идеального партнёра.

Переводчица Алёна Мёкель (слева), славистка, и её муж, доктор Клаус Мёкель (справа), романист и писатель, ломают голову над многими крепкими орешками, которые задал им Евтушенко (Sowjetfrau 11/83).

Примером может служить книга Евгения Евтушенко «Третья память» (1970), где встречаются такие выразительные названия, как «Людей неинтересных в мире нет», «Когда твоё лицо восстало предо мной», «Матери тихо уходят от нас» и «Хотят ли русские войны?». Книга вышла двуязычной: слева — оригинал, справа — немецкое поэтическое переложение. Такое соседство требовало особой тщательности, ведь и специалисты, и даже полужнаатоки могли тут же всё сверить. Чтобы снять последние языковые

сомнения, мы собирались у себя дома с уже известными к тому времени поэтами — Берндом Йенчем, Фолькером Брауном и другими. С самим Евтушенко я познакомилась позже.

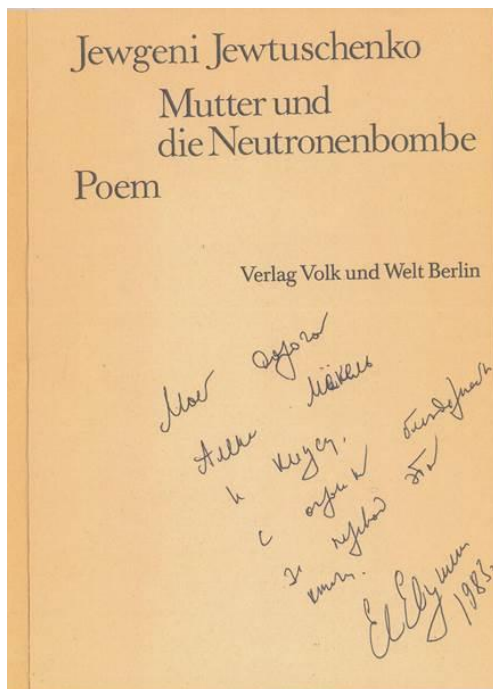
Поэт снова и снова писал о своей матери и не раз воздвигал ей словесный памятник. Например, в поэме «Мама и нейтронная бомба» (1982) — крике протеста против создания этого жестокого, разрушительного оружия. Мы понимали, что такой текст надо передать адекватно, и потому оттачивали каждое слово.

Как пишет автор, толчком к этому произведению объёмом около двух тысяч строк послужил плакат, который рабочие в Перудже расклеивали на заборах в знак протеста против нейтронной бомбы. В этом широком поэтическом повествовании, охватывающем множество стран, Евтушенко (родился в 1933 году в Симе, в Сибири; умер в 2017 году в США) рассказывает о своей матери, продававшей газеты на вокзале, затем переходит к Иисусу Христу и разрушенной церкви, к событиям в Италии и говорит о Второй мировой войне. Полотно это широко по охвату и очень впечатляет.

«Как видения большого разума, — писала литературный критик Ирмтрауд Гутшке в газете «Neues Deutschland» от 7 ноября 1983 года, — действуют образы мира вещей, не уничтоженных нейтронной бомбой и теперь живущих собственной жизнью без людей». А о нашем поэтическом переложении она заметила: «У меня, кстати, при чтении русского оригинала и немецкого перевода возникали совершенно одинаковые впечатления. Алёна и Клаус Мёкель работали чрезвычайно точно и всячески избегали выдвигать на первый план самих себя». Сам Евтушенко при встрече в Берлине выразил нам благодарность тёплой надписью в нашем экземпляре.

Книга вышла в 1983 году в издательстве Volk und Welt с семью графическими работами Пабло Пикассо; там же в 1984 году появилось и второе поэтическое произведение, «Фуку»,

которое мы также перевели. В «Фуку» поэт использует доминиканское ругательство, обращённое ко всему человеконенавистническому — и в прошлом, и в настоящем. Здесь от меня потребовалось даже больше труда, чем в первой поэме, поскольку Евтушенко включил туда и более длинные прозаические фрагменты.

Моей дорогой Алёне Мёкель и Клаусу — с глубокой благодарностью за перевод этой книги.

Евг. Евтушенко, 1983

Поэмы Евтушенко, безусловно, можно рассматривать как политическую литературу, поскольку именно так они и задумывались. Другой вид поэзии, на этот раз в прозе, предложил небольшой томик Валентина Распутина, который я обнаружила, просматривая книги в русском книжном магазине. Это была детская книга — исключение для автора, который обычно писал для взрослых. Она произвела на меня большое впечатление, и я порекомендовала её издательству

детской литературы, с которым ранее так успешно сотрудничала над книгами об Алисе; редакция согласилась.

Валентин Распутин, родившийся в 1937 году в Сибири, недалеко от Иркутска, принадлежит к числу важных авторов «деревенской прозы». Его книга «Земля Родины», вышедшая по-немецки под названием „Der Junge, der Fluß und der große Wald“ (1988), состоит из небольших историй, подкупающих своей глубокой связью с природой. В ней рассказывается о переживаниях шестилетнего Сани, живущего у Байкала: о первом ледоходе на Ангаре, о поездке на моторном судне, о костре в тайге, о поисках черники вместе с дядей Митяем в густых сибирских лесах. Здесь говорится и о северном олене, и о соболе, и о горах Саяна, и об их жителях — тофаларах. В аннотации к этой книге Владимир Крупин, уже упоминавшийся выше в связи с книгой «Живая вода», писал: «Распутин — хороший человек. Герои его книг чувствуют себя дома у реки, в лесу, на лугах и в горах, у Байкала — этого кристального чуда природы. Красота природы помогает людям становиться добрее».

Распутин — этот «добрый человек», всемирно известный своим романом «Прощание с Матёрой», в котором он описывает разрушение деревни при строительстве Братской гидроэлектростанции, был удостоен международного признания за свою экологическую деятельность. Он умер в Москве в 2015 году. Для меня поиск и перевод этой небольшой книги, которая позже вышла вторым изданием, принесли ещё одну приятную неожиданность: помимо множества похвал, издатель подарил мне неделю для работы в замке Гюстров, где для таких случаев имелась комната в башне.

Auszüge aus den Briefen des Kinderbuchverlages Berlin zu den "Alissa"- Bänden

S. 13

22.12.86

Liebe Frau Möckel,

noch kurz vor Toresschluß kullert uns "Die lila Kugel" auf den Tisch und obendrein in einer ganz ansprechenden Aufmachung. Alissa wird immer populärer (jetzt auch in der Fernsehserie "Hundert Jahre voraus"), und so wird auch dieses Buch gut bei den Kindern ankommen.

Wir danken Ihnen als Alissas "Ziehmutter" noch einmal herzlich für alle Sorge um das lebenswerte Kind und freuen uns auf das nächste Buch. Alles Gute Ihnen und Ihrer Familie fürs nächste Jahr und

freundliche Grüße

Unterschriften

1.6.87

Liebe Frau Möckel,

wir möchten Ihnen heute mitteilen, daß der Verlag Ihre Übersetzung des Buches "Hundert Jahre voraus" von Kir Bulytschow angenommen hat. Damit geht Ihnen in der nächsten Zeit das letzte Honorardrittel zu. Wir danken Ihnen für die gute Übersetzung und besonders für die sorgfältige, mit viel Aufwand verbundene Straffung des Textes, die der Geschichte insgesamt zugute kommt. Wir freuen uns auf eine weitere gute Zusammenarbeit und verbleiben

mit freundlichen Grüßen

Der Kinderbuchverlag Berlin

Unterschriften

25.1.1988

Liebe Frau Möckel,

es ist uns eine Freude, Ihnen heute das erste Exemplar des von Ihnen übersetzten Buches

Kir Bulytschow, Das Mädchen aus der Zukunft

zu übersenden. Wir hoffen, daß Ihnen die Ausstattung gefällt, und nutzen die Gelegenheit, Ihnen noch einmal für Ihre einfühlsame und stilsichere Übertragung zu danken.

Mit freundlichen Grüßen

Unterschriften

Der Kinderbuchverlag Berlin

4.3.88

Sehr geehrte Frau Möckel,

wir beziehen uns auf den abgeschlossenen Übersetzervertrag zu den Werken von Kir Bulytschow "Zwei Fahrkarten nach Indien" und "Die schwarze Reisetasche" und wollen das im Vertrag vereinbarte Seitenhonorar aufgrund der zu erwartenden Qualität Ihrer Übersetzung im Rahmen der neuen Honorarordnung auf 24,- M erhöhen. Sie erhalten in den nächsten Tagen die erste Zahlung ...

Mit freundlichen Grüßen

Der Kinderbuchverlag

Unterschriften

12.12.88

Liebe Frau Möckel,

rechtzeitig zu Weihnachten liegt nun der letzte Alissa-Band von Kir Bulytschow vor, den Sie für uns übersetzt haben. Ob es der letzte bleiben wird? Auf jeden Fall noch

einmal Spaß und Spannung für unsere Leser, denen Alissa dank Ihrer Vermittlung bereits bestens vertraut ist.

Auch von uns dafür ein wiederholtes Dankeschön. Wir hoffen sehr, daß Ihnen die Ausstattung des Bandes mit den Illustrationen von H. Handschick gefällt. Wir freuen uns auf die weitere Zusammenarbeit mit Ihnen und verbleiben

mit freundlichen Grüßen

Der Kinderbuchverlag Berlin

Unterschriften

27.3.86

Sehr geehrte Frau Möckel,

5.2.8 wir möchten uns noch einmal für Ihre so feinfühligte Übersetzung der Rasputin-Texte bedanken und auch für die freundliche Zusammenarbeit. Mit diesen Zeilen ist die Überweisung der dritten Honorarrate verbunden. Wir hoffen sehr, diese poetischen Geschichten finden ein aufmerksames und interessiertes Publikum!

Mit freundlichen Grüßen

Der Kinderbuchverlag

Unterschriften

8

В конце восьмидесятых работы у меня было очень много. Помимо некоторых уже упомянутых детских книг, на столе лежало и несколько заказов от издательства «Aufbau». Дан к тому времени жил в интернате в Потсдаме; когда ему исполнилось восемнадцать, нам, как тогда водилось, — эти места нужны были тем, кто ждал своей очереди, — отменили место дневного пребывания, и после долгих поисков мы нашли для него место в соседнем городе. Он очень хорошо там освоился, и это делало нас счастливыми: именно о таком решении мы мечтали в конце нашей книги «Надежда для Дана». Но если мы хотели забирать его к себе на выходные, из-за «стены» приходилось каждый раз объезжать весь город — на машине или на так называемом «Спутнике», двухэтажном поезде, который ходил всего раз в час, ехал бесконечно долго и к тому же не всегда приходил вовремя. Зимой, когда пути и рельсы покрывались льдом, на то, чтобы забрать Дана, у меня обычно уходил целый день, и ещё один — на то, чтобы отвезти его обратно, потому что мне приходилось пересаживаться на автобус или паром, а они нередко вовсе не ходили.

В 1988–1989 годах у меня на столе лежали две книги Ирины Грековой, которые я переводила. Это была русская писательница, родившаяся в Таллине в 1907 году, поначалу изучавшая математику и ставшая известным учёным. Она написала целый ряд рассказов и повестей, посвящённых судьбам женщин и мужчин в трудные времена советской власти.

Повесть «Фазан», вышедшая в ГДР под немецким названием «Lebensbeichte eines schönen Mannes», также повествует о подобной судьбе. Бывший радист и переводчик Фёдор Азанчевский, прозванный «Фазаном» за своё тщеславие, родился в начале века, как и автор. Он пережил

последние годы царского правления, Октябрьскую революцию, военный коммунизм, Великую Отечественную войну и Новую экономическую политику, а теперь, парализованный инсультом, лежит на смертном одре.

Он уже не в состоянии ни обратиться к своей жене Даше, которая за ним ухаживает, ни к врачу. Всё, что у него осталось, — это воспоминания о прожитой жизни, в которой он так и не добился ничего по-настоящему значительного. Он всегда был «глупым фазаном», как сочувственно сказала Лиза — единственная из многих женщин в его жизни, помимо матери, которую он по-настоящему любил, но удержать не сумел.

Мучимый капающим краном (слух у него ещё сохранился), он ищет хоть что-нибудь хорошее, но почти ничего не находит. Он эксплуатировал мать и сестру, забыл имя младшего сына, всегда выбирал выгоду и лёгкую жизнь. В его памяти проносится множество событий, и читателю, безусловно, будет очень интересно взглянуть на упомянутые исторические события, включая блокаду Ленинграда, глазами такого человека.

Грекова отличается ясным, выразительным стилем. Было бы замечательно увидеть в печати ещё одну книгу автора: «Перелом» (немецкое издание: „Das zerbrochene Heiligtum“). Я уже перевела её на немецкий, но из-за изменившейся издательской ситуации после падения Берлинской стены её больше нельзя было опубликовать. Как и в случае с почти 300-страничным романом «Приговор» русско-казахского писателя Юрия Герта, я получила гонорар в восточногерманских марках и несколько лет хранила экземпляры переводов, пока они не были утрачены во время переезда. По крайней мере, одно воспоминание об этих книгах сохранилось: они упоминаются в письме от издательства «Aufbau» от ноября 1989 года, которое включало бонус. Это доказывает мне, что тогда я не так уж плохо справилась со своей работой.

AUFBAU-VERLAG BERLIN UND WEIMAR

Verlagsgesellschaft

Gehr geehrte Frau Höckel,

Mit dem sympathischen Titel "Das Wasser des Lebens" von Vladimir Krupin begann 1983 Ihre Übersetzerstätigkeit für unseren Verlag. Ein nicht minder "illegorisches" Werk, nämlich "Die geflügelte Serfina" von Vladimir Litschutin, ließ Sie weiterhin in nordrussischen Regionen verweilen. Die stark von dieser Kultur geprägte Sprache, die sich durch stilistische und semantische Besonderheiten auszeichnet, sowie die Vorstellungswelt und Lebensart der eigenwilligen Romanhelden haben Sie in feinsinniger und nuancenreicher Manier wiedergegeben. Ein ganz anderes Herangehen und Erfassen des Textes erforderten dahingegen die Arbeiten eines Makana, wie "Die Verfolgungsjagd", "Vajetschka Tschekina" und "Bürger Flüchtling" aus dem Dialekt "Gismen", die mit ihrem lakonischen Stil, der saloppen Umgangssprache und den "Anti-Helden" eine neue Richtung in der zeitgenössischen Literatur einbestimmen. Dieser sogenannten "Moskauer Schule" gehört auch Anatoli Kurtschatkin an, dessen ironisch-distanzierter Ton Sie bei der Übertragung des "Weiberhauses" genau getroffen haben. Auf sinnfällige Weise haben Sie auch die zwei unterschiedlichen

- 2 -

Postfach 1017 - Postzeitliche Straße 21 - BERLIN DDR - 1000 - Fernruf 202 12 12 - Die Post/Verlag und Versand 4 000 120
Postbank: Berlin 7200 11-0012 - Bank: Berliner Sparkasse, Konto 101-11-001
Telefonnum.: Aufbaueverlag Berlin - Fernschreiber: Berlin 11-4739

427 520 11 87 10 10 100

- 2 -

Romane "Lebensbeichte eines schönen Mannes" und "Das zerbrochene Heiligum" der Leningrader Schriftstellerin I. Grekova dem deutschen Leser zugänglich gemacht. Ihr weites Spektrum als Übersetzerin stellten Sie einmal mehr mit dem Roman "Das Urteil" des deutsch-keessischen Autors Duri Geri unter Beweis.

Mit diesem Katalog der aufgezählten Titel haben Sie sich in den festen Stam der Aufbau-Übersetzer eingeschrieben. Für Ihren verantwortungsvollen Beitrag zur Verbreitung moderner sowjetischer Literatur möchten wir Ihnen heute danken.

In Anerkennung Ihrer langen verdienstvollen, schöpferischen Leistungen als Übersetzerin erlauben wir uns, Ihnen als Auszeichnung 2.000,- Mark zu überraschen.

Wir hoffen auf weitere gute Zusammenarbeit und wünschen Ihnen Gesundheit und Schaffenslust.

Mit freundlichen Grüßen

AUFBAU-VERLAG

Einar Fabry
Verlagsdirektor

Ещё хуже (стоит упомянуть) была ситуация с моим мужем, чей четырёхсотстраничный роман «Торнадо», уже находившийся на стадии пробной печати и посвящённый тогдашней актуальной теме разрушения окружающей среды, также не мог быть опубликован из-за реструктуризации. Лишь в 2013 году нам удалось издать эту захватывающую историю, хотя бы в электронном виде, в издательстве «Edition digital» (Pekrul & Sohn).

На этом я вполне могла бы завершить своё отступление о работе переводчицы до падения Берлинской стены, но, перечитывая свои заметки, я вспоминаю ещё один аспект, который я забыла упомянуть, но который, безусловно, заслуживает упоминания.

Все эти тексты — тысячи страниц — нужно было написать. И не на компьютере, который сегодня кажется нам чем-то само собой разумеющимся, где достаточно просто заменить неверную букву или слово, требующее правки. Нет, на пишущей машинке! Издательству тогда требовались три экземпляра — один «настоящий» лист и два тонких листа-копии; ещё один экземпляр нужен был для себя. Поэтому в машинку закладывали сразу целый «пакет»: один лист обычной бумаги, три листа копирки и три тонких листа для копий, а затем начинали печатать, сильно надавливая пальцами. Маленькая портативная пишущая машинка, которую мы использовали сначала, едва справлялась с этим, поэтому мы обменяли нашу швейную машинку на офисную пишущую машинку по объявлению — по сути, обменяв один дефицитный товар на другой. Если случалась опечатка, её мучительно вытирали; если нужно было изменить предложения или целые отрывки, страницу перепечатывали заново — ведь требовалось сдать аккуратную, «приличную» машинописную рукопись! Бумага всех видов была в дефиците, поэтому мы обшаривали канцелярские магазины и добывали её везде, где только могли найти.

Несколько лет назад, когда мне понадобился новый паспорт, потребовали отпечаток пальца, но указательный палец не дал ровным счётом никакого результата! Потом настала очередь большого пальца, затем остальные пальцы, все пальцы, обе руки — ни следа папиллярного узора! Сотрудница, отвечавшая за оформление, сначала принесла специальный раствор для усиления отпечатков, потом позвала начальника, но и ему ничего не удалось. С мужем, с Даном — проблем не было, а со мной?! В итоге я получила паспорт без отпечатков пальцев, хотя никто не знает, разрешат ли мне пересечь границу при въезде или выезде из страны; я пока не рискнула.

Служащая, никогда прежде не сталкивавшаяся с подобным, на мой вопрос предположила, что я слишком много времени провела «за пишущей машинкой». И это было правдой — я перепечатывала все рукописи моего мужа, некоторые из них несколько раз, в дополнение к собственным переводам. Но почему об этом никто не знал, например, опытные секретари? Странно! Позже я прочитала в интернете, что в мире очень мало людей без отпечатков пальцев. Так что, занимаясь переводами, я, возможно, мутировала в какого-то инопланетянина, что возвращает меня к истокам моей работы — к фантастике...

Часть вторая

1

С падением Берлинской стены и для нас, переводчиков, всё изменилось коренным образом. Ничто не осталось прежним, за исключением, пожалуй, пейзажа, который меняется медленнее. Однако повседневная жизнь — законы, финансы, здравоохранение, работа, наши покупки, да и наши надежды и мысли — внезапно перевернулись с ног на голову. К счастью, поездка к Дану в Потсдам стала проще, поскольку внутригерманская граница исчезла. Но появились и новые препятствия. Правила проживания в доме были пересмотрены, руководство несколько раз менялось, и бюрократия, которую, как нам казалось, мы оставили позади, начала снова расти. Дан совершенно ничего об этом не знал, но нам было очень трудно адаптироваться к непривычным обстоятельствам.

Прежде всего, по западногерманскому праву я теперь стала официально назначенной попечительницей и с головой ушла в бумажную работу, а также в бесконечные согласования и встречи в интернате и разных учреждениях. Помню, как завела семь (!) папок для разных сфер жизни моего сына: интернат, мастерская с защищёнными условиями труда, суд по делам опеки, здоровье, пенсия и так далее; все они очень быстро распухли. К этому прибавлялась и моя профессия — необходимость зарабатывать как свободная переводчица, — и

теперь всё это ощущалось совсем иначе. Обязанности попечительницы (кстати, совершенно безвозмездные) я исполняю и сегодня, хотя круг задач со временем стал уже.

Как всё будет складываться для нас, «литературных работников», особенно для тех, кто работал прежде всего с русским языком, в начале девяностых тоже оставалось совершенно неясным. Старые связи были разорваны, издательства, которые до падения Берлинской стены находились в государственной собственности, были приватизированы и реструктурированы. Некоторые были вынуждены закрыться, другие пытались адаптироваться к изменившимся условиям с новым руководством — то есть, оставаться экономически жизнеспособными, что уже было невозможно с «старой» литературой. Публика, которая десятилетиями была лишена доступа к «западным книгам и журналам», теперь очень быстро обратилась к этому заманчивому чтиву. Хотя это и было понятно, это завело нас в тупик. Например, когда я спросила о «Надежде для Дана» в одном из крупнейших книжных магазинов Восточного Берлина (во времена ГДР это был абсолютно дефицитный товар, то есть его доставали из-под прилавка), молодая продавщица понятия не имела, что означает это название. Она уточнила у коллеги, а затем объяснила мне: «Да, такое когда-то существовало, это одна из старых книг, мы их больше не держим в продаже».

В подробной статье в журнале «Rheinischer Merkur / Christ und Welt» № 32 от 9 августа 1991 года журналист Ульрих Барон анализирует шаткое, почти отчаянное положение восточногерманских издательств под заголовком «Плохие перспективы для переводчиков из ГДР». «После падения Берлинской стены, — пишет он, — бывшие издательства ГДР теперь также вынуждены работать по законам рынка. Образцовая культура перевода внезапно оказалась под угрозой исчезнуть в условиях свободной конкуренции». Я приведу ещё цитату из текста:

Поэтому перспективы для литературных переводчиков из ГДР отнюдь не радужны: после многих лет и десятилетий, в течение которых они проделали по-настоящему выдающуюся работу и часто выстраивали тесные связи со «своими» странами и авторами, теперь им приходится считаться с тем, что рано или поздно их положение будет таким же плохим, как и у их коллег на Западе.

Хотя культурная политика ГДР несла в себе все отрицательные черты политически ограничительной плановой экономики, «работники культуры» в самом широком смысле всё же могли работать в государстве рабочих и крестьян в таких условиях, о которых многие их западные коллеги могли только мечтать. Переводчики, которые и в ГДР чаще всего работали на вольных хлебах или наряду с постоянной должностью редактора либо литературного редактора, получали постраничные гонорары, соответствовавшие ставкам их западных коллег, но при крайне низкой квартплате и ценах в ГДР эти гонорары обладали в три-четыре раза большей покупательной способностью.

Падение стены в одночасье лишило силы права, завоеванные нередко годами и десятилетиями труда. Выдающиеся специалисты, такие как переводчик Булгакова Томас Решке, прежде работавший штатным редактором в издательстве «Volk und Welt», из-за сокращения программ и штатов были вынуждены стать свободными переводчиками. А те, кто изначально работал как свободный переводчик, — например Алёна Мёкель, переводившая, среди прочего, романы братьев Стругацких, или Ханс Скирекки, совсем недавно переводивший с венгерского Краснахоркаи и Иштвана Эёрши, — уже могли предвидеть, что их доходов от литературного перевода вскоре едва хватит даже на текущую квартплату.

Нам нужно было что-то предпринимать, поэтому я обратилась ко всем западным издательствам, которые когда-

то приобретали лицензии на переводы моих работ. Ответов я не получила. Откликнулось только одно (небольшое) издательство: сейчас у них для меня ничего нет, но меня готовы внести в список ожидания. Вероятно, я до сих пор в этом списке.

Несколько лет мы кое-как сводили концы с концами. Я пробовала себя в переводе научных текстов, а мой муж придумал детектива, которому приходилось выживать в повседневной жизни Берлина в период перемен 1989–1990 годов. Ему немного повезло с детским детективным романом, который он представил на общенациональный немецкий литературный конкурс. Он не выиграл приз, но получил почётное упоминание в *Börsenblatt* (немецком журнале о книжной торговле), после чего с ним связалось издательство Rowohlt. Роман «Блеф Бенни, или Зловещее дело» был опубликован в 1993 году в известной серии «Rotfuchs», где Клаус впоследствии опубликовал ещё две книги и несколько рассказов в сборниках.

Примерно в то же время обо мне вспомнили два бывших восточногерманских издательства, которым удалось выжить под новым руководством. Строго говоря, только одно — «Aufbau-Verlag», потому что другое — «LeiV», предложившее мне переводить детские книги, — было новым издательством, основанным в Лейпциге. Небольшая команда поставила перед собой цель хотя бы для юных читателей закрыть возникший разрыв в связях с Востоком. Генеральному директору удалось заключить в Москве договоры с авторами, уже пользовавшимися популярностью у восточногерманской публики и выходившими большими тиражами. Поскольку в издательстве LeiV не остались незамеченными мои многочисленные переводы для «Kinderbuchverlag», со мной связались, и я снова смогла взяться за работу.

Сначала — об изданиях «Aufbau-Verlag». Для их карманной серии я в 1993 году перевела «Трёх мушкетёров из

Ленинграда» Виктора Некрасова, а в том же году — «Все проходит» Ирины Велембовской.

Некрасов, родившийся в Киеве в 1911 году в семье врача, был архитектором, актёром, художником-декоратором и режиссёром. Первоначально он был прочно интегрирован в советскую систему. Он участвовал в Сталинградской битве и получил Сталинскую премию в 1947 году за одноимённый роман. Однако вскоре после этого он вступил в конфликт с партийной политикой и в конце концов подал заявление на разрешение эмигрировать во Францию, которое было удовлетворено в 1974 году. Он умер в Париже в 1987 году.

«Маленькая грустная история», как в оригинале называется этот небольшой томик, отражает внутренний конфликт, который автор переживал в последние годы жизни. Мне она понравилась своей меланхолией. Три художника из Ленинграда, связанные дружбой и противостоящие установленному порядку, жаждут свободы. Затем один из них, Сашка, одарённый балетный танцор, не возвращается с гастролей в Канаде, и их связь начинает ослабевать. Когда второму, Ашоту, разрешают уехать, Рамон, кинорежиссёр, остаётся один. Но в центре внимания — в основном Ашот, который теперь живёт в Париже и несёт в себе отчётливые черты автора. У него всё хорошо, он даже иногда встречается с друзьями, и всё же он не в мире с собой. Родина остаётся в его мыслях; он скучает по прежней дружбе с другими, по сплочённому чувству общности.

Роман Ирины Велембовской, по меньшей мере в три раза длиннее этой слегка меланхоличной истории, также заканчивается печалью. В нем затрагивается ранее игнорируемая тема: тайная любовь между немецким военнопленным и молодой русской женщиной, работающей в охране трудового лагеря. Автор, жившая с 1922 по 1990 год и публиковавшая рассказы и романы с 1960 года, знала регион, где разворачивается действие её произведения, и условия жизни там не понаслышке. В 1940-х годах она подверглась

репрессиям и была насильно переселена на Урал. В своём произведении она подробно описывает тяжёлое положение немцев, вынужденных выполнять изнурительную работу лесорубов под строгой охраной. Она также изображает атмосферу среди солдат и офицеров русской охраны. Зарождающаяся тайная любовь между Тамарой Черепановой и Рудольфом Крайтером из Хемница обречена и подвергает их обоих серьёзной опасности.

Роман имеет простой сюжет и легко читается. Задача переводчика заключалась в том, чтобы изучить технические термины, используемые в мире труда, и передать особую атмосферу трудового лагеря.

Также хотела бы упомянуть более длинный рассказ Сергея Довлатова (1941–1994), который я перевела самостоятельно. «Чемодан» — это история об эмиграции автора в США, невероятно смешная история о вещах, которые отъезжающий в Советском Союзе собирает самыми невероятными путями, а потом так и не может ими воспользоваться. Издатель, очень заинтересованный в публикации, к сожалению, не приобрёл права, и 150 страниц рукописи до сих пор лежат у меня в шкафу.

В 1994 году наконец-то вышел в свет крупный роман Анри Кулонжа «La marche hongroise», опубликованный по-немецки под названием „Das verschwundene Gesicht“ («Исчезнувшее лицо», условный русский перевод названия); на этот раз мы с мужем перевели его с французского на немецкий для издательства Rütten & Loening. В начале своей карьеры я уже переводила с французского рассказы, например, Марселя Эме, но затем полностью посвятила себя русскому языку. Однако я хотела бы добавить небольшую историю о французском языке. Будучи студенткой, во время семестровых каникул я также сопровождала несколько туристических групп из Франции, когда они посещали концлагерь Бухенвальд под Веймаром. Однажды я работала с группой из 59 (!) мужчин. Их глубокая скорбь по поводу

увиденного была ощутима, но особенно молодые люди любили сидеть вместе и болтать. Они привезли с собой французское вино, и вечером пригласили меня выпить его. Я была очень удивлена, как легко вдруг иностранные слова сами слетали у меня с губ. В тот раз один из парней даже подарил мне фотографию «Битлз», которую они лично подписали. Группа уже была известна на Западе, но для меня они ничего не значили. Я хранила фотографию несколько лет, а потом она как-то потерялась. Сегодня коллекционер, безусловно, был бы ею очень доволен, и она могла бы стоить больших денег.

Вернёмся к роману Анри Кулонжа «La marche hongroise», вышедшему по-немецки под названием „Das verschwundene Gesicht“ («Исчезнувшее лицо», условный русский перевод названия). Вместе мы взялись за это авантюрное и отчасти мистическое произведение, рассказывающее историю молодого помощника режиссёра, который ищет пропавшую актрису, путешествуя из Голливуда через Германию в Венгрию во время Второй мировой войны.

«La marche hongroise» — сложное произведение объёмом около пятисот рукописных страниц, и самые трудные места я предпочла оставить мужу. Однако и для меня работы хватало: нужно было проверить множество имён, справиться с непростыми диалогами и воссоздать события, которые, с одной стороны, уже порядком отделились во времени, а с другой — отнюдь не относились к общеизвестным. Это касалось прежде всего киноиндустрии — от таких знаменитых имён, как Эррол Флинн, Кей Брэдли и Майкл Кертис, до менее известных восточноевропейских актёров и режиссёров, — но также и исторических событий старой Венгрии времён Гезы II и уже более чем полувекового периода правления Хорти с фашистской Партией скрещённых стрел.

Автор с огромной выразительной силой описывает опасные события, произошедшие с его главным героем Винсентом, в исторически задокументированных моментах, таких как

высадка англо-канадских войск в Нормандии во время Второй мировой войны или принудительный марш отчаявшихся венгерских евреев из Будапешта, так называемый «венгерский марш», который привел их к нечеловеческим страданиям и смерти. Вот небольшой отрывок на эту тему:

Внезапно колонна остановилась. Но охранники с криками требовали идти дальше, и эти крики смешались с лаем собак. После короткого просвета дождь снова пошёл, стал ещё сильнее и холоднее. Затем Винсент увидел перед собой расплывчатые высокие бледные стены. Земля под ногами была плотно утрамбована. «Это тюрьма?» — неуверенно спросил он. Никто не ответил; все молча стояли в тишине, которую не нарушали даже слабые звуки, созданные ритмом марша. Снова раздался оглушительный рев; толпа хлынула назад, сталкиваясь с теми, кто стоял позади. На несколько секунд Винсенту показалось, что одна только мысль о том, что их могут запереть в этой темнице, может вызвать панику среди людей. Луч прожектора прорезал темноту, и за стенами он увидел металлическую крышу большого заводского здания, в то время как отряд солдат «Скрещённых стрел» с винтовками в руках уже отеснял целые ряды из колонны в огороженную зону, ударами прикладов загоняя тех, кто сопротивлялся или пытался отступить. «Не заходите! Нет! — крикнул кто-то. — Они всех нас там перебьют!» Прожектор погас, и началась настоящая паника; слышались приглушенные крики, тела были растоптаны. Затем, когда солдаты уже не знали, что делать, из громкоговорителя внезапно раздался удивительно спокойный и вежливый голос: «Вы можете спокойно войти в огороженную зону кирпичного завода. Там вы найдёте зал, который предоставит вам укрытие до вашего отъезда завтра утром».

«В Освенциме тоже так говорили», — пробормотал кто-то.

В этот самый момент прожектор снова вспыхнул. Один нилашист, член Партии скрещённых стрел, заметил молодого

человека, сделавшего это замечание, и сразил его прикладом винтовки. Винсент мельком увидел его бледное, залитое кровью лицо, ещё державшееся на поверхности человеческой магмы, затем оно качнулось и исчезло в людском потоке, как человек, борющийся с течением реки. Тем временем спокойный голос из громкоговорителя продолжал свою работу, и поток людей теперь послушно тек между цепями оцепления на территорию.

«Исчезнувшее лицо» стало не просто проверкой моего французского; эта работа расширила наш кругозор и одновременно поставила перед нами задачи сразу в нескольких областях. Но вскоре я снова покинула область романских языков, оставив это дело мужу. Пришло время снова переводить с русского. Мне посчастливилось внести свой вклад в частичный перевод прекрасного издания произведений Пастернака, опубликованного издательством Aufbau Verlag, а также в том «Русский романтизм». Вместе с моим коллегой Эриком Симоном я также представила публике новое издание в мягкой обложке «Стажёры» Аркадия и Бориса Стругацких, первоначально опубликованное издательством Das Neue Berlin до падения Берлинской стены. Однако, когда моего многолетнего редактора уволили из этого издательства в середине 1990-х годов, моя связь с Aufbau окончательно оборвалась. Примерно в то же время я получила свой последний небольшой заказ от издательства «Kinderbuchverlag». «До свидания, овраг!» (немецкое издание: „Die Schlucht der wilden Hunde“) — короткая, живая, но почти трагическая повесть русского писателя Константина Сергиенко. Мир бездомных собак изображен очень чутко и, благодаря яркому языку, легко переводится на немецкий язык.

К счастью, затем дело снова пошло в гору — благодаря детской литературе в уже упомянутом издательстве «Leiv». Теперь мне предстояло работать с авторами Сутеевым и Волковым.

2

Остроумные, искрящиеся жизнью книжки-картинки Владимира Сутеева — то в стихах, то в прозе — переводить было одно удовольствие. Автор (1903–1993) учился во ВГИКе, до Второй мировой войны работал художником, прошёл войну солдатом, а затем писал сценарии и снимал множество мультфильмов. «Ну, погоди!» — грозный возглас злого волка, который вечно безуспешно гоняется за зайцем, — был своего рода советским аналогом американского мультсериала «Том и Джерри». После войны Сутеев писал и рисовал истории, вышедшие примерно на сорока языках и покорившие сердца детей прежде всего в Советском Союзе и Восточной Европе. Возможность хоть немного помочь им дойти до немецкоязычного читателя я считаю для себя честью.

Он умел писать одной рукой и одновременно рисовать другой и буквально искрился идеями. Сразу чувствовалось: он сам наслаждался своими книгами и работал с полной душевной отдачей. Наверное, он был настоящим другом детей.

Сначала Leiv выпустило сборник «Забавные истории» (1993), к которому я ещё не имела отношения, а год спустя — «Щенок, кот и мышь» с главным героем Вуффом — этим «плутом, шалопаем и дерзким сорванцом с добрым сердцем», которого мне удалось представить немецкоязычной публике.

Так началось моё знакомство с серией маленьких книжек, где главные действующие лица — прежде всего животные, а люди остаются лишь добродушным фоном. Конечно, в «Щенке...» текста было немного, но тот, кто ломает голову над трудными вещами вроде «Исчезнувшего лица» или над классикой Николая Карамзина и Петра Вяземского (из уже упомянутого «Русского романтизма»), вполне имеет право иногда и сам немного порадоваться книжке-картинке. Тем

более что и она требовала своего перевода — озорного, подвижного и весёлого.

«Крокодил по телефону» (1996) потребовал от нас уже куда большего. И тут правильнее было бы сказать не «от меня», а «от нас»: под псевдонимом Николай Бахнов, который к тому времени у нас уже появился — почему, я объясню позже, — мой муж тоже делал стихотворное переложение этих оригинальных текстов; а к нескольким немым рисункам он по договорённости с издательством даже сочинил короткие стихи. Сутеевские картинки — настоящий праздник для глаз, и тексты им ничуть не уступают. Взглянем хотя бы на несколько строк из «Кота и Мыши»:

Жил-был на свете мышонок-мальш,
и встретил у дома — о ужас! — кота,
с глазами злющими, прямо страшнящими,
с когтями острыми и лапами загребущими.

И, хвостищем виляя,
вкрадчиво промурлыкал кот:

«Ах, мышонок, как я тебя люблю,
подойди-ка ко мне, мышонок,
я песенку тебе спою,
такой ты ещё не слыхал».

Центральное место в этой небольшой книге занимает заглавная история, в которой автору по телефону обращаются за помощью самые разные животные по самым разным вопросам: аист, черепаха, крокодил, слон, олень, медведь, тюлень, газель, кенгуру, обезьяна и, наконец, даже носорог, который хочет спасти бегемота из болота. Это настоящий фейерверк остроумных находок, и начинается он так:

Чего только не случается у телефонной будки:
вот только что у будки за углом стояли
кот и пёс,
коза и ёж — словом, весь честной народ,
даже госпожа Сова пожаловала.

И кто же сидел в будке?
А в будке сидела сама госпожа Свинка!

Уже целый час
она трещала без умолку:
«Алло, мои милые, у телефона
ваша Свинка.

Хочу вам поведать:
у нас тут дома
такие творятся истории:
Вчера Лис
себе хвост прищемил,
потом в одной рубашке
помчался к госпоже Сороке,
да та не открыла.

А Осёл
своё «иа» позабыл,
потому что объелся конфет.

А у Хомяка пропало
немало денег...»

И так она болтает без умолку
о тысяче вещей,
а те, кто ждут снаружи,
лишь заламывают руки...

Такова предыстория. А когда позже к телефону подходит
хозяин, звучит уже вот что:

И тут телефон снова зазвонил.

«Алло, кто у аппарата?»

«Это я, Слон».

«Откуда вы звоните?»

«Сейчас я у Верблюда».

«И что вам угодно?»

«Много шоколада».

«Для кого? Для вас?»

«Нет, для сына».

«Сколько же послать?»

«Ну, нам хватит и
фунтов девяноста,
а можно и все сто.

Больше он не съест —
он ведь ещё мал!»

Потом позвонил
Крокодил.

Со слезами он просил:

«Голубчик мой, дорогой,
пришли нам скорей
галоши

для Тотоши,
для жены моей и для меня».

«Постойте, я же вам
совсем недавно их послал.

И недели не прошло.

И вам опять нужны?»

«Ну конечно, те, прежние,
мы давно уже съели.

Теперь нужны новые,
помягче, сам понимаешь...»

Такие стишки, вероятно, пришлись по вкусу не только маленьким детям, но и их мамам и тётям, так что книги охотно покупали. Поэтому новые издания выходили до тех пор, пока хватало сутеевских идей. В 1997 году в издательстве «Leiv» сразу вышли два тома: «Курочка на берёзе» и «Лягушонок, медведь и козёл». В них были собраны не только его собственные тексты, но и произведения других детских писателей, к которым он сделал иллюстрации. Так что, помимо Сутеева, мне пришлось переводить и Михалкова, и

Маршака, и Берестова. Один текст Альфа Пройсена из «Лягушонка...» кажется мне особенно оригинальным, поэтому я хочу коротко его представить: это прелестный рассказ под названием «О козлёнке, который умел считать до десяти».

Жил-был когда-то маленький козлёнок, который знал все числа от одного до десяти. Однажды он подошёл к небольшому озеру, посмотрел в воду и вдруг увидел своё отражение.

Козлёнок застыл на месте и долго смотрел на себя. Затем, внезапно, он воскликнул: «Один!»

Телёнок, пасшийся на соседнем лугу, услышал это.

«Что ты делаешь?» — спросил телёнок.

«Я считал себя, — ответил козлёнок. — Если хочешь, я посчитаю и тебя».

«Ну ладно, — сказал телёнок. — Если это не больно».

«Совсем не будет больно. Просто нужно стоять неподвижно, иначе я не смогу считать».

«Ой-ой, тогда лучше не надо. Я боюсь стоять смирно, — пробормотал телёнок, осторожно отступая назад. — Моя мама точно этого не позволит».

Но козлёнок уже всё посчитал. Он прыгнул за телёнком и закричал: «Я один, ты два. Один и два, и ме-е-е!»

«Ма-ма!» — жалобно захныкал телёнок.

Корова с колокольчиком на шее подбежала.

«М-муу... Из-за чего ты ревёшь?»

«Козлёнок меня считает», — пожаловался телёнок.

«Что это значит?» — сердито замычала корова.

«Я умею считать до десяти, — ответил козлёнок. — Хочешь послушать? Я один, два — это телёнок, три — это корова. Один, два, три!»

«Ой-ой, теперь и тебя посчитали!» — пожаловался телёнок.

Когда корова это поняла, она пришла в настоящую ярость:

«Подожди-ка, я покажу тебе, что значит смеяться над нами! Давай, мой маленький телёнок, покажем этому наглецу!»

Корова и телёнок набросились на маленького козлёнка. Он так испугался, что сделал огромный прыжок и зигзагом помчался через луг. Однако по пятам за ним следовали корова и телёнок...

Как вы можете себе представить, во время этой погони через луга к широкой реке появляются самые разные животные: бык, свинья, лошадь — всех их козлёнок считает против их воли, и все они хотят его наказать. Но в конце концов происходит забавный сюрприз, который всё исправляет.

Конечно, именно красочные иллюстрации Сутеева придают истории живость. Они вызывают улыбку и заставляют переводчика даже в таких простых текстах работать с полной отдачей.

В 1998 году вышел «Заячий день рождения» — частью в стихах, частью в прозе, а в 1999-м — «Доктор Айболит» Корнея Чуковского с иллюстрациями Владимира Сутеева (немецкое издание: „Doktor Aibolit und seine Tiere“); эту книгу я тоже перевела на немецкий. Как всегда у этого талантливого иллюстратора, истории вращаются вокруг всевозможных юмористических приключений и персонажей. В «Докторе Айболите», например, мы встречаем дружелюбного доктора (известного как «Доктор Дулиттл» по книгам Хью Лофтинга), которому на этот раз приходится отправиться в Африку, чтобы вылечить детёнышей обезьян, львов, крокодилов и других животных от их болезней. Шакалы, киты, орлы и другие помогают ему пересекать моря, пустыни и высокие горы. Эта история была написана Корнеем Чуковским (1882–1969), известным детским писателем и знатоком детской психологии.

3

Книги Сутеева — это одно, но у «LeiV» были и другие козыри в рукаве. Прежде всего — Александр Волков (1891–1977) с его шестью книгами о Волшебной стране. Примерно тогда же, когда я занималась Сутеевым, на мой стол попали и продолжения его историй...

Тут мне придётся немного отступить назад. Ещё во времена ГДР книги Волкова выходили большими тиражами; он был одинаково любим и детьми, и взрослыми. К тем изданиям, которые тогда выходили в Детском книжном издательстве, я сама ещё отношения не имела. Лишь после перемен конца восьмидесятых — начала девяностых годов, когда в Советском Союзе у Волкова появились продолжатели, я включилась в эту историю уже как переводчица.

Этот сибиряк, математик по профессии, начал писать сравнительно поздно. В «Волшебнике Изумрудного города» он в слегка изменённом виде пересказал знаменитую сказку Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный Волшебник из Страны Оз» — историю, вышедшую в Америке ещё в 1900 году. Экранизация и мюзикл сделали книгу известной широкой публике. Девочка Дороти, унесённая бурей в чудесную страну, «великий», хотя на деле мнимый волшебник Гудвин, Трусливый Лев, становящийся Смелым, Железный Дровосек, мечтающий о сердце, и Страшила, просящий ума, — все они мгновенно покорили Америку. Почти так же произошло и с волковской переработкой в Советском Союзе, а лейпцигское издательство, вновь выпустившее книгу по лицензии в 1993 году, тоже имело с ней большой успех. Книги Волкова месяцами держались на первых строчках списков детских бестселлеров, и даже когда эти списки внезапно исчезли, продажам это почти не повредило.

Об Элли, Страшиле, Железном Дровосеке и Гудвине — как теперь назывались эти персонажи — я впервые услышала ещё в восьмидесятых, когда лежала в клинике после операции и соседка по палате рассказала мне о них. Тогда я и представить себе не могла, что когда-нибудь займусь ими всерьёз. Когда в 1993 году издательство предложило мне переводить «Изумрудный дождь» Юрия Кузнецова, текст показался мне довольно запутанным. Продолжатель перенёс действие после шестой книги Волкова на чужую планету и в какие-то промежуточные миры. Его прежде всего занимали фантастические и технические элементы.

С другой стороны, для меня это был шанс войти в знаменитый цикл. Там были и приключения, и забавные находки, и новые персонажи — правда, в таком количестве, что уследить за ними было нелегко. Но эта работа была нужна мне и как важный источник заработка в трудные годы перелома.

В «Изумрудном дожде» Кузнецова прежние герои — Элли, Страшила, Железный Дровосек и Смелый Лев — появляются уже только на заднем плане. Действие разворачивается поколением позже. Сын Элли, некогда победившей злую ведьму Гингему, должен лететь в Волшебную страну на драконе Ойххо, но вместо этого через волшебный туннель попадает на планету Рамерию, где властвуют мрачные менвиты. Крис Талл, так зовут мальчика, оказывается в плену, однако его освобождают пушистые, проворные зверьки, напоминающие белок. Благодаря этому он может помочь угнетённым жителям планеты, арзакам. Делает он это с помощью чудесных изумрудов, давших книге её название.

Но по мере развития действия сюжетные нити вновь запутываются, и переводчице приходится нелегко: нужно следовать за новыми героями, которые теперь появляются то из России, то с планеты Ирэна, и вместе с ними попадать в Элминг. Место это довольно странное. Оно находится в том самом туннеле, за стеклянной стеной. Попав туда, человек

теряет телесность и превращается в бестелесное существо, состоящее лишь из энергетических волн. Выбраться из этой ловушки почти невозможно. Вот маленький отрывок из книги.

Костя прислушался к себе. Ему казалось, что и здесь существует какой-то порядок, какая-то внутренняя логика. Тихие перестуки словно спрашивали и снаружи, и изнутри: «Кто там? Кто там?»

Что за чертовщина, подумал мальчик, я ведь даже языком шевельнуть не могу, чтобы сказать: «Это я, Костя Талкин!»

«Добрый день, Костя!» — вдруг ответило ему. Это были те самые перестуки, иголки, молоточки и колокольчики.

Но ведь они меня понимают, с радостью подумал мальчик. Значит, чтобы общаться, язык нужен не всегда.

Он сразу попробовал ещё раз.

«Что со мной происходит? — мысленно спросил он. — Где я?»

«Ты в Элминге», — прозвучал ответ.

«Что это за страна? — снова спросил Костя, точнее, подумал. — И где она находится?»

«Элминг — совсем не такое царство, к каким ты привык, — услышал он. — У Элминга нет ни начала, ни конца. Здесь нет ни сегодня, ни завтра. В одно и то же время ты можешь находиться во множестве разных мест. Представь себе ущелье, по обледенелым склонам которого ты мчишься вниз на санках. Только санки у тебя не простые, а волшебные! Если скатишься по левому склону, попадёшь из вчера в сегодня. Правый склон принадлежит будущему и тоже выводит в настоящее. А вот на дне ущелья существует только настоящее! И если склоны слишком круты или слишком скользки, назад ты уже не поднимешься и останешься здесь навсегда. Примерно так и можно описать Элминг».

«Вот это здорово! — возмутился про себя Костя. — Да это не страна, а настоящая мышеловка! Впускает всякого, а назад не выпускает никого. Ну и влип же я... Но всё-таки, —

продолжил он, — меня ещё интересует одно: кто же такие эти элмы?»

«Это, конечно, мы — электромагнитные волны. „элмы“ — просто сокращение. В нашей стране существовать можно только в таком виде. Теперь и ты волна, элм».

В конце концов Костя, встретив девушку Виолу с планеты Ирэна, найдя друзей в лице кракена Прима и двух землян и столкнувшись с негодьями, которых на этот раз зовут массарами, всё же возвращается на Землю. Спасение приносит таинственная жемчужина. А вот герои Волшебной страны вновь появляются лишь в следующем томе — «Пленники кораллового рифа» (1995), и то в виде игрушечных кукол.

Об этой последней из названных книг и ещё об одном немецком томе, посвящённом Арахне и изданном под названием „Die Riesin Arachna“, — лишь несколько замечаний: вместе с «Изумрудным дождём» они образуют своего рода цикл. Как уже, вероятно, ясно из сказанного, автор даёт полную волю своему воображению, и мне как переводчице было непросто следить за ходом его сюжета и мысли. Среди множества новых действующих лиц всё же выделяются некоторые знакомые по поздним сказкам Волкова — например, моряк Чарли Блэк, который в Элминге вновь получает свою потерянную ногу и описан очень колоритно. Вернувшись на Землю, он попадает в засаду на атолле в Южных морях. Крис Талл и двое инопланетян (тоже уже появлявшиеся раньше) отправляются ему на помощь и тем самым сами подвергают себя опасности.

Заметную роль играют также гномы страны Таурекии, пещёрный лев Грау и ведьма Арахна — в немецком томе, посвящённом ей; при этом, по Кузнецову, сама Арахна вообще-то родом с Рамерии, то есть с чужой планеты. На своём летающем ковре она попадает во временную петлю и вечно мечется между добром и злом, прошлым и будущим. В финале этого цикла автор, впрочем, больше занят

инопланетянами, возвращающимися через свои туннели в разные миры, чем земными людьми и волшебными существами. А переводчица, со своей стороны, лишь рада, что ей удалось более или менее благополучно оставить все эти миры позади.

Поэтому здесь я и хочу поставить точку: и у «LeiV», и у меня к тому времени сложилось ощущение, что нити повествования слишком уж разошлись и ради читателей стоило снова приблизиться к исходной сказке. Это подтвердило и снижение продаж. Мы стали искать новых авторов, и поскольку тогда в России ничего подходящего не находилось, договорились с издательством сами попробовать продолжить эту линию. К тому же Клаус Мёкель уже доказал свои возможности в этой области — такими сказками, как «Die Porinden» (Altberliner Verlag, 1988), и тремя детскими детективами в серии Rotfuchs у Rowohlt («Bennys Bluff», 1991, «Kasse knacken», 1993, и «Bleib cool, Franzi», 1995). И я тоже (вспомним булычёвские истории об Алисе и Юльке из первой части этих записок) могла предъявить некоторые заслуги в этом жанре.

В совместных обсуждениях мы выстроили замысел новой сказочной книги о Волшебной стране и — в качестве своего рода пробы — предложили этот проект издательству «LeiV». Чтобы сохранить традицию, с издательством был согласован русский псевдоним: Николай — русский эквивалент имени Клаус, а Бахнов происходит от моей девичьей фамилии Бах. Так началась моя работа как соавтора восьмитомной серии Бахнова.

С этим проектом связана довольно забавная история, которая меня ненадолго сбивала с толку. После того, как несколько наших томов уже были опубликованы, однажды коллега-переводчик спросил меня: «Слушай, ты ведь как-то связана с этим Бахновым? Можешь что-нибудь о нём рассказать? Я нигде не могу найти о нём никаких сведений».

В тот момент мне помогла определенная склонность к импровизации, которую я развила в юности, играя в школьном театральном кружке, а позже в русскоязычном «Кружке Пушкина» при Йенском университете. В школе, где я выступала, в том числе вместе с Томасом Лангхоффом, будущим директором Немецкого театра в Берлине, я играла «глупую» служанку в «Разбитом кувшине» Клейста и Элизу в «Скупом» Мольера. В Йенском университете я также играла в «Пиковой даме», которую мы ставили в оригинале, по-русски.

Вернёмся к вопросу моего коллеги. Я немного подумала, а затем объяснила: «Ну, это сложный вопрос. Бахнов любит напускать на себя таинственность. Насколько мне известно, он уже некоторое время живёт в Южной Америке, ведёт довольно замкнутый образ жизни и общается только с издательством. Возможно, это даже псевдоним».

Чтобы лучше ответить на подобные вопросы, издательство «LeiV» позже опубликовало в одном из своих каталогов «краткую биографию» Бахнова, а берлинский иллюстратор Ханс-Эберхард Эрнст, о котором я расскажу позже, набросал небольшой «портрет», в котором при ближайшем рассмотрении угадывались и некоторые черты моего мужа.

Загадочный господин Бахнов (рисунок Х. Э. Эрнста)

Однако, что касается нашего проекта, нам пришлось учесть несколько важных моментов. С одной стороны, действие должно было вернуться в Волшебную страну, но при этом нельзя было допустить никакого разрыва с предыдущими книгами. Некоторые персонажи из последних томов Волкова, такие как ярко изображенный моряк Чарли Блэк или мальчик Крис из Канзаса, хорошо подходили для этого перехода и могли, по крайней мере на начальном этапе, занять место рядом со Страшилой, Железным Дровосеком и другими прежними героями.

Мы также искали современную тему, и даже тогда тема охраны природы и окружающей среды напрашивалась сама собой. Герои Волкова и Кузнецова уже сражались со всевозможными врагами — но не с чудовищем, тем более с тем, которое уничтожает природу. Так, под названием «В лапах морского чудовища» (1996) родился ужасный, загрязняющий окружающую среду монстр, сеющий хаос в море, которое мы назвали Морем Раковин, душащий всю жизнь своими зарослями водорослей. С этим нужно было бороться.

Главную роль в написании играл мой муж, и обычно последнее слово оставалось за ним. Однако я тоже вносила свои идеи, и мы вместе работали над созданием сцен и деталей. Например, казалось вполне уместным в духе равноправия полов, что Страшила наконец-то обрёл достойную жену, что привело к великолепной свадьбе в Изумрудном городе в начале нашей сказки. Избранной невестой стала кукла Бетти Растрёпка, которая вскоре взяла на себя важные обязанности.

Но тут, прямо посреди этих торжеств, врывается аист Клапп, потомок и преемник великого Адебара, который когда-то спас Страшилу из реки. Он приносит ужасные новости. Давайте послушаем, что он скажет:

Аист Клапп летел над бескрайними равнинами Волшебной страны. Он долго путешествовал и немного устал. Поэтому он

обрадовался, увидев вдали широкую серебристую реку. Своё гнездо он свил на крыше старого сарая у её берегов.

Клапп был лишь одним из многих аистов в Волшебной стране, но у него был знаменитый предок. Его прапрапрадед, Адебар, давным-давно спас Страшилу Мудрого из опасной ситуации. В то время Элли из Канзаса, Железный Дровосек, Трусливый Лев и Страшила направлялись в Изумрудный город к Гудвину, Великому и Ужасному, и пытались переправиться через эту самую реку на плоту. Посреди реки Страшила повис на шесте, которым он отталкивал плот. Шест зацепился за дно. Друзья же, унесенные течением, едва добрались до берега и позже встретили Адебара. Он освободил Страшилу из беды и вытащил его на берег.

После того как Страшила стал правителем Изумрудного города и прославился своей мудростью, эта история, естественно, распространилась среди аистов и была соответственно приукрашена. В действительности спасение было довольно простым и не потребовало столько мужества, сколько позже рассказывал Адебар. Льву даже пришлось немного оскалить зубы, чтобы наконец заставить аиста долететь до середины реки. Но так или иначе, перед глазами у Клаппа стоял сияющий пример его знаменитого предка, и он мечтал прославиться подобным образом. Поэтому, когда он внезапно увидел большую рыбу, извивающуюся в воде, вся его усталость исчезла. Она находилась возле песчаной отмели на мелководье, и рыба — или это было какое-то животное, метавшееся туда-сюда, — запуталась в сети. Только когда Клапп подлетел к ней, он понял, что это дельфин.

«Как ты сюда попал? — спросил аист. — Когда я летал на юг, я видел таких, как ты, в море, но никогда в этой реке».

«Это долгая история, — ответил дельфин. — Я расскажу тебе, как только ты сможешь мне выбраться из этой сети. Но поторопись, потому что я едва могу дышать. К счастью, здесь мелко, поэтому я могу время от времени высовывать нос из воды».

Аисту с трудом удалось прорвать сеть, но благодаря своему острому клюву ему это наконец удалось. Когда щель стала достаточно большой, дельфин протиснулся, вздохнул с облегчением и плавно вернулся в воду.

«Ну так что? — торопил Клапп. — Ты хотел рассказать мне свою историю».

«Сразу же. Может, ты даже сможешь мне помочь. Время на исходе, потому что я застрял здесь уже довольно давно».

«Если я не ошибаюсь, я только что тебе помог. Чего ещё ты хочешь?»

«Ты знаешь дорогу в Изумрудный город?»

«Конечно, — ответил Клапп. — Если лететь, то над большим маковым полем, а потом всё время вдоль Дороги из жёлтого кирпича. Через час-два ты увидишь город».

«Я не умею летать», — возразил дельфин.

«Тогда тебе нужно плыть вверх по течению, свернуть направо в большой канал, а потом войти в ручей. Но это займёт гораздо больше времени», — сказал аист.

Дельфин задумался:

«Тогда слушай, — наконец начал он. — Меня зовут Флой, и я родом с севера, с края Волшебной страны, где лежит Белое Море Раковин. Подводный мир, где я живу, очень красив и управляется королевой Бельдорой. Она — русалка изящного сложения, но невероятно грациозная и сильная. Бельдора правит столько, сколько я себя помню, к удовлетворению всех морских млекопитающих, рыб и других существ. В её замке, построенном из голубого стекла и тончайших ракушек, рады всем, кто обращается к нам с миром и добротой».

«Следует сказать, что в нашем королевстве всегда всё было справедливо. Конечно, маленьких рыбок съедают большие, да и мы сами иногда хватаем какую-нибудь вкусную холоднокровную добычу, чтобы утолить голод. Но всё всегда происходило в надлежащем порядке и в меру. Всем хватало места, и всё было в равновесии. У нас всегда была чистая вода.

Пока однажды не пришло морское чудовище и не ввергло нас в тяжелейшую беду».

«Морское чудовище? Что это такое?» — с изумлением спросил Клапп.

«Если бы только можно было объяснить это так точно, — вздохнул Флой. — Оно не всегда принимает один и тот же облик, но может менять свою форму. Иногда оно напоминает огромную студенистую медузу, иногда — маслянистую медузу, которая всасывает нашу чистую воду и выплевывает её обратно в виде потока грязи. У него сотня гниющих щупалец, и он использует их для плетения плотных ковров из водорослей, которые душат всю жизнь».

Вначале чудовище было одиноким, маленьким и незаметным. Оно дрейфовало туда-сюда по морю, было некрасивым, даже уродливым, но тем не менее было любезно встречено нашей королевой, когда неожиданно постучало в ворота замка. Оно утверждало, что пришло издалека, что оно одиноко и бедно, и поэтому ему было позволено поселиться среди кораллов под рифами. Но это была ошибка, ибо там, где тысячи укромных уголков и расщелин, оно тайно росло с невероятной скоростью. Внезапно коралловый лес покрылся слоем грязи, повсюду выросла чёрная трава, и она забрала воздух у обитателей.

«Вот это по-настоящему коварно!» — возмущённо сказал аист.

«Но это ещё не всё, — взволнованно продолжил Флой. — Оказывается, это чудовище породило детёнышей с такими же свойствами, и они распространились по всему морю. Они затуманили наши воды, украли наш солнечный свет и отравили морское дно. Жалобы поступали к Морской Королеве со всех уголков королевства. Рыбы болели, черепахи задыхались, а детёныши тюленей умирали. Бельдора призвала чудовище и приказала ему прекратить свою опасную деятельность, но оно проигнорировало все её приказы. Напротив, оно насмешливо заявило, что это его

образ жизни и способ расширения своих владений. Бельдора не имела права указывать ему, что делать».

Флой, всё ещё измученный трудностями путешествия и пленом в сети, на мгновение замолчал.

«Слишком поздно мы осознали огромную опасность, которую представляли эти существа, — сказал он. — К тому времени, как мы наконец решили начать борьбу с водорослями, мусором и грязью, грязь уже расплзлась повсюду. Кроме того, как бороться с нефтью и зловонными ядами, которые разъедают морское дно, коралловые рифы и колонии моллюсков? В нашей критической ситуации королева посылает меня в Изумрудный город за советом и помощью. Наша единственная надежда — Страшила Мудрый, о мудрости которого говорят по всей Волшебной стране. Только он может решить эту проблему».

Клапп, стоя на одной ноге, кивнул.

«Верно, ваша королева поступила правильно. Страшила и его друзья победили злую колдунью Бастинду. Они положили конец опасному Урфину, ведьме Арахне и многим другим. Наш правитель, несомненно, тоже придёт вам на помощь».

«Но нам нужно поторопиться, — сказал Флой. — Судя по вашим словам, мне ещё предстоит довольно долгий путь до Изумрудного города. Я даже не знаю, смогу ли я это сделать, потому что плохо переношу воду вашей реки. Море, где мы живём, приятно солёное».

В голове Клаппа мелькнула мысль. Если бы он смог внести свой вклад в спасение этого Моря Раковин, он мог бы стать таким же знаменитым, как его предок. К тому же, это было бы поистине добрым делом.

«А что, если я объясню ваше затруднительное положение Страшиле? — предложил он. — Я буду в Изумрудном городе через два часа».

«Вы бы сделали это для нас?»

«В Волшебной стране все помогают друг другу», — с достоинством ответил аист.

«Но как мы узнаем, что решит Страшила Мудрый?» — спросил дельфин.

«Смело возвращайся к своей королеве, — ответил Клапп. — Наш правитель найдёт способ связаться с вами».

Я не хочу слишком подробно останавливаться на бахновской серии, хотя восемь томов, полных новых приключений и забавных идей, безусловно, требуют энергии, изобретательности и настойчивости и представляют собой значительное достижение. Для меня они ознаменовали переход к написанию собственных произведений. Тем не менее, я хотела бы кратко охарактеризовать отдельные тома и представить один-два из них небольшими отрывками.

Вслед за «В лапах морского чудовища», где водорослевое чудовище в конце, конечно, побеждено, а чистота моря восстановлена, год спустя вышла «Змея с янтарными глазами». Эта книга посвящена определённой идее, поскольку она возвращает нас к первоначальной концепции Лаймана Фрэнка Баума, которая, пожалуй, в наибольшей степени способствовала успеху его истории. Речь шла о превращении глупого пугала в умного, трусливого льва в храброго, а Железного Дровосека, у которого не было сердца, в сострадательного. Этого удалось достичь, пробудив в них уже дремлющие добрые качества.

В нашей истории эта центральная идея получает новое звучание. Злобная змея, порожденная воскресшей тенью бывшей ведьмы Бастинды, снова лишает трёх героев их добродетелей: сердца Железного Дровосека, ума Страшилы и храбрости Льва. Но это, в свою очередь, даёт возможность Бетти Растрёпке, девочке Джессике — внучке Великого Гудвина, которая, тоже в духе равноправия, приходит на смену Крису Таллу, и другим персонажам отвоевать добычу у ведьмы и её змеи.

Herrn u. Frau Möckel
Andersensstr. 4
10439 Berlin

26.04.1997

Sehr geehrter Herr Bachnow.

der LeIV- Verlag dankt für das neue Manuskript

„Die Schlange mit den Bernsteinäugen“

und erklärt hiermit die Annahme.

Uns gefällt diese gut geschriebene, spannende, märchenhafte

Geschichte, die es nicht an Aktionen fehlen lässt, die mit den

bekannteren Figuren frisch umgeht und originelle neue hinzufügt,

Lamy, der Katzenschreck oder Minni, die Spinne sind echte

Neuerwerbungen, die durchaus literaturverdächtig erscheinen.

Alles in allem eine gelungene Fortsetzung der „Zauberland-Reihe“.

Kleine Korrekturwünsche unsererseits finden Sie vermerkt.

Wir geben den Schluss zu bedenken.

Hier fehlt ein abrundender Ausblick. Zwar sind alle Abenteuer

bestanden, dennoch wünscht sich der Leser entweder den

heranziehenden „Schatten“ neuer Abenteuer, aber auch der gute

Ausklang mit der Rückkehr der Figuren in ihr altes Leben wäre

möglich und denkbar.

Darüber wollen Sie bitte noch einmal nachdenken.

Wir danken dem Autor und der Übersetzerin für die so kongeniale

Übertragung und verbleiben

mit freundlichem Gruß

LeIV- Verlag

i. A. Dr. Karin Pieper

Во втором томе на первый план выходят новые и забавные персонажи-животные, такие как мышонок Ларри Котопуг, который постоянно сражается с кошкой Мией. Пользуясь случаем, хочу сказать несколько слов о прекрасных иллюстрациях, которые оживляют эту красочную группу и без которых все эти книги ценились бы вдвое меньше.

Всё началось с Волкова и иллюстратора Леонида Владимировского, который также разрабатывал обложки для книг Кузнецова, а Ольга Бороздина, при его участии, взяла на себя работу над иллюстрациями.

В серии Бахнова их сменил берлинский художник Ханс Эберхард Эрнст: его красочные, живые и энергичные рисунки идеально дополняют текст, продолжая традицию и придавая ей современный оттенок. Нам посчастливилось лично познакомиться с иллюстратором. Однажды он сказал нам, что

получил огромное удовольствие от создания персонажей и сцен, а также от вдохновения, которое ему принесли оригинальные тексты. Вдохновленный нашим новым персонажем, бойким мышонком «Ларри Котопугом», он однажды закончил одно из своих рукописных писем словами «larrykatzenschrecklichen Grüßen», что нас очень позабавило.

Но теперь перейдём к третьей книге, «Сокровище изумрудных пчёл» (1998), где Страшила, Бетти и их спутники отправляются на новую спасательную миссию. Большеухие Братья, названные так потому, что у одного слева ухо размером с блюдце, а у другого — справа, отправляются в джунгли, чтобы украсть тщательно охраняемое сокровище из золота и драгоценных камней у народа изумрудных пчёл. Они знают, что пчёлы во главе с доброй феей-королевой погибнут, если сокровище будет потеряно. Но это не беспокоит бандитов. Вот одно из приключений, с которыми они сталкиваются во время своего набега.

Сразу за ущельем начинался первобытный лес с его огромными деревьями и экзотическими растениями высотой в несколько метров. Было жарко и влажно, вокруг Большеухих Братьев жужжали насекомые, а над головой порхали разноцветные птицы.

«Куда нам идти?» — спросил Джо.

«Пока просто идём прямо, — ответил Джо. — Нам нужно найти Ручей Стекланных Рыб».

«Но прямо впереди кусты слишком густые».

«Я надеялся, что здесь будет тропа, — признался Билл. — Давайте пока будем держаться правой стороны; так будет проще. Посмотрим позже».

Усердно работая топорами, двое пробирались сквозь заросли. Билл, идущий впереди, чуть не столкнулся лицом к лицу с гигантской змеей. Она уже раскачивалась над его головой, и только благодаря громкому крику ужаса Джо смог отскочить в сторону. Разочарованная змея скрылась в кронах деревьев.

«Спасибо, малыш», — одобрительно сказал Билл, похлопав брата по плечу.

«Похоже, мы имеем дело не только с пчёлами и бабочками», — проворчал Джо.

«Ну и что? К тому времени, когда сокровище уже будет у нас, мы об этом забудем».

Теперь они двигались осторожнее, внимательнее осматривая окрестности.

Через некоторое время местность стала болотистой, и внезапно неподалеку раздался громкий шум, словно кто-то прыгнул в воду.

«Это, должно быть, ручей!» — воскликнул Билл с восторгом.

«Если только это не топкая яма, где притаился крокодил», — проворчал его брат.

Через мгновение они оказались на краю большого темного пруда. По гладкой поверхности плавало существо, похожее на паука, размером примерно с кролика и коричневого цвета.

Братья уставились на пруд с большой паучихой, и Джо разочарованно сказал:

«Это не похоже на ручей».

«По крайней мере, это вода; он не может быть далеко», — уверенно ответил Билл.

«А что это там плавает? Гигантская блоха?»

— Что-то вроде того, — сказал Билл, — но какое нам до этого дело? Пусть он утонет.

В этот момент существо закричало:

— Блоха, говорите? Вы когда-нибудь слышали такую наглость? Я Минни, коричневая паучиха, известная и внушающая страх во всех джунглях. Ну же, помогите мне выбраться отсюда, иначе пожалеете.

Братья, удивленные, начали ухмыляться.

— Ага, Минни, коричневая паучиха, это ты, — насмешливо сказал Джо. — Значит, для нас большая честь познакомиться

с тобой? Скажи, что с нами будет, если мы будем продолжать смотреть, как ты тонешь?

— Увидишь, — сердито крикнула паучиха. Она снова поплыла вокруг, и вдруг Билл увидел, что она тянет за толстую нить, тянущуюся под самой поверхностью воды к берегу.

«Осторожно!» — крикнул он, отпрыгивая в сторону. И тут же, как раз вовремя, с дерева позади него с грохотом упала большая сеть, приземлившись точно там, где он только что стоял. Его сеть не задела, зато накрыла Джо, и тот запутался в петлях вместе со своей лопатой, топором и рюкзаком.

«Ха-ха-ха-ха! — засмеялась паучиха, извиваясь на воде. — Попались, болваны! Может, я и немного пьяна, съев как минимум трёх больших нектарных бабочек, но на вас меня ещё хватит. Ну что, хвастуны, что теперь скажете?»

Братья с большими ушами, с трудом освободившись и выдержав немало побоев во время последующего похода, казалось бы, были готовы достичь своей цели, если бы не Бетти, Страшила, Лев, Железный Дровосек и их друзья, как и в других историях. Различными и столь же авантюрными способами — например, две куклы, совершив безумный полёт на воздушном шаре — им в последнюю минуту удаётся спасти положение. Когда все держатся вместе, в сказочной стране ничто не может пойти не так.

В последующих томах, «Проклятие короля драконов» (1999), «Ложная фея» (2000) и «Невидимые князья» (2001), героям Волшебной страны снова предстоит проявить себя: могущественный и жестокий дракон, вылупившийся из яйца, оставленного ведьмой Гингемой, опустошает регион; коварный приспешник хитро и жестоко занимает место доброжелательной феи Стеллы из Розовой страны и тиранит население; банда невидимых разбойников появляется из подземелий и подвергает опасности жителей Изумрудного города. В этих историях мы использовали мотивы из книг Волкова, чтобы сохранить связь с истоками серии. В то же

время каждый том представляет собой самостоятельную историю и может читаться отдельно. Находчивые персонажи вроде Ларри Котопуга, паучихи Минни или Пэта Ривы, когда-то учившегося волшебству, который время от времени вносит путаницу своими ошибками, придают повествованию нужную долю юмора.

Например, в седьмом томе «Колдун из Медного леса», опубликованном в 2002 году, злой волшебник Калигмо, желая отомстить Страшиле Мудрому за то, что сам он на большом состязании чародеев получил не первый, а лишь третий приз, создаёт опасных колючих человечков, которые захватывают сады и дорожки Изумрудного города. Их кактусы растут с молниеносной скоростью и перекрывают улицы своими острыми шипами. Избавиться от них кажется невозможным. Наши герои теперь пытаются сделать всё, чтобы преодолеть опасность. Посмотрим, что произойдет, когда в дело вмешается Пэт Рива:

Кактусовые человечки потрудились на славу. Их, должно быть, было несколько, и, судя по всему, они начали свою работу задолго до того, как их обнаружили. Повсюду жители выходили из своих домов с пилами и топорами, лопатами и мотыгами, чтобы бороться с растениями. Но толку было мало.

Даже стены замка, окна и двери уже были покрыты кактусами и колючими изгородями. «Если это продолжится, мы полностью зарастём и окажемся в ловушке», — встревоженно воскликнула Бетти. Садовники и даже Страшила были в недоумении. Он тщетно изучал свои толстые книги, пытаясь найти решение.

В дворец прибыл Пэт Рива, старый рыбак, когда-то учившийся волшебству у феи Стеллы. Из-за серьёзных ошибок ему пришлось прервать обучение, но кое-какие хитрые приёмы он всё же запомнил. Теперь он с радостью делился своими знаниями с друзьями, даже если результаты часто отличались от того, что он планировал.

«Без сомнения, за этим стоит злой дух, — сказал Пэт Рива, оглядев беспорядок. — Вы должны действовать быстро, иначе дело плохо».

«Но что нам делать? Ты ничего не знаешь?» — спросила Бетти.

Пэт Рива почесал затылок.

«Заклинание, заставляющее сорняки исчезнуть, я помню лишь приблизительно. Я точно знаю, что нужно обвести полукруг вокруг нужного растения и трижды взмахнуть над ним удочкой: дважды влево и один раз вправо».

«Вспомни это заклинание, — взмолилась принцесса. — Мы должны положить конец этим ужасным сорнякам». Она доверилась старику, хотя он однажды превратил её мужа в великана и принял хороший золотой мох за плохой серебряный.

«Хорошо, кажется, я понял. Давайте сначала займёмся большим кактусом у городских ворот. Там всё наглухо забито».

Лев, уже испытывавший на себе искусство Пэта Ривы — тот ведь однажды по ошибке превратил его в котёнка, — предупредил:

«Давай попробуем на небольшом колючем кустике в парке. Там ничего плохого не случится».

Рыбак, казалось, слегка обиделся, но Страшила сказал:

«Без обид, Пэт, Лев прав. Осторожность — мать всякого волшебства».

«Ну что ж, как хотите», — пробормотал Пэт.

Они пошли в парк и выбрали небольшой, одинокий колючий кустик. Концом своей волшебной удочки старик обвёл растение широким полукругом, встал внутри него, начал раскачивать леску и пробормотал:

«Упори, Кори, колючий кустик,
прочь с тобой из моего садового королевства!»

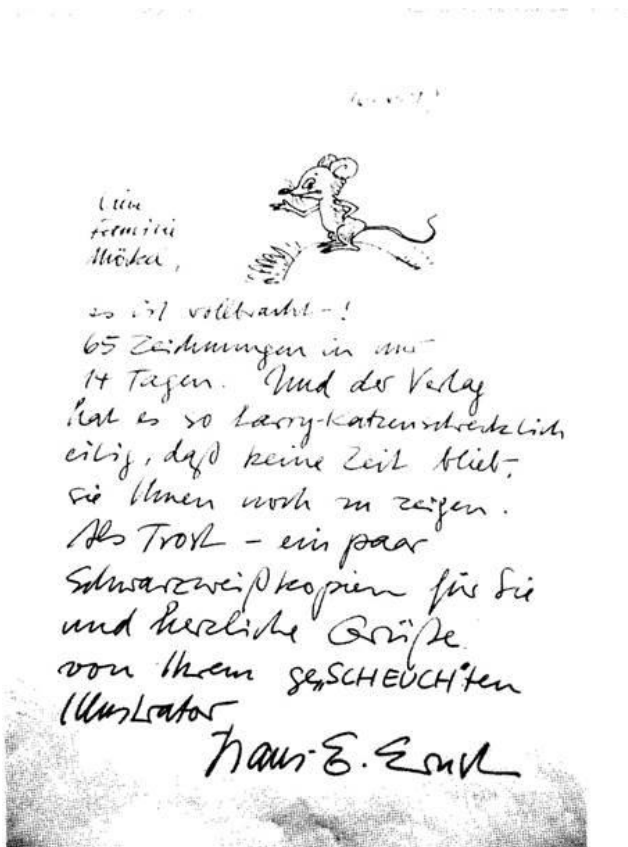
Вспышка молнии и раскат грома сотрясли парк, поднялся густой дым, и все отскочили назад. Когда дым рассеялся, друзья протёрли глаза. Джессика увидела это первой:

«Получилось, куст исчез!» — взволнованно воскликнула она.

Остальным потребовалось несколько секунд, чтобы понять ситуацию. Затем лев ответил:

«Верно, куст, кажется, исчез. Но где же Пэт Рива?»

Это Железный Дровосек находит рыбака, застрявшего головой в расщелине, и вытаскивает его. К счастью, старик не получил серьёзных травм — в конце концов, он даже помогает одержать победу над опасным колдуном, черпающим свою силу из медного куста за домом.

Liebe Bachmanns,
das Eisene Holzfäller und
Pet Rira mit Mia bestaunen
gerade die Kakuspaltung des
Hexers auf dem Einband
und überbringen herzliche
Grüße vom Illustrator

W. G. Ernst

05. 03. 2002

Большеухие Братья из «Сокровища изумрудных пчёл» (иллюстрация Х. Э. Эрнста)

Страшила и Фея Бельдора (иллюстрация Х. Э. Эрнста)

Смелый Лев (иллюстрация Х. Э. Эрнста)

В заключительном томе бахновской серии, завершённом в 2003 году, мы ещё раз попытались собрать все силы, потому что хотели, так сказать, завершить нашу работу с настоящим

размахом. Мы придумали великана, который ради своих детей затаскивает царство Смелого Льва со всеми его деревьями и животными в свою пещеру, уменьшая его с помощью волшебного порошка и просто унося под мышкой, как свёрнутый ковёр. Хотя эта идея поначалу казалась дерзкой даже для сказки, в процессе написания мы вскоре поняли, что она открывает множество многогранных и захватывающих возможностей. «Украденное царство животных» (2003) дало нам возможность ещё раз пустить в ход всё наше мастерство. Вот сцена с пёсиком Кнаксом, который уже появлялся у нас в «Невидимых князьях».

Тем временем Кнакс продолжал бежать. Гордясь своими находками, он обнюхивал камни и комки земли, разыскивая новые следы. Запах постепенно рассеивался, но внезапно до его носа донёсся ещё один незнакомый запах. Он исходил из углубления, образованного вырванным корнем. Что-то там двигалось.

С громким лаем собака бросилась к этому месту. Но так же резко остановилась, в последнюю секунду резко затормозив. В углублении поднялся маленький медведь, сердито взмахнув лапами и дико зарычав.

Связываться с медвежонком пёс не хотел — даже если тот был едва больше Кнакса. Тем более что от него можно было получить какую-нибудь информацию.

«Ладно, извини, я не хочу драться». Он поспешил успокоить маленького медведя. «Наоборот, я рад, что мы тебя встретили».

«Тогда почему ты так на меня набрасываешься?»

«Я не набрасываюсь. Я просто подумал...» Кнакс не мог точно вспомнить, о чём он думал.

Медведь успокоился.

«Только тебя мне тут не хватало, — проворчал он. — Я никогда раньше не видел здесь такой огромной собаки, как ты. Но я всё равно совершенно потерял в этом мире».

«Я, огромная собака?» Кнакс не знал, смеяться ему или сердиться. «Даже если ты ещё очень молод, не стоит так шутить».

«Я уже не молод. Ведь видно же, что у меня за плечами немало лет».

Остальные тоже заметили медведя и подошли.

«Наконец-то нашёлся кто-то, с кем можно поговорить! — обрадовался Страшила. — Что, ради всего святого, с вами случилось, малыш?»

При появлении путников медведь попятился.

«Кто вы, и что вы здесь делаете? Вы заодно с тем великаном, который нас одурманил?»

«Конечно, нет, — ответила Бетти. — Мы пришли из Изумрудного города и хотели навестить твоего правителя, Смелого Льва. А теперь здесь вдруг ничего нет — одна голая пустошь. Что случилось?»

Медведь оставался подозрительным.

«Вы из Изумрудного города? Да, судя по описанию, вы могли бы быть Страшилой Мудрым и Железным Дровосеком. Лев часто говорил о вас. Хотя я всегда думал, что вы двое меньше меня».

Кнакс потянул Бетти за юбку.

«Этот медвежонок, конечно, многое пережил, — прошептал он. — Он выглядит довольно растерянным. Утверждает, что у него уже немало лет за плечами, и назвал меня гигантской собакой».

«Я не знаю, почему мы должны быть меньше тебя, — ответил Страшила, — но давай оставим это в стороне. Скажи лучше, куда делся лес. Где все животные? Где твоя мама?»

«Моя мама? Я ведь не видел её много лет, чёрт побери! Я же не ребёнок!»

«Ну ладно, не обижайся, — сказала Бетти и подмигнула Страшילה. — Мы просто хотим узнать, что произошло.»

«Хотел бы я сам знать, — проворчал медведь. — Сначала пришёл великан и рассыпал свой порошок. Запах был такой ужасный, что я потерял сознание. Потом я очнулся в темноте, и казалось, будто лес со всеми деревьями и зверями свернули вокруг меня рулоном. Вы мне не верите, да?»

«Твоя история звучит невероятно, — признала Джессика. — И всё же что произошло дальше?»

«Великан, или кто там это был, утащил нас, наверное, под мышкой. Вместе с этим лесным свёртком. Но я увидел свет: я случайно оказался на самом краю этого свёртка. Я подполз к краю и посмотрел вниз. Могу вам сказать: высота была жуткая. Вы даже не представляете, как я перепугался».

«Да-да, — ответила Бетти. — Наверное, тебе было ужасно».

«К тому же всё вокруг качалось, — продолжал медведь. — Этот грубиян шагал довольно быстро. Меня затошнило ещё до того, как я сорвался вниз».

«Ты упал?» — спросил Страшила.

«А иначе я бы здесь оказался? Чудо, что я не переломал себе все кости. Мне повезло: в этот момент край свёртка наклонился к земле. Наверное, я ещё и сам немного подпрыгнул. Во всяком случае, я приземлился на лапы».

«А что же великан?» — впервые вмешался дровосек.

«Ничего не заметил и просто продолжал идти. Он казался ещё больше, чем раньше».

Они молчали, каждый пытался осмыслить эту невероятную историю. Наконец, Страшила сказал:

«Не принимай это близко к сердцу, Медведь. То есть ты уже не молод, а взрослый?»

«Конечно. У меня по лесу бегают как минимум двенадцать детей!»

Узнав о краже, друзья отправляются на поиски великанов. По пути они встречают горного козла, двух странных подрывников, оказываются на эскалаторе, движущемся задом наперёд, и им приходится сражаться с двуглавыми грифами.

Как им в итоге удаётся перехитрить великанов и вернуть Царству животных прежние размеры, здесь раскрываться не будет. Когда книги Бахнова позже были опубликованы в электронном виде издательством «Edition digital» (Pekrul & Sohn), литературный критик Каролин Кульманн написала в интернете следующее о книге «Украденное царство животных»:

«Этим заключительным томом серии «Волшебная страна» Николай Бахнов в очередной раз доказывает, на какие фантастические идеи он способен. История о животном царстве, уменьшенном и просто унесенном великаном как свёрнутый ковёр, чудесна и делает эту последнюю сказку поистине особенной. Приключенческая и необычная, она непременно поразит как детей, так и взрослых. Умные идеи, с помощью которых непохожие друг на друга друзья перехитряют недалеких великанов, тоже очень забавны». И после нескольких критических замечаний по поводу некоторых деталей она продолжает: «В заключение, однако, можно сказать, что серия «Волшебная страна», со сменой авторов, представляет собой удачный, очень богатый фантазией сказочный цикл, который определенно стоит своих денег. Теперь пришло время попрощаться с Волшебной страной и её волшебными существами, но, к счастью, серия сказок располагает к повторному прочтению и каждый раз может очаровывать заново».

Госпожа Кульманн от книги к книге сопровождала наши восемь томов своими доброжелательными, хотя и не лишёнными критики, отзывами. Но я не стану скрывать, что встречались и менее благожелательные отклики. Некоторые читатели, по-видимому, предпочли бы продолжение в духе научной фантастики.

Несколько лет спустя мы решили раскрыть «секрет Бахнова», поскольку пользовались этим псевдонимом только для этих восьми томов и ещё однажды до того, для стихов в «Кроcodile по телефону» Сутеева. Хорошо это или плохо, но с тех пор эти произведения издаются под нашим именем. Кстати, это также наконец ответило на вопрос о Бахнове, который задал мне тогда упомянутый коллега-переводчик.

 LEIPZIGER INTERNET ZEITUNG
MEIN NACHRICHTEN, MEINE LEIPZIG

Kultur | [Hauptmenü](#)

Ein Pseudonym wird enthüllt: Nikolai Bachnow ist zur Hälfte ein geborener Sachse

LEIPZIG

Muss jetzt auch der Leipziger Kinderbuchverlag Leiv den Autorennamen ändern? - Seit 1996 hat er die Bücher eines gewissen Nikolai Bachnow im Programm. Auch in der Gestaltung reihen sie sich ein in viele der erfolgreichsten in der DDR verkauften Kinderbuchserien: Alexanders Wolkows Geschichten um den "Zauberer der Smaragdenstadt".

Ajonna und Klaus Möckel: Das gestohlene Tierreich
LEIPZIGER KUNSTVERLAG

Dieses Buch sollte ursprünglich mal eine Übersetzung des "Zauberers von Oz" von Lyman Frank Baum ins Russische werden. Aber Wolkow hatte beim Übersetzen so viel Spaß, dass er die Geschichte noch während des Übersetzens umbaute und durch neue Elemente erweiterte. Das Ergebnis war der 1939 in der Sowjetunion erschienene "Zauberer der Smaragdenstadt". Die bis heute eng mit der Geschichte verbundenen Illustrationen von Leonid Wladimirski kamen erst ab der Neuauflage 1959 dazu. Auf dieser Ausgabe beruht dann auch die Ausgabe, die in der DDR 1964 erschien. Das Buch gehörte fortan zu den stets vergriffenen Kinderbuchtiteln im DDR-Buchhandel. Ebenso erging es den vier Folgebänden, die Wolkow schrieb und die ebenfalls Wladimirski illustrierte. Die berühmtesten dabei sind "Der schlaue Urfin und seine Holzsoldaten" und "Die sieben unterirdischen Könige".

Aber der Hunger nach noch mehr "Wolkow" schrien auch nach 1990 unersättlich. 1996 tauchte ein neuer Name im Programm auf: Nikolai Bachnow. Der Klang ganz so, als hätte Wolkow in Russland einen geliebten Schüler gefunden, der nun weitermachte, wo der Meister mit seinem Tod 1977 aufhören musste. "In den Fängen des Seemonsters" heißt so ein Bachnow-Band im Programm des Leiv. "Die Schlange mit den Bernsteinäugen" ein anderer. Acht Bachnow-Bücher sind mittlerweile bei Leiv erschienen. Was schon zu denken gab, war die Tatsache, dass mit Hans-Eberhard Ernst ein deutscher Illustrator zum Zuge kam.

Und siehe da: Herr Bachnow ist kein freundlicher älterer Herr aus St. Petersburg.

Die in Godesm bei Schwerin heimische "Edition digital" enthüllt jetzt mit der Herausgabe des Kinderbuches „Das gestohlene Tierreich“, dem achten Buch von Nikolai Bachnow, wer wirklich dahinter steckt. Es sind sogar zwei. Denn hinter diesem gemeinsamen Pseudonym verbergen sich der Berliner Schriftsteller Klaus Möckel – Klaus heißt im Russischen Nikolai – und seine 1941 in Moskau geborene Ehefrau Ajonna, deren Mädchenname Bach lautete.

В завершение — в 2002 году издательство «Leiv» неожиданно предложило мне перевести ещё одну книгу из раннего периода истории о Волшебной стране. Русский писатель Сергей Сухинов написал книгу «Гудвин, Великий и Ужасный», целиком посвящённую этому волшебнику, который, как известно, вообще ничего не понимал в магии. В ней описывается, как Гудвин, будучи молодым человеком и мечтателем, подобно Дороти из книг Лаймена Фрэнка Баума, попадает в Волшебную страну на воздушном шаре во время шторма. Там он использует хитрость и удачу, чтобы защититься от ведьм, и с помощью чудодейственных сил своего нового окружения строит Изумрудный город. В известном смысле это позднее придуманная предыстория к сказкам о Волшебной стране.

4

Но теперь — совсем о другом. Осенью 2004 года у моего мужа обнаружили рак: небольшую, но злокачественную опухоль, которая уже успела слегка распространиться. Потребовалась радикальная операция, за которой последовала реабилитация, а через год — ещё одно вмешательство и несколько недель облучения. Для нас это было временем тревоги и мучительной, но всё же неугасавшей надежды.

При всём этом мы не хотели отдаляться от Дана. Я почти ежедневно ездила в больницу — так же, как когда-то Клаус ездил ко мне, когда я лежала в клиниках после операций или тяжёлых гипертонических кризов. Каждые вторые выходные я забирала сына домой и обычно брала его с собой навестить Клауса; он и сам был не понаслышке знаком с больничными койками. Годы спустя у него, кстати, тоже обнаружили рак, ему удалили почку, но это уже другая история.

Можно было бы подумать, что в эти месяцы на литературу не осталось бы времени, и, в сущности, так оно и было. Тем не менее, за это время у нас появилась новая книга. Независимо друг от друга, у нас возникла идея изложить на бумаге потрясение, обрушившееся на моего мужа и на нас обоих, — каждому со своей точки зрения. Когда Клаус написал первые несколько страниц, он рассказал мне об этом, и я достала свои заметки. Мы быстро поняли, что записи хорошо дополняют друг друга и, взятые вместе, образуют цельное произведение. Он был в больнице, я была дома, и мы продолжали писать — у него всегда были с собой бумага и ручка. Так появилась книга «Три капли света. Двойной дневник». Наряду с книгами «Надежда для Дана» (1983) и «Надежда, часть вторая — Дан и его картины» (2015), это, пожалуй, наша самая личная книга. Вот отрывок:

26 января, Клаус, вечер

Второй день в клинике подходит к концу. Я один в своей палате и могу вкратце описать вчерашнее обследование. В полдень меня отвели в эндоскопическое отделение в той самой распахнутой больничной рубашке, знакомой каждому хотя бы по кино, чтобы сделать две (а не одну, как я ожидал) радиоактивные инъекции в простату. Звучит это жутковато, да и сама процедура приятной не была. Несмотря на местную анестезию, я чувствовал уколы иглой и то, как жидкость вводилась в несколько этапов. Мне пришлось стиснуть зубы; человеку в такую минуту, конечно, хочется чего-нибудь поприятнее. После этого я провёл час в отделении ядерной медицины, где с помощью почти такого же мощного аппарата, как тот, который недавно использовали при сцинтиграфии скелета, визуализировали мои лимфатические узлы. Это привело к интересному разговору с врачом-рентгенологом, которая оказалась русской (уроженкой Москвы) и была замужем за писателем. Он, похоже, зарабатывает своим ремеслом не слишком много, так что хорошо, что у неё есть постоянная зарплата.

Наконец, меня отвезли обратно в палату, прямо на кровати, и в этом, надо признать, было что-то почти комичное — то, как меня возили туда-сюда. Позже — тем временем меня навестила Алёна — врачи осмотрели меня, спросили, как я себя чувствую, и хотели узнать, готов ли я к завтрашней операции. Конечно, готов — настолько, насколько вообще может быть готов человек, которому предстоит всё это. Как тот, кто должен полагаться на зоркий глаз и твёрдую руку врачей. Когда я спросил о времени, мне сказали, что завтра утром я пойду первым. По крайней мере, ждать придётся недолго.

Алёна: 26 января, вечер

Когда я около трёх часов дня появилась у Клауса, он был немного уставшим, но всё ещё в хорошем настроении. Он рассказал мне, что его сосед заметно нервничал перед тем,

как утром его повезли на операцию. Сначала ему сказали, что у него ещё есть время принять душ, а потом медсёстры внезапно прибежали с рубахой, шапочкой и компрессионными чулками: оказалось, всё начнётся раньше, чем ожидалось. Любой, кто хоть раз натягивал эти тугие чулки, легко представит себе, как «удобно» делать это на едва высохшие ноги. Я очень хорошо понимаю его волнение.

Но и ожидание операции может невероятно изматывать нервы. Я до сих пор с содроганием вспоминаю свою первую серьёзную операцию на брюшной полости. Понадобилось четыре попытки, прежде чем она наконец состоялась. Трижды дата уже была назначена, я внутренне готовилась, но каждый раз операцию в буквальном смысле отменяли в последнюю минуту. В первый раз — из-за инфекции, которую мне «подкинула» соседка по палате, во второй — из-за сильного кровотечения, которое, как назло, началось накануне и потребовало недельного лечения уколами и ледяными компрессами. Наконец, на третьей попытке — операция должна была состояться через два дня — в операционной обнаружили сепсис, и всё снова отложили! Когда врач сказал мне об этом, я была так измучена, что молча натянула одеяло на голову и разрыдалась. И вот приблизилась четвёртая дата — мой день рождения. Я никому об этом не говорила: не хотела лишний раз накликасть беду. Когда меня уже собирались везти вниз, я была полусонная, в хирургической рубашке и шапочке; тут вошёл взволнованный хирург, назначенный на операцию, и спросил, неужели никто не заглянул в мою карту. Он никак не мог оперировать меня в мой день рождения (о трёх предыдущих переносах он ничего не знал). Я успокоила его и объяснила, что меня это вовсе не смущает; напротив, лучшим подарком для меня было бы, если бы я потом снова проснулась.

Я проснулась только через двенадцать часов. Клаус тем временем несколько раз звонил в отделение, чтобы поздравить меня, а я всё спала и спала. Прооперировали меня в одиннадцать утра, а в себя я окончательно пришла лишь

незадолго до полуночи. Всё могло кончиться плохо. Тогда, из-за проблем с Даном, я была в плохой физической форме и, вероятно, поэтому тяжело перенесла наркоз. Так что свои поздравления с днём рождения Клаус смог передать только на следующее утро — по назначению, вернее, своей жене. И что мне особенно понравилось: оперировавший меня врач тоже зашел ко мне в палату и поздравил задним числом; до операции он сознательно не хотел этого делать.

С моим мужем, напротив, всё шло по плану — никаких внезапных простуд, и он прошёл все необходимые обследования. В тот день я провела с ним три часа, слушая его рассказы обо всём...

Как уже было сказано, затем ему сделали операцию, а позже — ещё одно, ещё более тяжёлое вмешательство. Без долгосрочных последствий не обошлось, но, в отличие от некоторых других пациентов, мой муж пережил этот период сравнительно благополучно. Что касается «Трёх капель света», нам удалось сохранить веру в эту книгу. Однако издателя для неё мы долго не могли найти. Нам казалось, что она, как когда-то «Надежда для Дана», могла бы стать поддержкой другим пациентам и семьям в подобной ситуации.

Наконец, нашёлся друг — врач по профессии и автор множества книг (включая около пятидесяти томов хайку — этой японской поэтической формы), — который, к счастью, взялся за наш «Двойной дневник» и в 2012 году выпустил его в основанном им издательстве «Edition D.V.» (Эрфурт). К сожалению, такая самоотдача со стороны небольших издательств редко привлекает внимание или тем более получает должную оценку в крупных СМИ.

Стоит также упомянуть, что Сабина Бек, дочь издателя Дитмара Беетца, выбрала для обложки рисунок нашего сына. В то время Дан посещал занятия по рисованию в своём интернате, где и проявил свой талант к ярким краскам. Таким

образом, в некотором смысле мы действительно оказались в этой книге одной семьёй.

Алёна Мёкель, Берлин, 2007

5

На этом, казалось бы, можно было бы поставить точку и перейти к последнему совместному проекту, в котором Дан сыграет центральную роль своими картинами. Однако я не могу не упомянуть важное событие в моей жизни. Оно также связано с искусством, и на этот раз конкретно с музыкой. Речь о моём отце.

Эрвин Иоганнес Бах, как я объяснила в первой части этих заметок, был музыкальным педагогом, пианистом и композитором. Потеряв три симфонии в суматохе своего бегства от нацистов и в годы эмиграции, он вернулся в Германию и с огромным трудом создал четвертую: симфоническую фреску «Призыв к человечеству». Он посвятил её идее мира после ужасных событий двух мировых войн, которые он сам пережил. Однако его попытки добиться исполнения этого произведения, предназначенного для большого оркестра, в ГДР оказались тщетными. Когда он умер в 1961 году, ему пришлось в полном отчаянии признать, что все его усилия и вся затраченная энергия остались неоценёнными.

Однако партитура сохранилась и досталась нам, детям, по наследству. Впоследствии мои братья Ханс и особенно Вольфганг, покинувший ГДР в 1968 году и с тех пор живший в США, пытались добиться того, чего не удалось нашему отцу. Но и их усилия оказались тщетными.

Я же, постоянно занятая заботой о сыне, не могла заниматься продвижением музыки отца, тем более что все возможности сделать её известной, казалось, были исчерпаны. Лишь сравнительно недавно, когда издательство «Edition digital» (Pekrul & Sohn) включило книги моего мужа в свою программу электронных изданий, для Эрвина Баха неожиданно открылся ещё один шанс.

Этому помогли и интернет, и то обстоятельство, что после падения Берлинской стены поиски и усилия снова можно было распространить на всю Германию.

Давайте рассмотрим всё по порядку. Госпожа Пекруль была впечатлена личностью Баха и его судьбой и опубликовала его сказку «Заячий пастух» в электронном виде. Одновременно она побудила меня написать статью о жизни и творчестве Баха для Википедии. Мне также удалось опубликовать его биографию в «Интернет-энциклопедии Гамбургского университета о преследуемых музыкантах в нацистскую эпоху» в соавторстве с Николь Ристоу. Эти публикации привлекли к нему внимание в родном городе моего отца, Хильдесхайме, который включил его в свой список выдающихся личностей.

Я не хочу слишком долго останавливаться на этой истории о почти чудесном стечении обстоятельств и личных инициатив: альтист из врачебного оркестра в Хильдесхайме заинтересовался симфонией и, поскольку требовался большой инструментальный состав, сумел увлечь этим делом генерального музыкального директора Театра Нижней Саксонии (TfN). Пришлось преодолеть множество препятствий, и до премьеры произведения в ноябре 2016 года существовал реальный риск, что всё может развалиться в последнюю минуту. Со всей скромностью отмечу, что мы с мужем не жалели усилий, чтобы привлечь внимание публики к симфонии. Мы также старались помочь делу и собственным обаянием: несколько раз ездили в Хильдесхайм на встречи, и мне даже выпала честь рассказать о своём отце в местном Ротари-клубе.

Мировая премьера состоялась в большом зале Театра Нижней Саксонии (TfN) в рамках концертной серии «Симфонические камни памяти» — в отсылку к мемориальным камням, вмонтированным в мостовую в память о преследуемых и жертвах нацистского режима. Под управлением уже упомянутого генерального музыкального

директора Вернера Зайтцера и перед многочисленной публикой (среди которой было немало представителей семьи Бах, некоторые специально приехали из Америки) это оказался впечатляющий вечер. «Фреску» окружали сочинения Макса Бруха и Дмитрия Шостаковича — с последним мой отец лично познакомился в годы эмиграции. Публика приветствовала исполнение стоя, а в прессе появилось много хвалебных откликов. Газета «Hildesheimer Allgemeine Zeitung» от 15 ноября 2016 года назвала это «образным и глубоко трогательным произведением».

Я рассказываю эту историю (и глубоко благодарна всем, кто сделал её возможной), потому что она — часть моей жизни и вместе с тем принадлежит к тому кругу искусства и литературы, о котором идёт речь в этой книге. Мне выпала честь написать приветственное слово к премьере, и его я хотела бы здесь процитировать:

«Каждая симфония начинается с первой ноты», — гласит немецкая пословица. Когда мой отец, Эрвин Иоганнес Бах, в 1953 году написал первую ноту своей «Симфонической фрески: ПРИЗЫВ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ», он лишь недавно вернулся в Германию, которую в 1934 году был вынужден покинуть как еврей и антифашист. Его первые две симфонии остались там и пропали; третья сгорела во время блокады Ленинграда, из которой семья, заброшенная туда в 1941 году, чудом сумела вырваться.

Горькие, полные лишений годы советского изгнания и ранняя смерть его жены Гертруды в 1948 году наложили на него глубокий отпечаток. Но надежда всё же вернулась. В Европе наконец воцарился мир, и мой отец, опубликовавший в 1929 году свою «Совершенную фортепианную технику» — книгу одновременно спорную и высоко оценённую, — попытался вновь обратиться к раннему творчеству. Последнюю ноту «Фрески» он написал в 1956 году и старался добиться её исполнения. К сожалению, безуспешно, несмотря на поддержку таких выдающихся музыкантов, как его друг

Дмитрий Шостакович и его бывший выдающийся ученик Золтан Фекете...

Как дочь Э. И. Баха, я имею сегодня честь обратиться к вам с приветственным словом и выразить свою огромную радость по поводу того, что «Фреска» моего отца после шестидесяти лет ожидания всё же прозвучит впервые — как своего рода «звучащий камень памяти». Я хотела бы от всего сердца поблагодарить театр TfN в Хильдесхайме и особенно генерального музыкального директора Зайтцера за то, что они взялись за симфонию почти забытого композитора. Я также благодарю всех исполнителей этого вечера и тех незаметных помощников, чья работа остаётся за кулисами.

Мой отец, родившийся в Хильдесхайме в 1897 году и окончивший Андреанум почти столетие назад, я уверена, слушал бы сегодняшний концерт с тихой радостью и удовлетворением от первой до последней ноты. Желаю всем нам глубокого, вдумчивого и незабываемого вечера.

Я написала это приветствие для премьерной программы по просьбе художественного руководителя, и считаю его небольшим литературным достижением, потому что каждое слово должно было быть безупречным. Важнейшая информация о композиторе, его творчестве и особенностях вечера должна была быть изложена в сжатом виде. В этом мне помогли многолетнее знакомство с произведениями хороших писателей и работа литературного переводчика.

Исполнение симфонии и публикации в интернете привлекли внимание нескольких музыковедов к моему отцу. Один из них, доктор Готфрид Эберле из Берлина, сам концертирующий пианист и ведущий член «Общества содействия возвращению из забвения композиторов, преследовавшихся при нацизме, и их произведений», а также вице-председатель Немецкого общества Шостаковича, опубликовал широко замеченную статью «Призыв к человечеству. Музыкант Эрвин Йоганнес Бах» в журнале

musica reanimata (№ 92 — июль 2017 г.), которую он любезно посвятил мне.

Марта Торрес дель Ринкон, преподаватель фортепиано и камерной музыки в Мадридской консерватории, проявила большой интерес к работе моего отца «Совершенная фортепианная техника» (1929). Она написала мне, что считает совершенно несправедливым «то, что работы Баха почти полностью отсутствуют в библиографиях». В то же время она попросила меня предоставить некоторую информацию по этому вопросу, поскольку планировала включить его выводы в свою диссертацию «О фортепианной технике в Англии и Германии в период с 1900 по 1930 год». Год спустя она сообщила мне, что «успешно защитила» свою диссертацию и впоследствии прочитала несколько лекций в Испании, Португалии и Англии. Она отметила значительный интерес к работам моего отца.

Им обоим также понравилась сама симфония, которую я отправила им на компакт-диске. Доктор Эберле назвал её «замечательным наследием», а Марта Торрес написала: «Мне очень нравится эта запись, она чудесная...»

В 2017 году нам наконец-то удалось вспомнить Эрвина Иоганнеса Баха как писателя большой словесной силы. Я обнаружила в старых бумагах его неопубликованную статью о блокаде Ленинграда немецким вермахтом во время Второй мировой войны и рассказала о ней нашему издателю. Хотя это свидетельство очевидца, написанное в 1940-х годах, было относительно коротким, госпожа Пекруль была глубоко тронута насыщенностью текста, красотой языка и эмоциональной силой образов и предложила опубликовать его в виде небольшой книги. Дитмар Беетц, который уже опубликовал книги моего мужа для детей «Собака по кличке Дракула» и «Три капли света», также включил это небольшое произведение в свою, вероятно, самую важную книгу — «Scripte-Friedhof» («Кладбище рукописей» / «Кладбище сценариев») (2017).

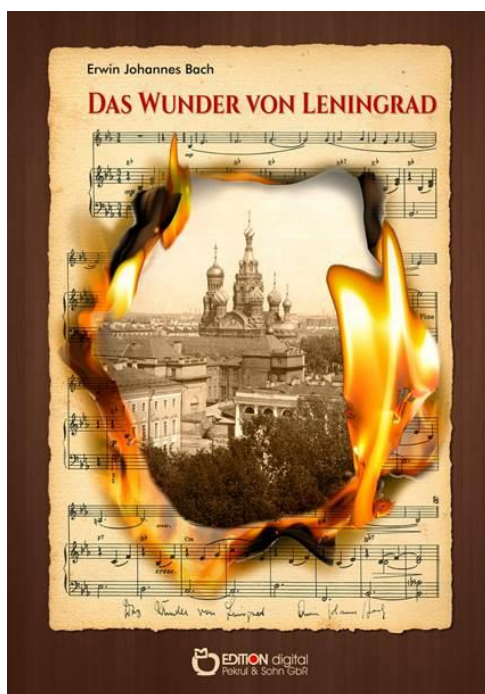
«Ленинградское чудо» рассказывает о мужестве и нравственной силе ленинградского народа перед лицом превосходящего врага, лютого холода, отчаяния и голода; о неустанных боях и разрушениях, но также и об исполнении концерта Чайковского в ледяную, смертоносную зиму 1941/42 года музыкантами, которые, измученные до смерти, тем не менее, донесли до мира своё послание человеческого достоинства. Чтобы в полной мере понять трагедию и одновременно храбрость осаждённых, необходимо прочитать статью. Вот хотя бы начало:

Весна 1941 года была холодной и поздней, холодной и поздней даже для Ленинграда, чей климат не балует его жителей. Даже в мае почки не пробудились, а белый лёд мерцал на прудах в парках. А потом наступил июнь с его весенней зеленью и цветами, а затем пришла война. Много испытаний выпало на долю Ленинграда, ещё с тех времен, когда он назывался Санкт-Петербургом. Летняя радость угасла мгновенно, как поваленный факел, и серая тревога омрачила лик города. Его мозг превратился в нервный узел войны; Ленинград знал свою судьбу с самого первого дня. Я говорил о Красной армии. Ленинград говорил о блокаде и смерти, говорил о голоде, который знал прежде. Ленинград помнил интервенционистские войны и думал о лишениях, о 125, о 150 граммах хлеба в день.

...

Лицо города темнело, оно погружалось в траур и пепел. Золотые шпили — эти характерные игольчатые вершины башен, обычно ярко сиявшие над городом, потемнели, приобретя пепельно-серый оттенок. Большой золотой купол Исаакиевского собора и меньший купол Адмиралтейства покрылись серо-чёрным цветом... Всё больше окон домов и витрин магазинов закладывали кирпичом; оживленная жизнь в аркадах угасла и затихла. Произведения искусства и культурные сокровища вывозили из города, памятники заколачивали досками и заключали в защитный бетонный

панцирь. Живые существа окаменели, словно люди и животные в серой, древней легенде. Ленинград стал линией фронта. Бомбы врывались в его истекающую кровью жизнь и словно по злой магии срывали фасады зданий, так что в квартиры можно было заглядывать, словно из партера в комнату театральной декорации. С резким, хладнокровным, железным рыком снаряды длинноствольных орудий пробивали зияющие дыры в фасадах домов, за которыми ещё несколько мгновений назад сидели живые матери с теплыми детьми. Мужчин не стало, отцов, братьев, сыновей и мужей...

Я перечитываю эти строки сегодня — перед лицом новой, ещё недавно казавшейся немыслимой, жестокой войны, развязанной российской армией по приказу Путина против Украины, — уже совсем иными глазами. Какое пугающее повторение исторической бесчеловечности — только с обратным знаком. Какой откат к средневековому варварству, да ещё и с куда более разрушительным оружием. К этому добавляется и угроза ответить даже ядерными ударами на

помощь, которую другие государства оказывают жертве агрессии.

Не могу не процитировать ещё несколько строк из «Чуда»:

Враг стоял перед городом, в городе и вокруг города. И этот враг — мой народ, мой немецкий народ — о боль, о слёзы! — народ, который я любил и который, как мне казалось, не мог оставить. Я больше не узнавал язык своего народа; это был лишь безжалостный лай снарядов, которые разрывали фасады домов и сметали людские очереди перед продуктовыми магазинами и трамвайными остановками, железный лай фюрера. Мой враг пришел из моего народа, враг всего человечества, который отправил мою старую мать в газовую камеру, пока я сражался в Ленинграде.

И вот перед нами город, охваченный борьбой. Он сражался, стиснув зубы и сжав кулаки, даже во сне. Было что-то последнее, что-то немыслимое, и город думал об этом немыслимом. Окопы тянулись по его бульварам, миномётные подразделения и части связи занимали позиции в парках и зеленых зонах, а вдоль улиц возводились баррикады, блокируя движение. Документы компаний, заводов и организаций сжигались, их чёрная сажа покрывала булыжники города. Вывески компаний и улиц снимались; город больше не знал своих собственных имен. Город не умирал; он жил лихорадочной и напряженной жизнью. Население выходило на улицу каждый день с первыми лучами рассвета. Женщины и подростки, девушки и старики. Они укрепляли город, строили оборонительные позиции и противотанковые заграждения; враг наблюдал за ними, обстреливал и бомбил их.

Создаётся ощущение, будто этот текст написан совсем недавно — словно его создал современный очевидец нынешней войны, необыкновенно точно владеющий словом. И когда мой отец пишет, что больше не узнаёт язык своего немецкого народа, мне трудно узнать в нынешних событиях в Украине тот дружелюбный русский язык, к которому я всегда

относилась с уважением. Остаётся лишь надеяться, что язык российских правителей не может быть языком обманутого ими народа.

Это не политическая книга; я, однако, рассматриваю свои переводы и всё, что с ними связано, как небольшой вклад в международное взаимопонимание. Эрвин Иоганнес Бах относился к своим литературным и музыкальным творениям примерно так же. И в завершение этой главы: в 2018 году мне удалось передать его наследие в дар архиву Университета искусств (UdK). Там, в Университете искусств, который в то время ещё назывался «Академической высшей школой музыки в Берлине-Шарлоттенбурге», он изучал музыку несколько семестров почти сто лет назад, и я была рада найти достойное место для него и его творчества. В то же время я передала архиву свой экземпляр докторской диссертации Марты Торрес, что она с радостью приняла. Она написала мне:

Я была очень рада вашему дару Берлинскому университету искусств (UdK Berlin). Думаю, это было не только щедрое пожертвование, но и разумное решение, а также очень справедливый способ почтить память вашего отца. Я также рада, что мою диссертацию там тоже приняли!

Проект, посвящённый Э. И. Баху, потребовал от меня и моего мужа четырёх лет напряжённой работы. Но до этого, ещё в 2015 году, мы опубликовали ещё одну очень важную работу в издательстве «Edition digital», причём не только в цифровом формате, но и в полноцветном печатном виде: «Надежда, часть вторая — Дан и его картины» — подарок нашему сыну на его 50-летие. Книга, хотя и вышла спустя тридцать лет, продолжает уже упомянутую книгу-свидетельство «Надежда для Дана» и, как и всё, что мы написали о нашем сыне, несколько нетрадиционна. Ею я хочу завершить свои записки.

Эта книга представляет собой сборник из примерно ста картин, созданных нашим сыном, дополненный несколькими

фотографиями «художника» и краткими комментариями, с помощью которых мы хотели приблизить читателю его особенный мир. Во введении мы написали:

Картины Дана оживляют и украшают наши комнаты. Когда гость входит в нашу гостиную, его взгляд волшебным образом притягивают некоторые пейзажи на противоположной стене. Написанные акриловыми красками, они особенно впечатляют своими цветами. Картина в центре особенно бросается в глаза, и не только потому, что она больше остальных. На ней изображены три дерева на лугу, их густые, лиственные ветви тянутся к красному небу, поднимающемуся из тёмно-зелёного. Красный цвет намекает на восходящий свет, а перед деревьями странно плывёт коричневатое солнце...

Этот и другие рисунки наш сын создал уже после того, как ему перевалило за тридцать — до этого он «довольствовался» раскрашиванием готовых картинок. Если дать ему карандаш или кисть и краски, в лучшем случае он рисовал человечков из палочек. Это было связано с его особенностями: такие занятия не имели для него смысла. Как бы мы ни старались привить ему радость от занятия, которое мы бы назвали творческим, ему явно не хватало понимания и мотивации.

Мы уже подробно рассказывали о Дане — ребёнке, с которым было так трудно, — и о годах его юности, включая проблемы, с которыми мы столкнулись. Поэтому здесь мы приводим лишь несколько фактов, которые могут помочь в понимании книги. Наш сын, родившийся в 1966 году, сразу после рождения серьёзно заболел и получил необратимые повреждения головного мозга в раннем детстве. Он потерял слух, и все попытки научить его говорить потерпели неудачу. Несмотря на значительные усилия с нашей стороны и со стороны специалистов, он не смог выучить язык жестов. Он не мог научиться читать и, следовательно, не мог читать по губам; из-за этого он оставался замкнутым в своём собственном внутреннем мире. Мы смогли проникнуть в его

мир лишь в ограниченной степени с помощью естественных жестов и отдельных написанных слов, которые он ассоциировал с конкретными предметами.

Дети получают большую часть своих знаний через слова; они задают вопросы и получают (по крайней мере, в общих чертах) ответы. Они используют компьютеры или читают книги (по крайней мере, иногда), и даже когда смотрят фильмы, текст служит связующим звеном между изображениями. Дану приходилось получать свои знания исключительно через зрение, обоняние и вкус: его опыт был очень непосредственным и физическим. Ни звуки (уличный шум, музыка, пение птиц), ни объяснения до него не доходили. Невозможно объяснить нашему «безмолвному» сыну, почему из крана течет вода, как образуются облака или почему солнце даёт свет и тепло. В конфликтах он не может ни у кого попросить совета или помощи; он должен всё решать сам. Вдобавок ко всему, хотя Дан по-своему умен, он, как правило, очень пассивен. Он быстро адаптируется к внешним обстоятельствам, за короткое время складывая пазл из пятисот деталей, не глядя на образец... Но ему никогда не пришлось бы в голову взять в руки пазл или ручку самостоятельно.

Увлечение живописью у Дана началось на занятиях по рисованию, которые проходили в его интернате. Он писал цветы, пейзажи, дома, деревья и кусты, небо и море. Иногда луга покрыты ковром из цветов, иногда причудливые, безлистные ветви возвышаются на осеннем или зимнем фоне. Есть абстрактные картины, которые могли бы стать достойным произведением любого художника, предпочитающего новаторский стиль, а есть и простые каракули. Люди или животные появляются редко, но когда появляются, то изображены в ярких красках на фоне красочного окружения. Некоторые картины просты, другие кажутся сложными. В этих картинах можно увидеть много смыслов и, приложив немного усилий, почувствовать язык

безмолвного человека, выражающего свои мысли и чувства таким образом.

«У Дана, — однажды сказала его преподавательница, — замечательное чувство цвета». Известная писательница Ренате Холланд-Мориц в 2016 году восторженно отзывалась в интернете о «настоящих взрывах цвета в наивной живописи» после прочтения книги. А Вольфганг Селлин, многолетний руководитель издательств «Das Neue Berlin» и «Eulenspiegel», написал нам: «Спасибо за эту книгу, которую я не могу просто поставить на полку. Эти изображения трогают меня и настолько оригинальны, что побуждают зрителя к размышлению. Ещё раз спасибо, и оставайтесь ещё долго рядом с Даном...»

Sprache der Bilder

Von Jan Erik

Klaus Möckels «Hoffnung für Dan» erschien 1983. Das Thema war neu in der DDR-Literatur: der schonungslos hehrliche Mütter über das Leben mit einem behinderten Kind. Das Buch, das sofort einen großen Leserkreis ansprach, beruhte auf den leidvollen Erfahrungen von Klaus und Aljonna Möckel mit ihrem 1966 geborenen Sohn Dan. Durch eine frühkindliche Hirnschädigung taubstumm und nicht fähig, die Zeichensprache zu erlernen, war und blieb Dan in jeder Beziehung ein schwieriges Kind. Die Eltern gaben die Hoffnung für ihn niemals auf. Berechtigt, wie sich erwies.

Inzwischen lebt und arbeitet Dan seit langem in einer geschützten Einrichtung. Die Wochenenden und den Urlaub verbringen die Eltern mit ihm. Bis heute können sie sich nur durch wenige Gesten mit Dan verständigen. Er lebt in einer eigenen, nahezu hermetischen und geräuschlosen Welt, die ihm niemand zu erklären vermag. Er kennt keine Musik, keine Kunst oder Literatur, kann seine Gedanken, Wünsche und Gefühle nicht ausdrücken. Versuche, ihn mit Farbstiften zu beschäftigen, endeten mit wirren Kritzeleien. Dann wurde in der Einrichtung ein Malzirkel gegründet, und zur Freude der Eltern begann Dan sich mit Farben anzufreunden und sie mit kühnem Pinselstrich zu gebrauchen. Mit Feuerfeder erlernte der sonst so Ungeduldige die Grundlagen der Malkunst, tauchte farbkraftige Aquarelle, malte mit Acryl und benutzte Fettsäure. Er bevorzugt tiefes Blau und kräftiges Grün, liebt das Wasser und Segelboote, Häuser, Menschen und Tiere, zu denen er ein eher distanzierendes Verhältnis hat, gerät kindlich-ungelenk. Aber die Natur! Neben abstrakt anmutenden

Motiven liebt sie Dan einen ganz eigenwilligen Kontext. Da wachsen Büsche wie Pilze, stehen Blumen mit kräftigen Stängeln in satten Wiesen, brackelt auch mal ein Papagei an Gezwang.

Zur großen Überraschung eignete sich Dan schließlich eine spezielle Technik an, um mit viel Geduld feinste Punkte und Verzahnungen auf die Malfläche zu bringen. Seine zarten Winterbilder, das leuchtende, wie mit japanischen Kirschblüten überzogene Strauchwerk, die kalten Äste vor gelb-rot dräuender Landschaft verblühen und begeistern den Betrachter.

Als 2009 zum Jubiläum des Mauerfalls für die «Aktion Domino» 1200 Meter hohe Styropor-Blicke zu zielen waren, fuhr seine Lehrerin mit Dan zur Glienicke-Brücke. Anschließend malte Dan die Brücke, über die er oft mit seinen Eltern fuhr, auf einen der symbolischen Steine. Dazu Vögel, einen Baum und eine Wiese. Am Potsdamer Platz erlebte er, wie sein Stein Nr. 359, den er freudig wiedererkannte, in einer Aktion umfiel, deren Sinn ihm dunkel blieb.

Die Möckels haben für den kleinen Band etwa hundert von Dans Bildern – von denen einige schon in Ausstellungen gezeigt worden sind – ausgewählt. Das Buch ist als ein Geschenk für den Sohn gedacht: Im April wird Dan 50. Der einblättrige Begleitetext und die Fotos verraten einiges von dem, was er und seine Eltern in diesen 50 Jahren vollbracht haben.

Inzwischen hat Dan aufgehört zu malen. Der Saal für den Malzirkel, an den er gewöhnt war, entspricht nicht mehr den feuerpolizeilichen Sicherheitsanforderungen.

Aljonna u. Klaus Möckel: Hoffnung, die zweite – Dan und seine Bilder. EDITIO digital. 172 S., br., 14,90 €.

ND/7.1.2016

Das Buch werde ich kaufen

Zu »Sprache der Bilder«, 7.1., S. 17
Hoch erfreut habe ich über ein neues Buch vom Ehepaar Möckel über ihren Sohn Dan gelesen. Ich habe das Buch »Hoffnung für Dan« damals mehrmals gelesen. Ich habe die Eltern sehr bewundert, wie sie das Leben gemeinsam mit ihrem Sohn gemeistert haben. Oft habe ich gedacht, was wohl aus Dan geworden ist. Ich wünsche dem Ehepaar Möckel viel Gesundheit, damit sie für ihren Sohn noch lange da sein können. Natürlich werde ich das Buch kaufen. Danke an das »nd«, das ich seit einer Ewigkeit lese.
Margot Hellmuth, Berlin

ND/15.1.16

Любой, кто читал и перечитывал трогательный литературный рассказ Клауса Мёкеля о его глухом сыне, опубликованный в многочисленных изданиях, возможно, задавался вопросом, была ли оправдана «Надежда для Дана».

Да, она была оправдана! Родители Дана, Алёна и Клаус Мёкель, предоставляют доказательства в книге «Надежда, часть вторая — Дан и его картины». Эта замечательная книга настоятельно рекомендуется всем, кто ценит настоящие взрывы цвета в наивном искусстве.

Ренате Холланд-Мориц, 29 марта 2016 г.

В моей книге представлены некоторые картины Дана. Три из них он уже выставил на выставке «Искусство без барьеров» в Потсдаме, а другие скоро будут выставлены в берлинской церкви. Что касается меня и моего мужа, мы поддерживаем его творчество всеми силами.

Эта книга тоже отняла у нас немало времени: нужно было отобрать, сфотографировать и рассортировать рисунки, прежде чем записать их на компакт-диск и отправить издателю. Что касается текстов, мы старались подстроить их под то, как развивалась его манера рисовать.

Этот подарок к его особому дню рождения, который заметно его порадовал, как, впрочем, и работа над отцовским наследием, не принёс нам никакой финансовой выгоды.

На этом, собственно, я и завершаю свой рассказ. Я сознательно поместила рисунки в конец, потому что Дан, как уже говорилось вначале, неотделим от моей жизни и моей работы. Он неотделим ни от светлых воспоминаний — например, когда мы уступали ему место у иллюминатора в самолёте, а он с изумлением смотрел на облака или на крошечные домики внизу, — ни от тяжёлых: как тогда, несколько лет назад, во время отпуска на Балтийском море, когда уже на второй день отдыха мы вдруг обнаружили кровь на его белье. Или когда после УЗИ врач немедленно отправил нас в отделение неотложной помощи районной больницы, и диагноз рака почки (который в конечном итоге лишил его правой почки) обрушился на нас, как удар молота. Дану, как диабетика, тогда уже нельзя было принимать назначенные до тех пор таблетки; его пришлось перевести на инсулин, а это означало, что мне тоже пришлось многому научиться. Например, делать ему инъекции во время отпусков и выходных, которые он проводил с нами, и ещё внимательнее следить за его здоровьем.

Дан с родителями, Берлин, 1984 год

Дан, 1994 год

Дан за рисованием

Пенопластовый блок, расписанный Даном в ознаменование 20-й годовщины падения Берлинской стены (2009).

«Мост Глинике (Glienicker Brücke)» (1 x 2,50 м)

Так оно и остаётся: Дан всегда рядом — и в моей работе над чужими книгами, и в моих собственных текстах. Он всегда был со мной: то моей болью, то моей улыбкой; он рядом, где бы ни находился, и если в моей уже довольно поздней жизни я ещё раз возьму в руки перо, он, несомненно, будет рядом и тогда.

Берлин, июнь 2022 года

Рецензии и благодарности

Тексты рецензий и благодарностей

Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин и Веймар

Руководство издательства

Уважаемая г-жа Мёкель,

Ваше сотрудничество с нашим издательством началось в 1983 году с многозначной, символически насыщенной книги Владимира Крупина «Живая вода». Не менее аллегоричная «Крылатая Серафима» Владимира Личутина вновь перенесла вас в атмосферу русского Севера. Вы тонко и с большим чувством нюанса передали язык, глубоко укоренённый в этой культуре, а вместе с ним — мировосприятие и уклад жизни самобытных героев романа. Совсем иного подхода потребовали затем книги Маканина — «Погоня», «Валечка Чекина» и «Гражданин убегающий» из сборника «Голоса»: своим лаконизмом, разговорной интонацией и фигурой «антигероя» они обозначили новое направление в современной литературе. К так называемой «Московской школе» принадлежит и Анатолий Курчаткин, и в переводе «Бабьего дома» вы точно уловили его иронично-отстранённый тон. Не менее чутко вы познакомили немецких читателей и с двумя совершенно непохожими романами ленинградской писательницы И. Грековой — «Фазан» (немецкое издание: „Lebensbeichte eines schönen Mannes“) и «Перелом» (немецкое издание: „Das zerbrochene Heiligtum“). А перевод романа «Суд» немецко-казахского писателя Юрия Герта ещё раз убедительно показал широту вашего переводческого диапазона.

Этим рядом переводов вы прочно вошли в круг переводчиков издательства «Aufbau-Verlag». Сегодня мы хотим поблагодарить вас за ваш ответственный вклад в знакомство немецких читателей с современной советской литературой.

В знак признания вашей многолетней, заслуженной и творчески плодотворной работы в качестве переводчицы позвольте вручить вам премию в размере 2000 марок.

Мы надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество и желаем вам крепкого здоровья и нового вдохновения.

С уважением,

Издательство «Aufbau-Verlag»

Элмар Фабер

Директор издательства

Современные сатиры из СССР в издательстве «Eulenspiegel Verlag»

«Сейчас придёт поезд»

Пенсионер Ипполитов невозмутимо готовит себе завтрак, как вдруг телефонный звонок выбивает его из привычной колеи. Некий, как сказано в тексте, «нетерпеливый дискант», то есть высокий, пронзительный голос, требует по телефону, чтобы он «наконец открыл ворота»: поезд вот-вот прибывает.

Уверения, что, вероятно, просто ошиблись номером, ничуть не ослабляют лавину странного, непостижимого и абсурдного, которая обрушивается на Ипполитова. Совершенно незнакомые люди уже почему-то знают, что поезд стоит именно у него. Одни, когда он вконец растерян и даже успел назвать адрес, являются к нему с шампанским и сладким вином — лишь бы им достался вагон под порожнюю тару; другие дают понять, что с отправкой поезда можно и повременить, если только у локомотива заменят шатун и дымовую трубу.

Но и сам добропорядочный пенсионер мало-помалу входит во вкус и, проявив неожиданную сноровку снабженца, втягивается в этот безумный обменный водоворот. Штанга и труба действительно прибывают, зато посыльные тут же выносят из квартиры его импортный мягкий гарнитур. Посуду он уже на свой страх и риск сбывает за гайки и болты. Гостиная превращается в склад материалов, а приехавшие к вечеру родственники — в живые вопросительные знаки. Ипполитов лишь устало и исчерпывающе повторяет: «Поезд здесь был». У него — у человека, который весь день не выходил из дому и у которого всего лишь случайно сошёл с ума телефон...

Издательству «Eulenspiegel Verlag» снова удалось попасть прямо в цель. Составительница и переводчица Алёна Мёкель подаёт сборник «Ванна, полная икры» (259 стр., 9,80 марки) как изысканное лакомство — именно то, что обещано уже самим названием. В этой антологии представлены тексты тридцати одного автора юмора и сатиры самых разных советских национальностей, а значит — и самые разные темпераменты, стили и взгляды.

И это действительно так. География сборника простирается от Казахстана (уморительную историю про Ипполитова написал Эдуард Медведкин) до Литвы, от Украины до Дальнего Востока. Известная московская «Литературная газета» называет свою юмористическую страницу «Клубом двенадцати стульев» — по мотивам классического романа Ильфа и Петрова. Эту новую книгу вполне можно было бы назвать и «Атласом тридцати одной весёлой истории».

Гюнтер Беллманн

BZA, 9 декабря 1983 г.

Ванна, полная икры

Кто же не мечтал бы о такой «ванне» — пряной, аппетитной, полной маленьких лакомых кусочков, поданных Алёной Мёкель? Широко известная переводчица читала этот

сборник более чем семидесяти внимательным слушателям в зале школьного культурного центра в Дальвиц-Хоппегартене во время Недели советской книги.

Уже само по себе приятно хоть ненадолго отвести взгляд от привычного телеэкрана и вместо этого, за бокалом вина, отведать литературной икры. Мы слушали живой голос Алёны Мёкель, которая, несомненно, сознательно ограничила себя, выбрав для одного-единственного вечера лишь несколько проб из богатства своей многолетней переводческой работы.

Легко и с весёлой живостью она провела нас по этим коротким историям через весь Советский Союз. После каждого рассказа переводчица, словно сама Фортуна, вытягивала жребий, и счастливец уносил домой книгу, пластинку или художественную безделицу. Время пролетело слишком быстро. А в последовавшей беседе, полной вопросов и ответов, мы узнали ещё немало интересного о её работе.

Франц Сикора

Биркенштейн

27 ноября 1995 г.

Открытие

Похвала Алёне Мёкель, которая открыла нам этого украинского писателя, превосходно перевела его тексты и снабдила книгу информативным, написанным с явной теплотой послесловием (иллюстрации Гарри Юргенса). Остап Вишня, родившийся в 1889 году, начал писать после Октябрьской революции. Поскольку он работал для журналов и газет, из-под его пера в большом количестве выходили короткие, фельетонные, а нередко и сатирические тексты. Не все современники относились к ним с пониманием. Составительница разделила подборку на три части. Путевые заметки ведут не только по Крыму, но и в Берлин. Там, в 1928 году, он вздыхает: «Вот они — берлинские лошади, обречённые на гибель. Будь я на их месте, я пустился бы

вскачь в нашу херсонскую степь». Вишня — не усердный хроникёр, стремящийся зафиксировать всё подряд. Он замечает и смешное, и незаметное, остающееся на обочине; подтрунивает над охотой за покупками («Музеи Берлина»), за которой тут же встаёт страх перед таможенной («Как пройти таможеню»). Тот, кто знает Крым, поймёт и его восторг перед красотой природы, который он тщетно старается скрыть. В деревенских и охотничьих историях он с юмором рисует привычки жизни и мышления, но умеет становиться и весьма язвительным, когда речь заходит о халатности, нечестности и плохом отношении к труду. Тут-то и проступает подлинный сатирик. Марго Зелински

Остап Вишня: Пешком в Ялту, Юмористические рассказы, издательство Eulenspiegel, Берлин. 168 страниц.

Wochenpost, № 36, 1982

Эти невысказанные слова

Владимир Личутин: «Крылатая Серафима»

Владимир Личутин, родившийся в 1940 году под Архангельском, работал и лесником, и слесарем. Сын учителя, он пришёл к прозе через радиодраматургию и стал рассказчиком историй, действие которых по большей части разворачивается на берегах Белого моря.

Суров там климат; суров и пейзаж в устьях Онеги и Двины. Суровы и те истории любви, и те человеческие судьбы, о которых Владимир Личутин рассказывает в «Крылатой Серафиме» (Aufbau-Verlag Berlin, 131 стр., твёрдый переплёт, 4,50 марки). Прошло сорок лет с тех пор, как Серафима оказалась в этом краю, насквозь пронизанном криками чаек. Тогда она была совсем юной. Как учительница, она помогла многим. Как мать, вырастила шестерых детей — нередко в тяжёлых обстоятельствах, слишком часто порождённых причудами её своенравного мужа Хрисанфа. Теперь, уже в старости, тяжело больная сердцем, она пытается как-то

ужиться со странностями этой «грохочущей души, окутанной винными парами».

Это человеческая судьба, о которой здесь рассказывается одновременно и сдержанно, и с участием: судьба Тимофея Ильича, этого «лесовика», который в последние тёплые августовские дни пытается бежать из неудавшегося брака к Натасье, дочери Серафимы. Перед самым приходом осени — в прямом и переносном смысле — разворачивается «хрупкая игра чувств». «Сколько во мне слов, и все они стесняют меня. Эти невысказанные слова...»

Рассказу, переведённому Алёной Мёкель с русского, предпослан эпиграф, отчётливо задающий экзистенциальный тон. Широкие размышления о печали и радости, гневе и доброте, отчаянии и жажде надежды действительно определяют интонацию этой прозы, снова и снова склонной к медитации. Но философское начало обретает здесь подлинную силу прежде всего в зримых, конкретных образах — скажем, в сцене китобойного промысла, в рассказе о строительстве дома или в изображении трудностей тесного совместного быта.

Томас Тадеа

National-Zeitung, 20 мая 1986 г.

Язык образов

Ян Эйк

Книга Клауса Мёкеля «Надежда для Дана», вышедшая в 1983 году, затронула тему, для литературы ГДР тогда ещё почти неосвоенную: беспощадно честный рассказ матери о жизни с ребёнком-инвалидом. Книга, сразу нашедшая широкий круг читателей, выросла из мучительного опыта Клауса и Алёны Мёкель, связанного с их сыном Даном, родившимся в 1966 году. Из-за раннего повреждения мозга Дан был глухонемым, не смог освоить даже язык жестов и во всех отношениях оставался ребёнком, с которым было очень

трудно. И всё же родители никогда не теряли надежды — и, как показало время, не напрасно.

Дан уже давно живёт и работает в специальном учреждении с защищёнными условиями. Выходные и отпуск родители проводят вместе с ним. До сих пор они могут объясняться с Даном лишь при помощи нескольких жестов. Он живёт в собственном, почти герметичном и беззвучном мире, который никто не в состоянии ему объяснить. Он не знает ни музыки, ни искусства, ни литературы, не умеет выразить свои мысли, желания и чувства. Попытки занять его цветными карандашами долго заканчивались спутанными каракулями. Но затем в учреждении появился кружок рисования, и к радости родителей Дан постепенно подружился с красками и начал пользоваться ими смелым мазком. Обычно такой нетерпеливый, он с настоящим жаром осваивал основы живописи: писал насыщенные акварели, работал акрилом, брал в руки восковые мелки. Ему особенно близки глубокий синий и густой зелёный; он любит воду и парусные лодки. Дома, люди и животные, к которым он, скорее, внутренне отчуждён, у него выходят по-детски неуклюжими. Но природа! Наряду с почти абстрактными мотивами она открывает Дану совершенно особый, только ему принадлежащий космос. Тут деревья растут, как грибы, на сочных лугах стоят цветы на крепких стеблях, а в ветвях вдруг может примоститься попугай.

К великому удивлению всех, Дан со временем выработал особую технику: с огромным терпением наносил на живописную поверхность мельчайшие точки и тончайшие разветвления. Его хрупкие зимние пейзажи, светящиеся кусты, словно осыпанные цветами японской вишни, и голые ветви на фоне грозно жёлто-красного неба удивляют и восхищают зрителя.

В 2009 году, когда к годовщине падения Берлинской стены для «Акции Домино» расписывали пенопластовые блоки высотой 1,20 метра, его преподавательница повезла Дана к

Глиникскому мосту. Позже Дан изобразил этот мост, по которому он часто ездил вместе с родителями, на одном из символических блоков. Он добавил к нему птиц, дерево и луг. На Потсдамской площади он увидел, как его блок — № 359, который он с радостью узнал, — рухнул в ходе акции, смысл которой так и остался для него смутным.

Для этой небольшой книги супруги Мёкель отобрали около ста работ Дана — некоторые из них уже экспонировались на выставках. Книга задумана как подарок сыну: в апреле ему исполняется пятьдесят. Чуткий сопроводительный текст и фотографии многое раскрывают из того, чего он и его родители достигли за эти пятьдесят лет.

Тем временем Дан перестал рисовать. Зал, где проходил привычный для него кружок, больше не отвечает требованиям пожарной безопасности.

Алёна и Клаус Мёкель: «Надежда, часть вторая — Дан и его картины». Издательство «Edition digital». 172 стр., мягкая обложка, 14,90 евро.

Эту книгу я куплю

К статье «Язык образов», 7 января, стр. 17

С большой радостью я прочитала о новой книге супругов Мёкель, посвящённой их сыну Дану. Книгу «Надежда для Дана» я когда-то перечитывала не раз. Я очень восхищалась тем, как родители вместе со своим сыном справлялись с жизнью. Мне часто приходило в голову: что же стало с Даном? Желаю супругам Мёкель крепкого здоровья, чтобы они ещё долго могли быть рядом со своим сыном. Эту книгу я, разумеется, куплю. Спасибо и газете «nd», которую я читаю уже целую вечность.

Марго Хеллмут, Берлин

ND / 15 января 2016 г.

**Отрывки из писем издательства
«Kinderbuchverlag Berlin» о книгах серии
«Алиса»**

22.12.86

Уважаемая г-жа Мёкель,

Буквально в последний момент к нам на стол «вкатилась» книга «Лиловый шар» — к тому же в очень удачном оформлении. Алиса становится всё популярнее — теперь в том числе благодаря телесериалу «Hundert Jahre voraus» («Гостя из будущего»), так что и эту книгу дети наверняка примут очень тепло.

Вам, как «приёмной матери» Алисы, мы ещё раз сердечно благодарны за всю заботу об этом очаровательном ребёнке и уже ждём следующую книгу. Всего доброго вам и вашей семье в новом году.

С дружеским приветом

Подписи

1.6.87

Уважаемая г-жа Мёкель,

Сегодня мы хотим сообщить вам, что издательство приняло ваш перевод книги Кира Булычёва «Hundert Jahre voraus» («Сто лет тому вперёд»). В ближайшее время вам будет выплачена последняя треть гонорара. Благодарим вас за хороший перевод и особенно за тщательное, потребовавшее немало труда сокращение и уплотнение текста, которое явно пошло книге на пользу. Мы будем рады продолжению нашего доброго сотрудничества и остаёмся

С дружеским приветом

издательство «Kinderbuchverlag Berlin»

Подписи

25.1.1988

Уважаемая г-жа Мёкель,

Нам доставляет радость сегодня отправить вам первый экземпляр переведённой вами книги:

Кир Булычёв, «Das Mädchen aus der Zukunft» («День рождения Алисы»; «Пленники астероида»)

Надеемся, что оформление книги придётся вам по душе, и хотим ещё раз воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить вас за ваш чуткий и стилистически уверенный перевод.

С уважением,

издательство «Kinderbuchverlag Berlin»

4.3.88

Уважаемая г-жа Мёкель, мы обращаемся к вам в связи с заключённым договором на перевод произведений Кира Булычёва «Zwei Fahrkarten nach Indien» («Два билета в Индию») и «Die schwarze Reisetasche» («Чёрный саквояж») и хотели бы, в соответствии с новым положением о гонорарах и с учётом ожидаемо высокого качества вашей работы, повысить согласованную в договоре оплату за страницу до 24 марок. В ближайшие дни вы получите первый платёж...

С уважением,

издательство «Kinderbuchverlag Berlin»

12.12.88

Уважаемая г-жа Мёкель,

Как раз к Рождеству вышел последний том «Алисы» Кира Булычёва, который вы перевели для нас. Останется ли он последним? Во всяком случае, он снова обещает нашим читателям радость и захватывающее чтение, ведь с Алисой они уже прекрасно знакомы благодаря вашему посредничеству.

И от нас — ещё одно сердечное спасибо. Мы очень надеемся, что вам понравится оформление этого тома с иллюстрациями Х. Хандшика. С радостью ждём продолжения сотрудничества с вами и остаёмся,

С уважением,

издательство «Kinderbuchverlag Berlin»

Подписи

27.3.86

Уважаемая г-жа Мёкель,

Мы хотели бы ещё раз поблагодарить вас за ваш тонкий, чуткий перевод текстов Распутина, а также за дружеское сотрудничество. С этим письмом вам перечисляется третья часть гонорара. Мы очень надеемся, что эти поэтические истории найдут внимательного и заинтересованного читателя!

С уважением,

издательство «Kinderbuchverlag Berlin»

Подписи

Письмо издательства «Leiv» господину Бахнову

Г-н и г-жа Мёкель

Андерсенштр. 4

10439 Берлин

26.04.1997

Уважаемый г-н Бахнов,

Издательство «Leiv» благодарит вас за новую рукопись

«Змея с янтарными глазами»

и настоящим сообщает о её принятии.

Нам понравилась эта хорошо написанная, увлекательная, по-настоящему сказочная история, в которой много действия, свежо обыграны знакомые персонажи и удачно введены новые. Ларри, гроза кошек, и Минни-паучиха — действительно удачные приобретения, вполне достойные

стать полноправными литературными героями. В целом это очень удачное продолжение цикла о Волшебной стране. Наши небольшие пожелания по правке вы найдёте в пометках ниже.

Просим вас ещё раз внимательно подумать над концовкой.

Здесь недостаёт завершающего штриха. Хотя все приключения уже остались позади, читателю может не хватить либо намечающейся «тени» новых приключений, либо ясного, хорошего финального звучания с возвращением героев к прежней жизни — оба варианта были бы возможны и уместны.

Просим вас ещё раз обдумать это место.

Благодарим автора и переводчицу за столь созвучную оригиналу передачу текста и остаёмся

с дружеским приветом

Издательство «LeiV»

От имени доктора Катрин Пипер

ЛЕЙПЦИГСКАЯ ИНТЕРНЕТ-ГАЗЕТА

Псевдоним раскрыт: Николай Бахнов оказался саксонцем лишь наполовину

Придётся ли теперь и лейпцигскому детскому издательству «LeiV» менять имя автора? С 1996 года в его программе значатся книги некоего Николая Бахнова. И по своему оформлению они примыкают к одной из самых успешных детских серий, когда-либо продававшихся в ГДР: книгам Александра Волкова о «Волшебнике Изумрудного города».

Изначально эта книга должна была стать русским переводом «Волшебника страны Оз» Лаймена Фрэнка Баума. Но сам перевод так увлёк Волкова, что он ещё по ходу работы начал переделывать сюжет и обогащать его новыми элементами. Так и появился «Волшебник Изумрудного города», вышедший в Советском Союзе в 1939 году. Иллюстрации Леонида Владимировского, сегодня неотделимые

от этой истории, появились лишь в переиздании 1959 года. Именно на нём основано и издание, вышедшее в ГДР в 1964 году. С тех пор книга постоянно числилась среди тех детских изданий, которых в книжной торговле ГДР вечно не хватало. Та же судьба постигла и четыре продолжения, написанные Волковым и также иллюстрированные Владимирским. Самые знаменитые среди них — «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» и «Семь подземных королей».

Но и после 1990 года жажда ещё большего «Волкова», казалось, оставалась ненасытной. В 1996 году в каталоге появилось новое имя: Николай Бахнов. Оно звучало так, будто Волков нашёл в России прилежного ученика, который продолжил дело мастера после его смерти в 1977 году. Один из таких бахновских томов в программе LeiV называется «В лапах морского чудовища», другой — «Змея с янтарными глазами». К настоящему времени в LeiV уже вышло восемь книг Бахнова. И особенно заставляло задуматься то, что иллюстратором этих книг выступал немецкий художник Ханс-Эберхард Эрнст.

И вот выясняется: господин Бахнов вовсе не добродушный пожилой человек из Санкт-Петербурга.

Издательство «Edition digital», находящееся в Годерне под Шверинем, выпустив детскую книгу «Украденное царство животных» — восьмую книгу Николая Бахнова, — теперь раскрывает, кто в действительности скрывается за этим именем. И даже не один человек, а сразу двое. Под этим общим псевдонимом скрываются берлинский писатель Клаус Мёкель (ведь Klaus по-русски — Николай) и его жена Алёна, родившаяся в Москве в 1941 году и носившая девичью фамилию Бах.

Алёна Мёкель

Родилась в 1941 году в Москве. В 1947 году семья вернулась из эмиграции в Германию. После окончания школы изучала славистику и романистику в Йене, работала редактором современной советской литературы в берлинском

издательстве «Volk und Welt», а с 1969 года работает свободным литературным переводчиком.

Перевела множество романов и рассказов с русского языка, среди них произведения Белова, Грековой, Евтушенко, Крупина, Личутина, Маканина, Некрасова, Распутина, Велембовской, а также книги для детей (Сутеев, Бахнов) и научную фантастику (Булычѐв, А. и Б. Стругацкие). Составляла и редактировала сборники юмористической прозы.

Замужем за писателем Клаусом Мёкелем, имеет сына, живѐт в Берлине.

Библиография:

Пояснение к библиографии: русские названия немецких книг, сборников и антологий, если они не являются названиями русских оригинальных изданий или устоявшимися русскими названиями, даны как условные переводы немецких заглавий.

I. Переведѐнные книги

Аркадий и Борис Стругацкие:

«Далѐкая Радуга» (немецкое издание: „Der ferne Regenbogen“). Издательство «Das Neue Berlin», 1971 / издательство «Heune», 1976 / издательство «Suhrkamp», 1983 и 1996 гг.

«Малыш» (немецкое издание: „Die dritte Zivilisation“, позднее также „Der Knirps“). Издательство «Das Neue Berlin», 1975 / издательство «Heune» (ежегодный том серии SF, № 3790), а также издательство «Das Beste», Штутгарт, 1988, в: «На пути в мир завтрашнего дня».

«Пикник на обочине» (немецкое издание: „Picknick am Wegesrand“). Издательство «Das Neue Berlin», 1976 / издательство «Suhrkamp», 1981.

«Полдень, XXII век» (немецкое издание: „Mittag. 22. Jahrhundert“). Издательство «Das Neue Berlin», 1977 / издательство «Droemer und Knaur», карманное издание, № 5775.

«Улитка на склоне» [главы о Кандиде] (немецкое издание: „Der Wald“). Издательство «Das Neue Berlin», 1980, в: „Die Rekonstruktion des Menschen“ / «Реконструкция человека».

«Машина желаний» (немецкое издание: „Die Wunschmaschine“). Издательство «Das Neue Berlin», 1985, в: „Lichtjahr 4“ / «Световой год 4» / издательство «Suhrkamp», 1986, в: „Polaris 10“.

«Стажёры» (немецкое издание: „Praktikanten“). Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1994 г. (частичный перевод).

Кир Булычёв:

«Марсианское зелье» (немецкое издание: „Das Marselixier“). Издательство «Das Neue Berlin», 1980 г.

Немецкое издание „Besuch aus dem Kosmos“ включает: «Космический десант»; «О любви к бессловесным тварям»; «Паровоз для царя». Издательство «Neues Leben», Берлин, 1982 г.

«Девочка с Земли» / включает «Девочка, с которой ничего не случится» и «Путешествие Алисы» (немецкое издание: „Das Mädchen von der Erde“). Издательство «Kinderbuchverlag», Берлин, 1984 г.

«Лиловый шар» (немецкое издание: „Die lila Kugel“). Издательство «Kinderbuchverlag», Берлин, 1986 г.

«Перевал» (немецкое издание: „Der Gebirgsspass“). Издательство «Das Neue Berlin», 1986 / издательство «Heune», 1995, в: „Die Überlebenden“ / «Посёлок».

«День рождения Алисы»; «Пленники астероида» (немецкое издание под общим названием „Das Mädchen aus der Zukunft“). Издательство «Kinderbuchverlag», Берлин, 1987 г.

«Сто лет тому вперёд» (немецкое издание: „Alissa jagt die Piraten“). Издательство «Kinderbuchverlag», Берлин, 1988 г.

«Два билета в Индию»; «Чёрный саквояж» (немецкое издание под общим названием „Julka und die Außerirdischen“). Издательство «Kinderbuchverlag», Берлин, 1989 г.

Евгений Евтушенко

«Мама и нейтронная бомба» (немецкое издание: „Mutter und die Neutronenbombe“). Поэма, совместно с Клаусом Мёкелем. Издательство «Volk und Welt», Берлин, 1983 г. / издательство «Paul Zsolnay Verlag», Вена, Гамбург, 1987 г.

«Фуку» (немецкое издание: „Fuku“). Поэма, совместно с Клаусом Мёкелем. Издательство «Volk und Welt», Берлин, 1987 г. / издательство «Paul Zsolnay Verlag», Вена, Гамбург, 1987 г.

Алексей Азаров / Владислав Кудрявцев: «Дом без ключа» (немецкое издание: „Haus ohne Schlüssel“). Издательство «Volk und Welt», Берлин, 1974 г.

Ольга Ларионова: «Леопард с вершины Килиманджаро» (немецкое издание: „Der Leopard vom Kilimandscharo“). Издательство «Neues Leben», Берлин, 1974 г. / издательство «Dammitz Verlag», Мюнхен, 1975 г.

Юрий Антропов: «Неделя перед новолунием» (немецкое издание: „Die Woche vor dem Neumond“). Издательство «Neues Leben», Берлин, 1975 г.

Антология „Die Braut aus dem Trolleybus“ (условный русский перевод названия: «Невеста из троллейбуса»). Издательство «Eulenspiegel Verlag», Берлин, 1976 г.

Леонид Ленч: «Взяточник в аду» (немецкое издание: „Der Bestechliche in der Hölle“). Издательство «Eulenspiegel Verlag», Берлин, 1979 г.

Аркадий и Георгий Вайнер: «Лекарство от страха» (немецкое издание: „Medizin gegen die Angst“). Издательство «Das Neue Berlin», 1979 / издательство «Heune», 1981.

Борис Можаев: «Из жизни Фёдора Кузькина» [авторское название: «Живой»] (немецкое издание: „Die Abenteuer des Fjodor Kuskin“). Издательство «Volk und Welt», Берлин, 1979 г. / издательство «Suhrkamp», 1981 г.

Остап Вишня: «Пешком в Ялту» (немецкое издание: „Zu Fuß nach Jalta“). Издательство «Eulenspiegel Verlag», Берлин, 1981 г.

Антология „Eine Wanne voll Kaviar“ (условный русский перевод названия: «Ванна, полная икры»). Издательство «Eulenspiegel Verlag», Берлин, 1983 г.

Игорь Скорин: «Обычная командировка» (немецкое издание: „Eine gewöhnliche Dienstreise“). Издательство «Das Neue Berlin», 1984 г.

Владимир Крупин: «Живая вода» (немецкое издание: „Das Wasser des Lebens“). Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1984 г.

Владимир Личутин: «Крылатая Серафима» (немецкое издание: „Die geflügelte Serafima“). Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1985 г.

Ахмедхан Абу-Бакар: «Снежные люди» (немецкое издание: „Schneemenschen“). Издательство «Eulenspiegel Verlag», Берлин, 1986 г.

Валентин Распутин: «Земля Родины» (немецкое издание: „Der Junge, der Fluß und der große Wald“). Издательство «Kinderbuchverlag», Берлин, 1987 г.

Владимир Маканин: «Погоня» (немецкое издание: „Die Verfolgungsjagd“). Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1987 г.

Анатолий Курчаткин: «Бабий дом» (немецкое издание: „Ein Weiberhaus“). Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1988 г.

Александр Богданов: «Инженер Мэнни» (немецкое издание: „Ingenieur Menni“), в кн.: Der rote Planet / Ing. Menni — «Красная звезда / Инженер Мэнни». Издательство «Volk und Welt», Берлин, 1989 г.

Владимир Маканин: «Валечка Чекина» (немецкое издание: „Valetschka Tschekina“); «Гражданин убегающий» (немецкое издание: „Bürger Flüchtling“), в немецком сборнике „Stimmen“ (условный русский перевод названия: «Голоса»). Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1989 г.

И. Грекова: «Фазан» (немецкое издание: „Lebensbeichte eines schönen Mannes“). Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1989 г.

Виктор Некрасов: «Маленькая печальная повесть» (немецкое издание: „Drei Musketiere aus Leningrad“). Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1993 г.

Ирина Велембовская: «Все проходит» (немецкое издание: „Es geht alles vorüber...“). Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1993 г.

Константин Сергиенко: «До свидания, овраг!» (немецкое издание: „Die Schlucht der wilden Hunde“). Издательство «Kinderbuchverlag», Берлин, 1993 г.

Анри Кулонж: «La marche hongroise» (немецкое издание: „Das verschwundene Gesicht“; условный русский перевод названия: «Исчезнувшее лицо») (совместно с Клаусом Мёкелем). Издательство «Rütten & Loening», Берлин, 1994 г.

Воспоминания о Борисе Пастернаке (частичный перевод). Издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1994 г.

Юрий Кузнецов: «Изумрудный дождь» (немецкое издание: „Der Smaragdenregen“). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1994 г.

Юрий Кузнецов: «Пленники кораллового рифа» (немецкое издание: „Die Gefangenen des Korallenriffs“). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1995 г.

Владимир Сутеев: «Щенок, кот и мышь» (немецкое издание: „Hündchen, Katz und Maus“). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1995 г.

Юрий Кузнецов: немецкий том об Арахне „Die Riesin Arachna“ (условный русский перевод названия: «Великанша Арахна»). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1996 г.

Владимир Сутеев: «Крокодил по телефону» (немецкое издание: „Das Krokodil am Telefon“). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1996 г.

Владимир Сутеев: «Лягушонок, медведь и козёл» (немецкое издание: „Fröschlein, Bär und Ziegenbock“). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1997 г.

Владимир Сутеев: «Курочка на берёзе» (немецкое издание: „Das Hühnchen im Birkenbaum“). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1997 г.

Владимир Сутеев: «Заячий день рождения» (немецкое издание: „Hasengeburtstag“). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1998 г.

Сергей Сухинов: «Гудвин, Великий и Ужасный» (немецкое издание: „Goodwin der Schreckliche“; совместно с Клаусом Мёкелем). Издательство «LeiV», Лейпциг, 2002 г.

II. Рассказы в антологиях

Марсель Эме: „Rue Saint-Sulpice“ (условный русский перевод названия: «Улица Сен-Сюльпис»); „Die Rüstung“ (условный русский перевод названия: «Доспехи»). В немецком сборнике „Ein Mann geht durch die Wand“ (условный русский перевод названия: «Человек проходит сквозь стены»; перевод с французского), издательство «Volk und Welt», Берлин, 1969 г.

Геннадий Гор: «Синее окно Феокрита» (немецкое издание: „Das blaue Fenster des Theokrit“), в немецком сборнике „Der Diamantenmacher“ (условный русский перевод названия: «Создатель алмазов»), издательство «Neues Leben», Берлин, 1972 г.; позднее также в немецком издании „Das blaue Fenster des Theokrit“, издательство «Heune», 1978 г.

Илья Варшавский: «Петля гистерезиса» (немецкое издание: „Die Hysteresis-Schleife“); «Уловки Купидона» (немецкое издание: „Amors Streiche“). В немецком сборнике „Der Traumladen“ (условный русский перевод названия: «Магазин снов»). Издательство «Das Neue Berlin», Берлин, 1973 г.

Валентина Журавлёва: «Человек, создавший Атлантиду» (немецкое издание: „Der Mann, der Atlantis schuf“), в немецком сборнике „Die Ypsilon-Spirale“ (условный русский

перевод названия: «Ипсилонская спираль»), издательство «Neues Leben», 1973 г.

Аркадий и Борис Стругацкие: «Забытый эксперимент» (немецкое издание: „Das vergessene Experiment“).

Геннадий Гор: «Великий актёр Джонс» (немецкое издание: „Der große Schauspieler Jones“).

Владлен Бахнов: «Из невыдуманных рассказов много повидавшего и заслуженного путешественника во времени Николая Лошкина» (немецкое издание: „Aus den nichterdachten Erzählungen des weitgereisten und verdienten Zeitenfahrers Nikolaj Loshkin“). В немецком сборнике „Fenster zur Unendlichkeit“ (условный русский перевод названия: «Окно в бесконечность»), издательство «Das Neue Berlin», Берлин, 1974 г.

Аркадий и Борис Стругацкие: «Свидание» (немецкое издание: „Der Jäger“); «Десантники» (немецкое издание: „Planetenerkunder“). В немецком сборнике „Das Zeitfahrrad“ (условный русский перевод названия: «Велосипед времени»), издательство «Neues Leben», 1974 г.

Василий Белов: «Целуются зори» (немецкое издание: „Wenn sich Morgen- und Abenddämmer küssen“), в немецком сборнике „Die Novitätenkassette“ (условный русский перевод названия: «Кассета новинок»), издательство «Volk und Welt», Берлин, 1975 г.; позднее также в немецком сборнике „Frühlingsnacht“ (условный русский перевод названия: «Весенняя ночь»), издательство «Aufbau-Verlag», Берлин, 1982 г.

Юрий Антропов: «Волшебные шары» (немецкое издание: „Die Zauberkugeln“), в немецком сборнике „Das häßliche Mädchen“ (условный русский перевод названия: «Уродливая девушка»), издательство «Neues Leben», 1975 г.

Леонид Андреев: «Мысль» (немецкое издание: „Der Gedanke“), в немецком сборнике „Der Prozeß des Fähnrichs Jelagin“ (условный русский перевод названия: «Дело корнета Елагина»), издательство «Das Neue Berlin», Берлин, 1976 г.

Север Гансовский: «Зверёк» (немецкое издание: „Die Zieselmaus“).

Лев Стекольников: «Предупреждает „Меркурий-1“» (немецкое издание: „Der seltsame Funkspruch“). В немецком сборнике „Der unheimliche Fahrstuhl“ (условный русский перевод названия: «Жуткий лифт»), издательство «Kinderbuchverlag Berlin», Берлин, 1976 г.

Аркадий и Борис Стругацкие: «Свидание» (немецкое издание: „Der Jäger“); Геннадий Гор: «Синее окно Феокрита» (немецкое издание: „Das blaue Fenster des Theokrit“). В немецком сборнике „Das Raumschiff“ (условный русский перевод названия: «Космический корабль»), издательство «Neues Leben», 1977 г.

Валентин Распутин: «Василий и Василиса» (немецкое издание: „Wassili und Wassilissa“), в немецком сборнике „Leb und vergiß nicht“ (условный русский перевод названия: «Живи и помни»), издательство «Volk und Welt», 1977 г.; позднее также в немецком сборнике „Es war ein Land der Tränen“ (условный русский перевод названия: «Это была страна слёз»), издательство «Aufbau-Verlag», 1991 г.

Хуу Май: „Der Uhrmacher von Dien Bien Phu“ (условный русский перевод названия: «Часовщик из Дьенбьенфу»; перевод с французского). Нгуен Суан Тхиеу: „Pak Thien und seine Freunde“ (условный русский перевод названия: «Пак Тхиен и его друзья»; перевод с русского). В немецком сборнике „Vietnamesische Erkundungen“ (условный русский перевод названия: «Вьетнамские исследования»), издательство «Volk und Welt», 1977 г.

Игорь Подколсин: «Один на борту» (немецкое издание: „Allein an Bord“), издательство «Neues Leben», 1977 г.

Фазиль Искандер: «Начало» [или: «Начало (Вместо автобиографии)»] (немецкое издание: „Der Anfang“); «Время счастливых находок» (немецкое издание: „Die Zeit der glücklichen Funde“); «Моя милиция меня бережёт» (немецкое издание: „Meine Miliz behütet mich“); «Молодость моря»

(немецкое издание: „Die Jugend des Meeres“). В немецком сборнике „Mein Onkel brav und bieder“ (условный русский перевод названия: «Мой дядя самых честных правил»), издательство «Volk und Welt», 1978 г.

Дмитрий Биленкин: «Недотрога» (немецкое издание: „Der allergische Planet“); «Земные приманки» (немецкое издание: „Irdische Köder“); «Ничего, кроме льда» (немецкое издание: „Nichts als Eis“); «Давать и брать» (немецкое издание: „Geben und Nehmen“). В немецком сборнике „Der Intelligenztest“ (условный русский перевод названия: «Тест на интеллект»), издательство «Volk und Welt», 1978 г.

Лев Стекольников: «Предупреждает „Меркурий-1“» (немецкое издание: „Der seltsame Funkspruch“), издательство «Neues Leben», Берлин, 1978 г.

М. Т. Васудеван Наяр: „Fesseln“ (условный русский перевод названия: «Оковы»; перевод с русского), в немецком сборнике „Ihm gefallen weiße Saris“ (условный русский перевод названия: «Ему нравятся белые сари»; индийские рассказы), издательство «Volk und Welt», 1978 г.

Василий Шукшин: «Скука» (немецкое издание: „Der Langweiler“); «Три грации» (немецкое издание: „Die drei Grazien“); «Послесловие» (немецкое издание: „Postskriptum“). В немецком сборнике „Gespräche bei hellem Mondschein“ (условный русский перевод названия: «Беседы при лунном свете»), т. 2, издательство «Volk und Welt», Берлин, 1979 г.

Алексей Толстой: «Граф Калиостро» (немецкое издание: „Graf Cagliostro“), в немецком сборнике „Die Entdeckung Riels“ (условный русский перевод названия: «Открытие Риэля»), издательство «Das Neue Berlin», 1980 г.; позднее также в немецком сборнике „Die letzte Tür“ (условный русский перевод названия: «Последняя дверь»), издательство «DTV», Мюнхен, 1983 г.

Вячеслав Шугаев: «Арифметика любви» (немецкое издание: „Arithmetik der Liebe“); Нина Семёнова: «Золотая годовщина свадьбы» (немецкое издание: „Goldene Hochzeit“).

В немецком сборнике „Arithmetik der Liebe“ (условный русский перевод названия: «Арифметика любви»), издательство «Tribüne», Берлин, 1980 г.

Николай Лесков: «Привидение в Инженерном замке» (немецкое издание: „Das Gespenst in der Ingenieurburg“), в немецком сборнике „Der Vampir“ (условный русский перевод названия: «Вампир»), издательство «Das Neue Berlin», Берлин, 1981 г.

Владимир Щербаков: «Отступление» (немецкое издание: „Der Rückzug“), в немецком сборнике „Der Wurfspieß des Odysseus“ (условный русский перевод названия: «Копьё Одиссея»), издательство «Neues Leben», Берлин, 1981 г.; позднее также в „SF Story-Reader 21“, издательство «Heune», 1984 г.

Ольга Ларионова: «Королевская охота» (немецкое издание: „Königliche Jagd“); Кир Булычѳев: «Сказка о репе» (немецкое издание: „Das Märchen von der Rübe“); Аркадий и Борис Стругацкие: «Благоустроенная планета» (немецкое издание: „Ein gut eingerichteter Planet“). В немецком сборнике „Gut eingerichtete Planeten“ (условный русский перевод названия: «Благоустроенные планеты»), издательство «Das Neue Berlin», 1982 г.; позднее также издательство «Hohenheim Verlag», Гамбург, 1988 г.

Владимир Фирсов: «Кенгуру» (немецкое издание: „Der Känguruh-Planet“); Дмитрий Биленкин: «Дырка в стене» (другое название: «Дыра в стене»; немецкое издание: „Das Loch in der Wand“); «Точка зрения» (немецкое издание: „Der Standpunkt“); Север Гансовский: «Чёрный камень» (немецкое издание: „Der schwarze Stein“). В немецком сборнике „Genie auf Bestellung“ (условный русский перевод названия: «Гений по заказу»), издательство «Volk und Welt», 1982 г.

Василий Белов: «Обычный человек» (немецкое издание: „Ein Allerweltskerl“; условный русский перевод немецкого названия сборника). «Письмо в Архангельск» (немецкое издание: „Ein Brief nach Archangelsk“). «Целуются зори»

(немецкое издание: „Wenn sich Morgen- und Abenddämmer küssen“). В немецком сборнике „Ein Allerweltskerl“ (условный русский перевод названия: «Обычный человек»), издательство «Eulenspiegel Verlag», 1983 г.

Константин Сергиенко: «Побочный эффект» (немецкое издание: „Der Nebeneffekt“), в немецком сборнике „Der Traumsender“ (условный русский перевод названия: «Передачик снов»), издательство «Volk und Welt», 1986 г.

Александр Дударев: «Счастье» (немецкое издание: „Glück“), в немецком сборнике „Der Liebe Prunkgemächer“ (условный русский перевод названия: «Великолепные палаты любви»), издательство «Eulenspiegel Verlag», 1987 г.

Владимир Крупин: «Колокольчик» (немецкое издание: „Das Glöckchen“), в немецком сборнике „Pferderennen an einem Feiertag“ (условный русский перевод названия: «Скачки на празднике»), издательство «Reclam Verlag», Лейпциг, 1987 г.

III. Издания, подготовленные к печати

Евгений Евтушенко: «Третья память» (немецкое издание: „Das dritte Gedächtnis“; при содействии Харальда Рааба). Стихи. Издательство «Volk und Welt», Берлин, 1970 г.

„Die Braut aus dem Trolleybus“ (условный русский перевод названия: «Невеста из троллейбуса»; совместно с Виктором Веселовским). Юмористические рассказы. Издательство «Eulenspiegel Verlag», Берлин, 1976 г.

„Vietnamesische Erkundungen“ (условный русский перевод названия: «Вьетнамские исследования»; с Клаусом Мёкелем). Рассказы. Издательство «Volk und Welt», Берлин, 1977 г.

Леонид Ленч: «Взяточник в аду» (немецкое издание: „Der Bestechliche in der Hölle“). Юмористические рассказы. Издательство «Eulenspiegel Verlag», Берлин, 1979 г.

Остап Вишня: «Пешком в Ялту» (немецкое издание: „Zu Fuß nach Jalta“). Юмористические рассказы. Издательство «Eulenspiegel Verlag», Берлин, 1981 г.

„Eine Wanne voll Kaviar“ (условный русский перевод названия: «Ванна, полная икры»). Юмористические рассказы. Издательство «Eulenspiegel Verlag», Берлин, 1983 г.

Василий Белов: «Обычный человек» (немецкое издание: „Ein Allerweltskerl“). Рассказы. Издательство «Eulenspiegel Verlag», Берлин, 1983 г.

IV. Книги (совместно с Клаусом Мёкелем)

Николай Бахнов: „In den Fängen des Seemonsters“ (условный русский перевод названия: «В лапах морского чудовища»; совместно с Клаусом Мёкелем). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1996 г.

Николай Бахнов: „Die Schlange mit den Bernsteinaugen“ (условный русский перевод названия: «Змея с янтарными глазами»; совместно с Клаусом Мёкелем). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1997 г.

Николай Бахнов: „Der Schatz der Smaragdenbienen“ (условный русский перевод названия: «Сокровище изумрудных пчёл»; совместно с Клаусом Мёкелем). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1998 г.

Николай Бахнов: „Der Fluch des Drachenkönigs“ (условный русский перевод названия: «Проклятие короля драконов»; совместно с Клаусом Мёкелем). Издательство «LeiV», Лейпциг, 1999 г.

Николай Бахнов: „Die falsche Fee“ (условный русский перевод названия: «Ложная фея»; совместно с Клаусом Мёкелем). Издательство «LeiV», Лейпциг, 2000 г.

Николай Бахнов: „Die unsichtbaren Fürsten“ (условный русский перевод названия: «Невидимые князья»; совместно с Клаусом Мёкелем). Издательство «LeiV», Лейпциг, 2001 г.

Николай Бахнов: „Der Hexer aus dem Kupferwald“ (условный русский перевод названия: «Колдун из Медного леса»; совместно с Клаусом Мёкелем). Издательство «LeiV», Лейпциг, 2002 г.

Николай Бахнов: „Das gestohlene Tierreich“ (условный русский перевод названия: «Украденное царство животных»;

совместно с Клаусом Мёкелем). Издательство «Leiv»,
Лейпциг, 2003 г.

„Drei Tropfen Licht. Ein doppeltes Tagebuch“ (условный русский перевод названия: «Три капли света. Двойной дневник»). Издательство «Edition D.V.», Эрфурт, 2012 г.

„Hoffnung, die zweite — Dan und seine Bilder“ (условный русский перевод названия: «Надежда, часть вторая — Дан и его картины»). Издательство «Edition digital», Пиннов, 2015 г.

V. Собственные книги

„Picknick im Zauberland. Mein Leben mit Sprachen“ (условный русский перевод названия: «Пикник в Волшебной стране: Моя жизнь с языками»). Издательство «Edition digital», Пиннов, 2023 г.

Электронные книги Алёны Мёкель

(В соавторстве с Клаусом Мёкелем)

Три капли света. Двойной дневник

Рак простаты — как справиться с таким потрясением? Писатель и его жена, родители сына с инвалидностью, рассказывают о своих страхах и надеждах.

В лапах морского чудовища. Книга 1 бахновского цикла

На краю Волшебной страны, в Море Раковин, лежит царство морской королевы Бельдоры. Там мирно живут русалки, рыбы и другие морские существа. Но внезапно в чистых водах появляется зловонное, прожорливое грязевое чудовище.

Змея с янтарными глазами. Книга 2 бахновского цикла

На юге Волшебной страны стоит замок, некогда принадлежавший ведьме Бастинде. Бастинда мертва, и замок сгорает знойным летом. Но из пепла выползает прекрасная и коварная змея Лелия. И тень ведьмы тоже оживает.

Сокровище изумрудных пчёл. Книга 3 бахновского цикла

В глубине лесов Волшебной страны народ Изумрудных пчёл хранит сокровище. Если оно пропадёт, весь пчелиный народ обречён.

Большеухие Братья отправляются в первобытный лес, чтобы похитить сокровище. Пчёлам и их фее дарована лишь короткая отсрочка.

Проклятие короля драконов. Книга 4 бахновского цикла

Уродливый дракон пожелал взять Тельвину Вундершён из Волшебной страны в жёны — к её ужасу и к ужасу её дяди Дина Гиора. Раубальд не только своими набегами наводит ужас на людей и зверей, но и обладает колдовской силой.

Ложная фея. Книга 5 бахновского цикла

В Розовой стране правит добрая и мудрая фея Стелла. Марк, подлый мошенник, втирается к ней в доверие, чтобы заполучить её волшебные книги. Ему удаётся принять облик Стеллы и занять её место.

Невидимые князья. Книга 6 бахновского цикла

В Волшебной стране творится нечто невообразимое. Лавки грабят среди бела дня, целые стада угоняют, а разбойников невозможно увидеть — в лучшем случае они мелькают как зеленоватые тени. Когда наконец похищают ещё и старого рыбака Пэта Риву вместе с его шаландой, мудрому Страшиле приходится вмешаться.

Колдун из Медного леса. Книга 7 бахновского цикла

В Медном лесу обитает мрачный колдун Калигмо. Свою магическую силу он черпает из куста, которому за это должен отдавать собственную кровь. Когда на состязании магов в Изумрудном городе он занимает лишь третье место, то клянётся страшно отомстить. Город должен зарости, а всякая жизнь в нём — задохнуться.

Украденное царство животных. Книга 8 бахновского цикла

В Волшебной стране происходит нечто невообразимое: царство животных вместе с его королём, Смелым Львом, похищено. Великан рассыпает над лесом уменьшающий порошок, так что деревья, кусты и сами звери становятся совсем крошечными. Затем он сворачивает всё это, словно ковёр, и тащит в горы — как игрушку для своих детей.

Надежда, часть вторая — Дан и его картины

В 1983 году вышла пронзительная книга Клауса Мёкеля о его глухом сыне — «Надежда для Дана», один из первых в ГДР рассказов о жизни людей с инвалидностью. Эта подлинная книга-свидетельство, посвящённая матери Дана, рассказывает о трудном повседневном существовании рядом с такими детьми и о почти неразрешимых проблемах, перед которыми нередко оказывались их родители. В своё время книга вызвала бурные обсуждения и вплоть до девяностых

годов находила широкий круг читателей. Теперь, снова доступная как электронное издание в «Edition digital», она рассказывает о взрослении ребёнка до четырнадцатилетнего возраста и завершается желанием родителей найти для сына второй дом — место, которое дарило бы ему чувство защищённости и после их смерти; в ту пору для такого желания требовался немалый оптимизм.

Из книги «Надежда, часть вторая» читатель узнаёт, что этот оптимизм, пусть и не совсем в той форме, как когда-то думалось, всё же был оправдан. Теперь Дан, уже значительно старше, живёт в потсдамском доме-интернате для людей с инвалидностью, где о нём заботятся, и работает в мастерской с защищёнными условиями труда. Его родители стараются сохранить с ним живую связь: регулярно забирают его к себе и часто проводят вместе с ним отпуск.

Но эта вторая книга — не очередной рассказ о жизни Дана, а собрание картин, созданных Даном за многие годы. При помощи небольших, подчас юмористических историй авторы пытаются сделать зримым язык своего «безмолвного» сына, который из-за раннего поражения мозга не может общаться с окружающим миром ни жестами, ни через чтение, ни через письмо. Так возник удивительный том, полный наивного искусства и великолепных красок: тёмно-зелёные леса, яркие цветы, ветви с почти японской тонкостью, синие дома, красное и жёлтое небо. Прежде всего это книга, позволяющая заглянуть в многократно зашифрованный мир.

Чудо Ленинграда

«Чудо Ленинграда» — свидетельство очевидца, поражающее силой образов и глубиной мысли. Жизнь Эрвина Иоганнеса Баха была драматична. Родившийся в Хильдесхайме в 1897 году, будущий композитор и писатель потерял на Первой мировой войне брата — рану на всю жизнь, — а затем и сам ушёл на фронт. Он изучал разные дисциплины, опубликовал важный музыковедческий труд «Совершенная фортепианная техника», создал четыре

симфонии, из которых три были утрачены из-за бегства и войны. В 1934 году, спасаясь вместе с молодой женой от национал-социалистов, он бежал в СССР, где попал под сталинские «чистки», пережил унижения и ссылку. Семья, в которой родились трое детей, была обречена на одиссею по маршруту Москва, Одесса, Свердловск на Урале, Томск в Сибири, Ташкент в Узбекистане. К началу войны Бах оказался в Ленинграде, вскоре подвергшемся одной из самых жестоких истребительных кампаний немецкого вермахта. Именно об этой блокаде — о разбитых домах, о голодающих и замерзающих людях когда-то великолепного города — и рассказывает публикуемый здесь текст. И всё же это не книга смирения и тем более не книга отчаяния, потому что Бах верил во внутреннюю силу человека. Концерт Чайковского в ледяную зиму 1941/42 года становится для него доказательством мужества и несгибаемости перед лицом злонамеренного, убийственного разрушения. Это послание убеждает своей глубокой правдой. Книга, выходящая к 120-летию со дня рождения Э. И. Баха, — свидетельство человеческой стойкости в величайшей нужде. Текст дополнен статьями и письмами о жизни и творчестве этого незаслуженно забытого художника.

Привидение в Инженерном замке: три убийственные истории из царской России

Три рассказа, собранные в этой небольшой книге, были написаны в последние десятилетия царской эпохи и переведены с русского на немецкий известной переводчицей Алёной Мёкель. Поскольку сборники, в которых они когда-то появились, сегодня дремлют разве что в антикварных лавках, эти тексты переживают маленькое воскресение. Они увлекательны, дерзки, полны фантазии и неожиданных поворотов — и вполне заслуживают того, чтобы их прочли заново.

Один из трёх рассказов, «Мысль» Леонида Андреева, повествует об убийстве, чьё скрупулёзное планирование и

безжалостное исполнение описывает сам преступник — врач. Это психологический портрет хладнокровного убийцы. Два других текста — захватывающие истории о призраках, полные жути и неожиданных находок. Все три автора по-своему играют с ужасом. У Алексея Толстого печально знаменитый «граф Калиостро», итальянский авантюрист и мошенник, державший в XVIII веке в напряжении европейские дворы, преследует русского помещика. Он использует болезненную влюблённость своей жертвы в женский портрет ушедшей эпохи и высвобождает демонические, разрушительные силы. Николай Лесков, старший из трёх авторов, в рассказе «Привидение в Инженерном замке» прослеживает слухи о сверхъестественных событиях в царском кадетском корпусе. Петербургские кадеты, ещё почти дети, сначала насмеются над призрачными явлениями в своей крепости, а затем сами оказываются втянутыми в бурный водоворот, казалось бы, необъяснимого.

Необычная, захватывающая и побуждающая к размышлению книга с предисловием переводчицы.